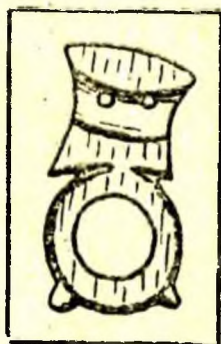

ГОРЫ И РАВНИНЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Махачкала 1991

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

ГОРЫ И РАВНИНЫ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
КАВКАЗА В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНИЕ ВЕКА

Сборник трудов

Махачкала 1991

Составитель: д. и. н. *Давудов О. М.*

Редакционная коллегия:

*Гаджиев М. Г., Гаджиев М. С., Гмыря Л. Б.,
Давудов О. М.*

Рецензенты:

А. Р. Магомедов, Р. Г. Магомедов

Сборник посвящен развитию материальной культуры горных и равнинных районов Северо-Восточного Кавказа. В нем охарактеризованы и проанализированы фортификационные сооружения, бытовые и погребальные памятники, отдельные археологические предметы, дана история чеканки монет в Дербенте XIV — нач. XV вв. Большинство материалов впервые вводится в научный оборот или дается их новая интерпретация.

Для археологов, историков, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей и археологией Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Северо-Восточный Кавказ представляет собой сложную ландшафтную систему, состоящую из гор и равнин, которые, находясь в тесном взаимодействии и во взаимосвязи, существенно влияют на формирование хозяйственно-культурного типа и историко-культурных регионов. Ход исторического развития кавказских народов показал, что экономика и культура горных и равнинных зон не могут существовать друг без друга. В тесном взаимодействии гор и равнин формируются своеобразные способы производства, социально-экономический и политический облик общества. Поэтому проблема «горы и равнины» представляется нам одной из актуальных в истории Дагестана, как и в истории всего Кавказа. Грузинские археологи, например, давно обратили внимание на эту проблему и усиленно разрабатывают ее. Они уже провели несколько международных и региональных конференций, готовят к изданию сборники статей и монографии. В Дагестане же пока не сделано ничего, нет труда, характеризующего культурно-исторические процессы, происходящие в горах и равнинах в их связи и взаимозависимости. Наш сборник призван восполнить этот пробел. В его составлении приняли участие сотрудники и аспиранты Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР. Предложенные ими статьи охватывают большой исторический промежуток времени от эпохи ранней бронзы до позднего средневековья.

Статья М. Г. Гаджиева «Горы и равнины Дагестана в эпоху раннего металла» посвящена особенностям возникновения производящего хозяйства на Северо-Восточном Кавказе, его характеристике и этапам освоения горных долин, склонов, плато. Отмечено, что в раннеземледельческий период горы опережали равнины в экономическом и культурном развитии, а подлинный расцвет раннеземледельческой культуры наступил с широким освоением просторов равнин. На заключительном раннеземледельческом этапе местные племена вступили в сложные взаимоотношения со степными подвижными племенами, что в значительной степени определило своеобразие культуры и ход дальнейшего развития Северо-Восточного Кавказа.

В статье Р. Г. Магомедова «О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана» впервые выделены материалы второй половины III тысячелетия до н. э., документирующие проникновение в Приморский Дагестан отдельных групп майкопских племен Северо-Западного и Центрального Предкавказья.

Г. Д. Атаев на основании анализа керамики со шнуровым орнаментом из погребальных комплексов присулакских курганных могильников эпохи средней бронзы выделяет группы сосудов, которые он относит к ранним и поздним. Эта керамика со шнуровым орнаментом в дагестановедческой литературе связывалась со степными племенами ямной культуры.

Статья О. М. Давудова «Некоторые культовые места горного Дагестана» посвящена анализу культовых мест, а также антропоморфных статуэток, выявленных на господствующих высотах или перевалах хребтов. На основе большого количества этнографического, археологического и фольклорного материала аргументируется положение о связи этих святилищ с божеством охоты, известным в Дагестане под разными названиями — Дали, Будуалы, Абдал. С этим божеством связываются в статье и антропоморфные фигурки, переданные в позе «адорации» и в фертообразном положении. Их дата определена в пределах первой половины I тысячелетия до н. э., хотя допускается возможность бытования и в более позднее время. Целая серия статуэток (обнаженных женщин и воина в полном боевом облачении) приписана божествам скифов периода их переднеазиатских походов. Они представляются произведениями местных мастеров, работавших на потребности скифских степных кочевников.

В статье М. М. Маммаева «Дракон в средневековом искусстве Дагестана» исследуется изображение полиморфного фантастического существа, встречаемого на бронзовых браслетах, поясных пряжках, шейных гривнах, а также в составе композиции архитектурных деталей и саркофагов средневекового Дагестана. Это изображение передает образ популярного в дагестанском фольклоре дракона. Он трактуется то как оберег-хранитель, то как демоническое существо. Автору удалось предложить свою оригинальную концепцию генетических истоков этого образа в дагестанском фольклоре и искусстве.

Целый ряд статей вводит в научный оборот материалы памятников, раскопанных в различных районах Дагестана. Они документируют культурно-исторический процесс, происходивший в горах и на равнине при тесном контакте проживавших там племен, их взаимосвязи и взаимовлиянии.

В совместной статье О. М. Давудова и Г. Дж. Хангилчиева («Гюхракский могильник») дается характеристика могильника каякентско-хорочоевского типа, расположенного в долине р. Рубасчай в Табасаране. Анализ погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря позволил отнести могильник к XIV—XIII вв. до н. э. Авторами привлечены к исследованию случайно обнаруженные материалы Нижнедженгутаевского могильника, отнесенного к тому же времени.

Статья А. А. Кудрявцева и М. С. Гаджиева «Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV)» посвящена характеристике шести погребальных

сооружений, выявленных у наружной западной стены цитадели Нарын-кала. В ней дан анализ погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря, определена хронология памятника в рамках II—IV вв. Прослеживаемые в погребальном обряде и инвентаре инновации авторы приписывают сарматским племенам, осевшим на территории Приморского Дагестана и вступившим в тесные политические, экономические, культурные, этнические контакты с местным населением.

В статье «Погребальный комплекс II—III вв. н. э. на поселении Ганзир (Табасаран)» М. С. Гаджиев вводит в научный оборот материалы выявленного и исследованного им интересного погребального сооружения. Он характеризует погребальный обряд и инвентарь, определяет дату памятника.

Предметам вооружения из погребальных комплексов Зеленоморского и Манаскентского курганов посвящена статья Б. М. Салихова. В ней приведена типология наконечников стрел и копий, колчаных крюков, мечей и кинжалов, предметов конского убора; определены места их находок в могилах среди погребального инвентаря. Несколько странным выглядит вывод автора о принадлежности панцирных накладок катафрактариям, хотя он не приводит ни одного случая связи остатков доспехов с конскими костями.

В статье Л. Б. Гмыри дается классификация орудий труда Паласасыртского поселения, выявленных в ходе раскопок 1985—1987 годов. Она же публикует извлечение из отчета покойной М. И. Пиккуль за 1959 г. («Могильник у сел. Дуранги»), где характеризуются два склепа, их погребальный обряд и инвентарь, предлагается дата в пределах VII в.

А. И. Абакаров и Р. Г. Магомедов в рамках деятельности «Археологической службы» проводили поиски и учет новых археологических памятников Дагестана. В своей статье «Новые находки из горного и плоскостного Дагестана» они анализируют материалы Ахалчинского, Шотодинокского и Башлыкентского могильников, Шотодинокского поселения, определяют их дату.

Статья С. В. Гусева «Топография находок монет, чеканенных в Дербенте во 2-й половине XIV — начале XV вв.» посвящена малоизученному в дагестановедении вопросу — нумизматике. Автору удалось дать подробную характеристику монетам дербентских правителей XIV—XV вв. династий хулагидов, джелаиридов, музафаридов, тимуридов и Золотой Орды.

Все статьи, составляющие сборник, написаны на современном уровне развития археологии, вводят в научный оборот новые археологические материалы, предлагают новые интересные концепции. Вместе с тем они представляют собой начало в решении проблемы «горы и равнины» в истории Дагестана. В последующем предполагается издать новые сборники и монографии.

О. М. Давудов

ГОРЫ И РАВНИНЫ ДАГЕСТАНА В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

В силу своего географического положения и благоприятных для человеческой деятельности природных условий Северо-Восточный Кавказ играл важную роль в древнейшей истории Кавказа и сопредельных областей юга Восточной Европы. В равной степени это относится ко времени сложения на Кавказе производящего хозяйства и развития земледельческо-скотоводческих культур эпохи раннего металла. Находясь на северной окраине раннеземледельческой ойкумены, на известном прикаспийском пути, район Северо-Восточного Кавказа являлся издавна одним из важнейших звеньев, связывавших Юго-Восточную Европу с Закавказьем и культурными центрами Передней Азии, зоной активных контактов и культурно-исторических взаимодействий оседлоземледельческого населения южных областей и подвижных скотоводческих племен степей юга Восточной Европы.

Археологические исследования все больше подтверждают правоту взглядов Н. И. Вавилова, относившего Кавказ, основываясь на геоботанических данных, к числу тех горных районов, которые являлись очагами первоначальной земледельческой культуры (1, с. 169—172), и включавшего его, наряду с переднеазиатским очагом, в выделенный им юго-западноазиатский центр происхождения культурных растений (2, с. 168). При этом он особо подчеркивал роль Закавказья и Дагестана, включая их непосредственно «в очаги происхождения» хлебных злаков, зерновых бобовых и льна (3, с. 121). Касаясь археологического аспекта проблемы происхождения производящего хозяйства, становления и развития раннеземледельческих культур применительно к Северо-Восточному Кавказу и роли горных областей в этом важнейшем в древнейшей истории событии — «неолитической революции», следует особо подчеркнуть большое значение последних открытий в горном Дагестане. Здесь на широко известном в археологии как памятник верхнепалеолитической и мезолитической культуры Чохской стоянке (4, с. 99—162) в 1980—1982 гг. в верхнем слое, считавшемся прежде мезолитическим, были обнаружены строительные и другие культурно-бытовые остатки оседлоземледельческого неолитического поселения, датированного

1-половиной VI тыс. до н. э. (5, с. 52—57). На поселении раскопаны остатки фундаментальных каменных круглоплановых жилищ с углубленным в пол центральным очагом и входным коридором. В культурном слое были обнаружены земледельческие орудия (жатвенные составные ножи — серпы с каменной и костяной рукоятками, зернотерки), архаическая керамика, обуглившиеся зерна диких и культурных злаков, в том числе несколько разновидностей окультуренных пшеницы и ячменя, кости диких и домашних животных, т. е. хозяйственно-бытовой комплекс, весьма характерный для древнейших оседлоземледельческих поселений Ближнего Востока. Это свидетельствует о переходе населения горного Дагестана на рубеже VII—VI тыс. до н. э. к производящему хозяйству и начале становления в горной зоне Северо-Восточного Кавказа северо-восточнокавказской раннеземледельческой культуры эпохи раннего металла, представленной поселениями Гинчи, Ругуджа, Чинна и др. и развивавшейся на протяжении V—IV тыс. до н. э. в условиях существования тесных связей с Закавказьем и Передней Азией (7, с. 55—61; 8, с. 7—38; 9, с. 5—27; 10, с. 4—35). Горная зона Северо-Восточного Кавказа становится одним из звеньев на северной окраине обширной Кавказско-Ближневосточной области распространения и развития раннеземледельческих культур.

В эпоху ранней бронзы (конец IV—III тыс. до н. э.) зона раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа значительно расширяется за счет широкого освоения высокогорных областей внутреннего Дагестана, где наряду с сезонными в различных топографических условиях (торные склоны, скальные плато, мысы) возникают оседлоземледельческие поселения с фундаментальной каменной архитектурой, а также предгорных районов (11, с. 6—42). Древнейшие земледельцы и скотоводы спускаются на Приморскую низменность, где на рубеже IV—III тыс. до н. э. складываются оптимальные климатические условия для ее земледельческого освоения и стабильного развития оседлоземледельческого хозяйства и быта. Многие из возникавших в это время в Приморской низменности поселений продолжали функционировать длительно, без перерыва на протяжении почти всего III тыс. до н. э. (12; 13, с. 112—113; 14, с. 101). Представленная ими археологическая культура является составной частью обширной куро-аракской культурно-исторической общности эпохи ранней бронзы Кавказа.

Таким образом, торная зона Северо-Восточного Кавказа в силу благоприятных для возникновения экономики нового типа природных условий играла важную роль в зарождении и первоначальном развитии производящего хозяйства, а подлинный его расцвет происходит по мере расселения земледельческо-скотоводческого населения в иные экологические условия — в плодородные долины и аллювиальные равнины. Таково было соотношение различных физико-географических зон, гор и равнин Северо-

Восточного Кавказа в период возникновения производящего хозяйства и развития раннеземледельческой культуры. И в этом проявляется одна из характерных закономерностей развития производящего хозяйства и раннеземледельческих культур во всех первичных центрах становления и развития производящей экономики (15, с. 136—140).

Следует особо подчеркнуть, что в периоды неолита, энеолита и ранней бронзы культурно-историческое развитие племен Северо-Восточного Кавказа протекало в целом стабильно в условиях сохранения на всех этапах безусловной культурной преемственности. Она прослеживается фактически во всех сферах культуры, в особенности в развитии керамического производства, строительного дела и архитектуры, в которой на протяжении всего этого периода, т. е. более 3 тыс. лет, полностью господствовала тема круглопланового домостроительства. Данная архитектурная традиция проникла и в погребальный обряд местных племен, которые на протяжении почти всей эпохи ранней и в начале средней бронзы строили погребальные сооружения для коллективных захоронений, повторяющие формы реально существовавших жилых сооружений (16, с. 102—109; 17, с. 18—19). В горных районах — это подземные круглоплановые каменные склепы, а на Приморской низменности — катакомбы с округлой погребальной камерой и четырехугольным дромосом, напоминающие круглоплановое жилище с прямоугольной передней. Погребальные сооружения катакомбного типа в приморской зоне Северо-Восточного Кавказа связаны с оседлыми поселениями, т. е. возникли не позднее 1-й половины III тыс. до н. э. (18, с. 3, 4), и, следовательно, являются древнейшими не только на Кавказе, но и на всем юге Восточной Европы.

Культурно-историческое развитие раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа протекало в тесной взаимосвязи их с племенами сопредельных областей Кавказа и Юго-Восточной Европы. Как сейчас хорошо известно, пути становления новой экономики на обширных просторах Каспийско-Черноморских степей, соприкасавшихся с древнейшими центрами производящего хозяйства на юге СССР, были весьма своеобразными. Исследованиями советских археологов, в особенности Н. Я. Мерперта, выявлены закономерности формирования здесь подвижных скотоводческих племен, сыгравших исключительно важную роль в древнейшей истории юга Восточной Европы и ранних оседлоземледельческих центров, в том числе и Северного Кавказа (19; 20, с. 65—90; 21; 22, с. 59—91; 23, с. 73—96; 24, с. 36—63; 25, с. 63—72). В степных районах к северу от Кавказа сложение и развитие производящего хозяйства шло по иному пути, чем в раннеземледельческих центрах. В силу особенностей природных условий степей, ограничивающих возможности развития первобытного земледелия, здесь с самого начала оно приняло преимущественно скотоводческое направление в его специфически

степных, подвижных формах. На обширных просторах Черноморско-Каспийских степей возникают сменявшие друг друга гигантские культурные общности.

Процесс формирования ранних степных, скотоводческих культур Восточной Европы, начавшийся в V—IV тыс. до н. э. в недрах крупной историко-культурной области (мариупольской), включающей несколько родственных культур (среднепестовская, нижнедонская, хвалинская и др.), завершается сложением обширной древнейшей культурно-исторической области во 2-й половине IV — нач. II тыс. до н. э., объединяющей целый ряд культур, носителями которых были подвижные скотоводческие группы степного населения. С выделением скотоводческих племен, рассматривавшимся Ф. Энгельсом как один из важнейших рубежей в истории общественного разделения труда (26, с. 160), особое значение приобрели взаимоотношения носителей двух хозяйственных и культурно-бытовых укладов: оседлоземледельческого и подвижного скотоводческого. Их взаимодействие во многом определило как общие закономерности, так и особенности конкретной картины культурно-исторического процесса на северной окраине раннеземледельческой ойкумены и примыкающих к ней степных просторах.

Взаимоотношения подвижных степных скотоводческих племен и оседлого земледельческо-скотоводческого населения Кавказа, как и других раннеземледельческих центров, были не однозначными и далеко не всегда носили мирный характер. Были периоды длительных обоюдных влияний. Но, как подчеркивает Н. Я. Мерперт, «безусловными фактами засвидетельствованы вторжения степных скотоводов в инокультурные области» — в Среднюю Азию, Северное Причерноморье, на Балканы и на Кавказ (27, с. 58; 28, с. 70—75). На протяжении весьма длительного времени взаимоотношения носителей кавказских и степных культур, по-видимому, носили преимущественно мирный характер, преобладали обычные культурные контакты, взаимовлияния и проникновения, что засвидетельствовано многочисленными археологическими данными. Среди них отметим распространение кавказских изделий, в особенности металла, в области степных культур, сложение особой линии развития степного энеолита, связанной с прямыми северокавказскими воздействиями, находки на Кавказе вещей степного, в том числе мариупольского типа, появление местных реплик на них, проникновение в среду кавказских культур отдельных вещей и целых погребальных комплексов древнеямного типа (29, с. 115—118, 126; 30; 31, с. 38; 28, с. 70) и т. п. Применительно к Северо-Восточному Кавказу о степном воздействии свидетельствует, в частности, зафиксированный в памятниках местного энеолита (Гинчи) способ оформления венчика в виде воротника, орнаментация керамики резными елочными узорами (10, с. 16, рис. 2, 3), находка зооморфного скипетра

в Терекли-Мектебе (32, с. 48—53), древнейшее захоронение в кургане у станицы Мекенской (33, с. 41) и др. Но все это существенно не меняло общую картину стабильного развития культуры эпохи энеолита и ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе.

Однако к концу эпохи ранней бронзы ситуация в зоне контактов степных и северо-восточнокавказских племен резко изменилась. Во 2-й половине III тыс. до н. э. происходит глубокий сдвиг в культурно-историческом развитии населения как Северо-Восточного Кавказа, так и предкавказских степей. Для Северо-Восточного Кавказа он ознаменовался закатом куро-аракской культуры, распадом прежнего культурного единства региона, сложением новых археологических культур и комплексов с признаками местных и специфических степных культур (распространение курганного обряда, шнуровой керамики, металлических изделий с узорами, имитирующими шнур и др.) (34, с. 167—203; 35, с. 11—27; 36, с. 7—27). Все это сопровождалось резкими изменениями и в других областях материальной и духовной культуры (смена круглоплановой архитектуры прямоугольной, форм погребальных сооружений и др.) (11, с. 39, 40; 17, с. 18—19). Появляются признаки определенного регресса в культурном и социальном развитии населения Северо-Восточного Кавказа и всего северокавказского региона (37, с. 9—11). Подобные изменения имели место не только в приморском и предгорном районах региона, но и в определенной степени коснулись и внутригорных областей Северо-Восточного Кавказа.

В то же время в степях Юго-Восточной Европы древнейшая культурно-историческая область сменяется катакомбной, генетически не связанной ни с предшествующим, ни с последующим этнокультурным развитием региона (36, с. 32—34; 28, с. 75—78). Исследователи неоднократно указывали на многочисленные факты тесных связей племен — носителей катакомбной культуры с Северным Кавказом. В частности, металлургия катакомбной культуры всеми своими особенностями непосредственно связана с кавказской (30, с. 90), ряд сходных черт отмечен в керамике, каменном инвентаре, деталях погребального обряда. Антропологи установили, что в отношении физического облика люди катакомбной культуры не представляют собой ни потомков «ямников», ни предков последующих «срубников» и что они в антропологическом отношении ближе к племенам, обитавшим на Северном Кавказе (38, с. 34). Открытие в Дагестане древнейших на юге Восточной Европы погребальных сооружений в виде катакомб, неразрывно связанных в культурном отношении с Кавказом (18, с. 34), существенно дополняет аргументацию важной роли Кавказа в сложении предкавказской катакомбной культуры.

Разносторонний характер и глубина культурно-исторических перемен, происходивших на рубеже эпох ранней и средней бронзы в зоне контактов степных и кавказских племен на Восточном

Кавказе, позволяет предполагать возможность определенных этнических сдвигов, взаимопроникновений, приведших к культурно-переоформлению как Северо-Восточного Кавказа, так и северокавказских степей. Все это является одним из ярких проявлений закономерностей очень сложных процессов культурно-исторических взаимодействий оседлоземледельческих и подвижных степных скотоводческих племен Евразии.

1. Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений // Избр. произведения. Л., 1967. Т. I.
2. Его же. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Избр. тр. М.; Л., 1965. Т. V.
3. Его же. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957.
4. Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
5. Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 3.
6. Его же. Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
7. Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. // КСИА. 1967. Вып. 108.
8. Его же. К выделению северокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 7—38.
9. Его же. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
10. Его же. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
11. Его же. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
12. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100.
13. Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Исследования Прикаспийской экспедиции // АО. 1977. М., 1978.
14. Гаджиев М. Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане // АО. 1979. М., 1980.
15. Массон В. М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180.
16. Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
17. Его же. Генезис погребальных сооружений эпохи ранней бронзы в Дагестане // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.
18. Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы Дагестана // Тезисы докл. научной сессии, посв. итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984.

19. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
20. Его же. Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций // Studia Prachistorica. София, 1980, № 3.
21. Телегии Д. Я. Среднеэпоговская культура эпохи меди. Киев, 1973.
22. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975.
23. Васильев И. В., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у с. Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
24. Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979.
25. Синюк А. Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Там же.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
27. Мерперт Н. Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978.
28. Его же. Из истории древнейших племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
29. Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в Нальчике // МИА. 1941. № 3.
30. Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
31. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.
32. Иессен А. А. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. 1952. Вып. XVI.
33. Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
34. Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане // СА. 1956. XXVI.
35. Гаджиев М. Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана, Махачкала, 1974.
36. Гаджиев М. Г., Кореневский С. Н. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
37. Его же. Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа // Культурный прогресс в "эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Ереван, 1982.
38. Киселев С. В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М., 1965.

О КОМПЛЕКСАХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

В данной статье* рассматривается небольшая группа археологических комплексов Дагестана эпохи ранней бронзы, этнокультурная атрибуция которых до сих пор оставалась неясной. Речь идет о следующих комплексах (рис. 1): 1) погребение I (ос-

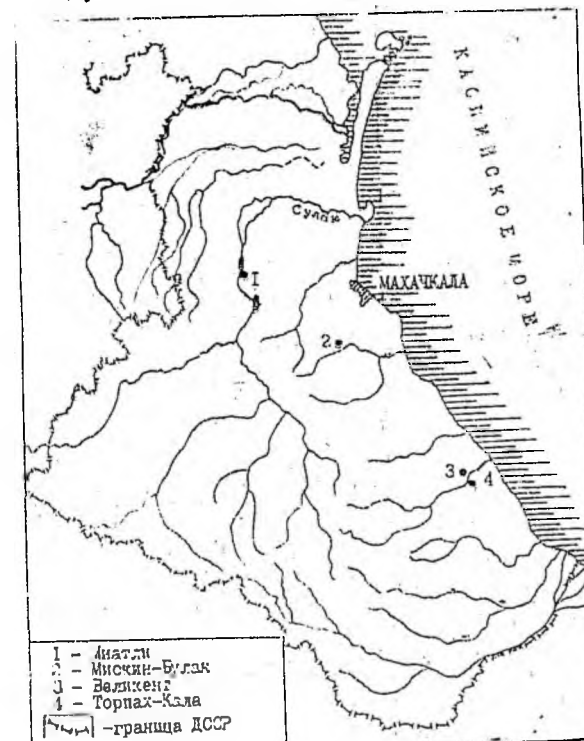

Рис. 1 Карта комплексов майкопской культуры на территории Дагестанской ССР

* В основу статьи положены доклады автора на XIV Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа в г. Орджоникидзе, 1986 г. (23) и Международном симпозиуме «Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы» в г. Новороссийске, 1991 г. (21).

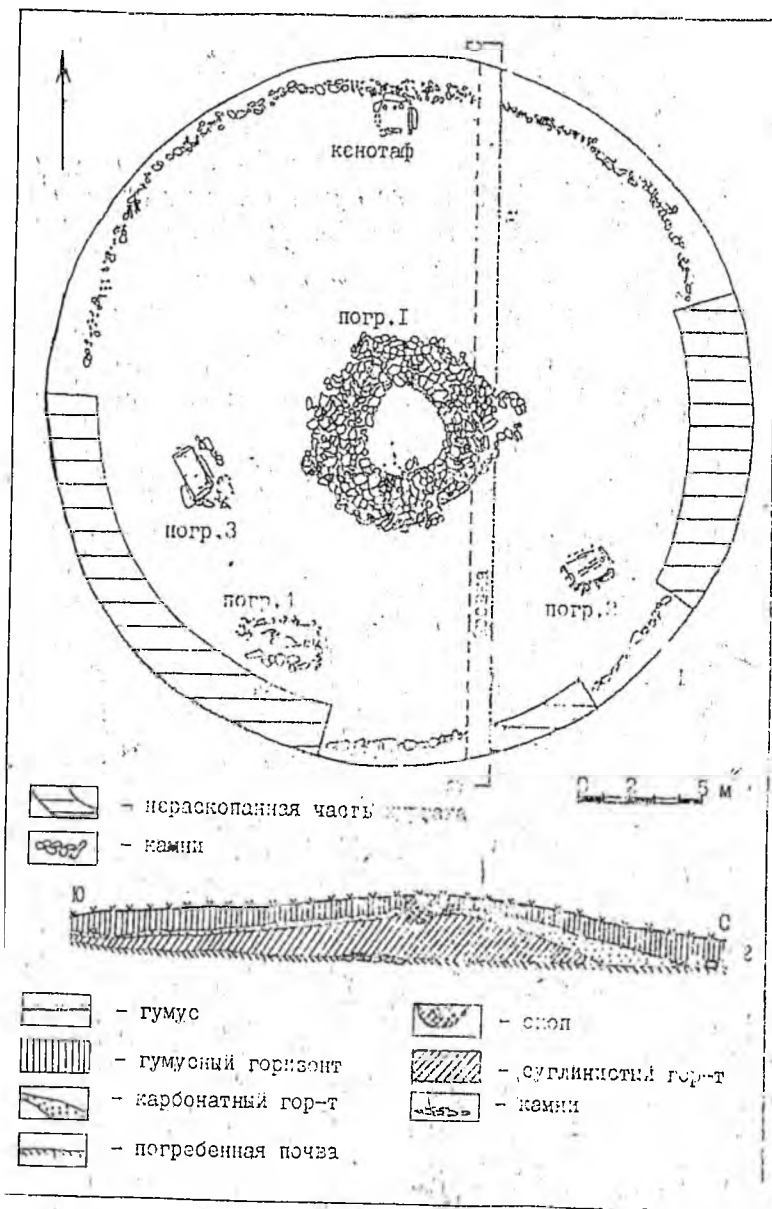

Рис. 2 Большой Миятлинский курган:

1 — план, 2 — стратиграфия насыпи (по В. И. Канивцу).

новное) и оградка в т. н. Большом Миятлинском кургане; 2) культовое место на Мискинбулаковом могильнике; 3) оградки на Великентском катакомбном могильнике и, наконец, 4) курган Торпах-кала (основное погребение). Сравнительный анализ материалов на фоне древностей бронзового века Кавказа позволяет определить их культурную принадлежность и датировку. Учитывая уникальный характер этих комплексов для Дагестана, ниже дается их подробное описание.

Итак, Большой Миятлинский курган (далее — БМК) — рис. 2. Расположен он был на второй террасе р. Сулак напротив с. Миятли. Исследовался в 1957 г. В. И. Канивцом (13). Размеры кургана (сильно размытого к моменту раскопок): диаметр ок. 40 м, высота насыпи с западной стороны — 2,50 м, с восточной — 2,10 м, от древней поверхности — ок. 2 м. Стратиграфия насыпи (рис. 2, 2): в самом верху — темно- и светлогумусированный слой толщиной в центре ок. 0,45 м, по краям — ок. 0,75 м; ниже идет тонкий (мощность 0,30—0,60 м) карбонатный горизонт, подстилающийся слоем комковатого суглинка (высота его в центре 1,30 м). В основании курганной насыпи на уровне древней дневной поверхности зафиксирован кромлех, образованный из колотого песчаника с добавлением валунов. Размеры кромлеха: диаметр с З на В — 24 м, с С на Ю — 26 м; ширина кольца — 0,5—1,5 м. Всего в ходе раскопок кургана вскрыто четыре погребальных сооружения и одна каменная оградка. Основным из них является погребение № 1, расположенное в центральной части насыпи, на уровне древнего горизонта, с незначительным углублением в почву. Оно представляло собой каменное сооружение, по форме напоминающее усеченный конус. В плане «гробница» (так названо погребальное сооружение в отчете раскопщика) имеет округлую конфигурацию с внешним диаметром с З на В — 8 м и с С на Ю — 7,40 м. Диаметр верхней площадки конструкции — 5,4 м, высота — ок. 1,40 м. Для сооружения использованы преимущественно плиты песчаника, положение плащмя, количество ярусов — в пределах от 12 до 18. Нижние ярусы стен аккуратно сложены из наиболее крупных плит; выше же кладка имеет сумбурный характер — между камнями большие щели и пустоты. Снаружи стены завалены большим количеством валунов. Общая толщина стен достигает до 2—2,25 м. В. И. Канивец реконструировал перекрытие сооружения в виде ложного свода из плит верхних ярусов кладки стен, поддерживаемого горизонтальными деревянными плащмями и вертикальными столбиками. Остатки этих подпорок расчищены в нескольких местах внутри камеры. Внутреннее пространство сооружения имело в плане округлую форму диаметром 3—3,5 м; дно же его, углубленное в древнюю поверхность на 0,20 м, оказалось сплошь устланным мелкой галькой, за исключением тонкой полоски вдоль периметра стен.

К сожалению, содержимое погребальной камеры было потре-

вожено еще в древности грабителями, которые проникли внутрь, разобрав сбоку часть кладки стены. Разбросанные по дну кости, окрашенные охрой и сохранившие в одном случае анатомическую связку, принадлежали одному взрослому человеку. О первоначальном положении костяка трудно судить. Сопутствующий инвентарь не сохранился.

Остальные три погребальных сооружения расчищены в южной половине кургана (рис. 2, 1). Два из них (№№ 2, 3) представляли собой каменные ящики, впущенные в насыпь, а погребение № 4 — грунтовую яму, обложенную по краю камнем. В погребении № 2 найден один вытянутый на спине костяк взрослого, в грунтовой могиле (№ 4) — скорченный на правом боку костяк также взрослого человека. В каменном ящике № 3 скелет не сохранился. Судя по особенностям конструкции, труположению и немногочисленному инвентарю, данные погребения могут быть примерно отнесены к 1-й половине II тыс. до н. э.

Большой интерес в связи с темой статьи привлекает каменная оградка, обнаруженная в северной части БМК, в 7,5 м от центрального основного погребения (рис. 2, 1). Оградка, хотя и примыкает непосредственно к кольцу кромлеха, располагается в насыпи выше последнего на 0,20—0,25 м. В плане она имела подквадратную форму, ориентированную по странам света (размеры поперечника с С на Ю 1,65 м, с З на В — 1,75 м) — рис. 3, А. Стены оградки составлены из сравнительно крупных каменных плит, поставленных на торцы (высота плит от дна оградки колеблется в пределах 0,15—0,27 м); в нескольких местах просветы между плитами заложены мелкими камнями. Внутри оградки отмечено плотное заполнение, по консистенции схожее с насыпью кургана; дно ровное, утрамбованное и щебнистое. Тщательная расчистка оградки не выявила никаких признаков труположения. Вдоль северной стенки найдено три круглодонных сосуда, поставленных в один ряд.

С западной стороны стоял небольшой, наиболее сохранившийся сосуд с высокой цилиндрической горловиной с плавно отогнутым наружу венчиком, раздутым шаровидным туловом и круглым дном (рис. 3, 1). На плечиках сосуда симметрично расположены две ручки типа ушек-выступов с вертикально просверленными отверстиями. Поверхность сосуда желто-серого цвета, гладкая. Размеры сосуда: Дв — 9,5 см, Дт — 14,5 см, Н — ок. 13 см, h — 4 см*. Рядом с этим сосудом к востоку от него найдена круглодонная чаша с широкой горловиной, отогнутым венчиком и округло-выпуклым туловом (рис. 3, 2). Сосуд имеет одну ленточную ручку, напротив нее на тулове — округлый надел. Желтовато-оранжевая поверхность чаши оглажена. Размеры: Дв — 14 см, Дт —

* Для краткости описания сосудов приняты следующие индексы: Дв — диаметр венчика, Дт — диаметр тулова, Дд — диаметр дна, Н — общая высота сосуда, h — высота шейки сосуда.

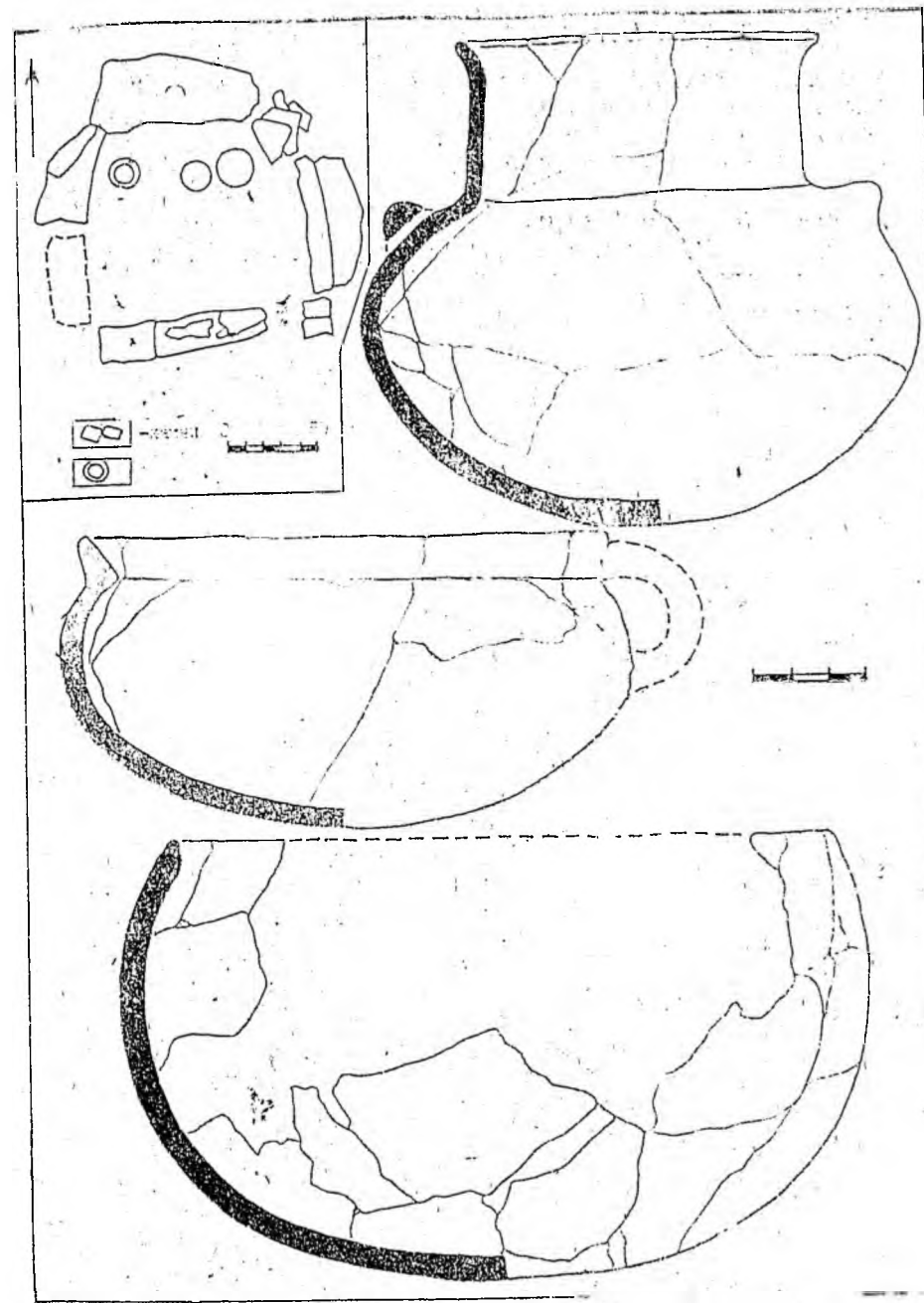

Рис. 3 Оградка — «кенотаф» Большого Миятлинского кургана: А — план (по В.-И. Канивцу); 1—3 — глиняные сосуды

15 см, Н — 7,5 см, h — 1,3 см. Третий сосуд, обнаруженный рядом с предыдущим, представляет собой глубокую круглодонную чашу полузакрытого типа с округлым туловом (рис. 3, 3). Гладкая внешняя поверхность имеет оранжево-серый цвет, излом черепка — черный. Сосуд недостаточно обожжен, сохранился плохо. Размеры чаши: Дв — 17,5 см, Дт — 19,5 см, Н — 11,5 см.

Второй пункт в Дагестане, где выявлен интересный нас комплекс МК, это Мискинбулакский могильник, исследованный в 1966 г. В. М. Котович (18, с. 94—96, рис. 5). Т. н. культовое

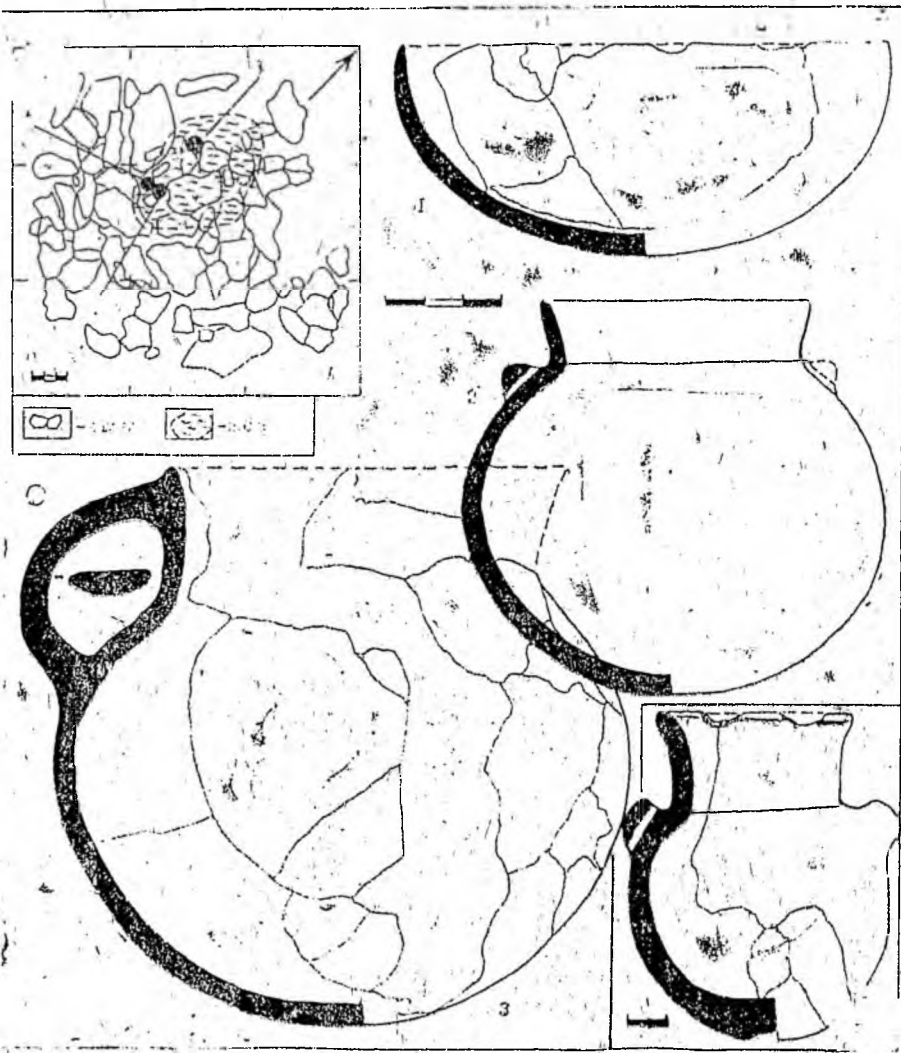

Рис. 4 «Культовое место» Мискинбулакского могильника:
А — план (по В. М. Котович); 1—3 — глиняные сосуды. 4 — глиняный сосуд из основного погребения кургана Торпах-Кала

место выявлено в 150 м к С от указанного могильника на краю возвышенности, господствующей над окружающей территорией. Оно представляет собою небольшую площадку скального обнажения (размеры — 3,1×2,7 м), вымощенную каменными плитами, поверх которых было совершенно кострище неправильной формы (размеры — 1,5×1,0 м) — рис. 4, А. Кострище состояло из отложений (толщина 2—3 см) в виде прокаленной земли, большого количества золы и угля. У 3 края кострища найдены три небольших глиняных сосуда: 1) Круглодонная мисочка с заостренным венчиком (рис. 4, 1). Красновато-коричневая поверхность венчика заглажена; излом темный. Тесто без видимых примесей, обжиг недостаточный. Размеры: Дв — 12,8 см, Н — 5,5 см. 2) Миниатюрный круглодонный сосудик с шаровидным туловом и невысокой расширяющейся горловиной, заканчивающейся прямым заостренным венчиком (рис. 4, 2). На плечиках сосудика — две ручки — «ушки» с вертикально проткнутыми отверстиями. Поверхность гладкая, красноватая; излом серый, обжиг хороший. Глиняная масса без заметных примесей. Размеры: Дв — 7,5 см, Дт — 11 см, Н — 10 см, h — 2 см. 3) Круглодонный сосуд, аналогичный предыдущему, отличается более крупными размерами, а также наличием одной ленточной ручки, отходящей от закраины (рис. 4, 3). Поверхность сосуда гладкая, красного цвета; тесто однородное, без заметных примесей. Обжиг хороший. Размеры сосуда: Дв — 10,5 см, Дт — 15 см, Н — 14,3 см, h — 3 см.

Очень близки вышеописанным памятникам каменные оградки с внутренними вымостками, изученные в 1983 г. на Великентском катакомбном могильнике автором данной статьи в составе Центральнодагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ (нач. экп. О. М. Давудов). Открыты оградки в непосредственной близости от катакомб №№ 3 и 8 в гумусированном верхнем слое холма на глубине 0,25—0,45 м от дневной поверхности. Никаких внешних признаков они не имели. Установлено, что оградки были устроены на пологом древнем оклоне холма; впоследствии это место с nivelировалось и к моменту раскопок имело довольно ровную горизонтальную поверхность. Анализируемый комплекс состоит из двух оградок круглоплановой формы, непосредственно примыкающих друг к другу и примерно равных между собой (рис. 5). Для строительства оградок применены в основном речные голыши крупных и средних размеров, уложенные в один ярус в несколько рядов. Первая (северо-западная) оградка наиболее хорошо сохранилась. Внешний диаметр её ок. 2,60 м, ширина кольца колеблется в пределах 0,50—0,90 м. Камни уложены в 2—3 ряда, причем внутренний ряд образован исключительно камнями удлиненных пропорций, поставленных поперек кольцевой ленты. Почти весь центр внутрикольцевого пространства оказался выложенным тонкими плоскими гальками округлых форм. Вымостка находится на глубине 0,15—0,40 м от поверх-

ности самой оградки. С юго-востока к этой оградке непосредственно примыкает еще одна аналогичная галечная вымостка, оконтуренная полукольцом второй оградки. Внутренний диаметр этой оградки ок. 1,60 м, ширина ленты примерно 0,40—0,80 м. Верхний край камней из оградки возвышается над вымощенной галькой и слегка наклоненной на запад внутренней площадкой на 0,30—0,40 м. Вторая оградка сохранилась плохо, особенно в западной и северной частях. На плане (рис. 5, 1) видно, что она как бы заключена в систему нескольких каменных колец-оградок, которые, по всей видимости, окружали первую оградку: К сожалению, эти кольца, местами однорядные, плохо сохранились.

В западной части вымостки второй оградки расчищены небольшие остатки костей (в основном ребра) ягнjenка (?) или козленка (?), прикрытые сверху тремя плоскими гальками. В 0,40 м к югу от местонахождения обломков костей на краю галечной вымостки обнаружен устьем вверх раздавленный небольшой сосуд-горшочек с шаровидным туловом, круглым дном, прямой высокой шейкой и плавно отогнутым наружу заостренным венчиком (рис. 6, 4). На плечиках сосуда — две маленькие ручки типа конусовидных выступов с горизонтально просверленными отверстиями. Сосуд обладает удивительным изяществом и симметричностью, хотя и вылеплен от руки. Тесто черелка чистое, тонко отмученное, примеси не заметны. Черепок плотный, обжиг отличный. На охристо-красную внешнюю поверхность нанесен тонкий слой ангоба, имеющего красновато-бордовый цвет. Размеры сосуда: Дв — 9 см, Дт — 14 см, Н — 13 см, h — 3,5 см.

В 0,80 м к востоку от этого сосуда также на краю галечной выкладки найден миниатюрный сосудик аналогичного типа (рис. 6, 1). Стоял он устьем вверх. Шаровидное тулово сосудика резко переходит в узкую сужающуюся горловину, которая, к сожалению, не сохранилась. На плечиках располагались две ручки (одна откололась еще в древности и утеряна) типа ушек с вертикально просверленными отверстиями. Большая часть внешней поверхности имеет оранжево-охристый цвет, придонная часть отличается серовато-оранжевым оттенком. Размеры сосуда: Дв — ? Дт — 7,5 см, Нсохр. — 6,5 см.

Еще два сосуда были найдены при расчистке галечной вымостки внутри первой оградки. Один из них, стоявший, как обычно, устьем вверх, аналогичен целому сосуду из второй оградки, отличается же он меньшими размерами (Дв — 8,5 см, Дт — 11 см, Н — 10 см, h — 2,5 см), вертикально просверленными отверстиями на ручках-ушках и розовато-серой залощенной внешней поверхностью (рис. 6, 2). В 0,80 м к СЗ от этого сосудика также на краю галечной вымостки обнаружена небольшая одноручная мисочка с полусферическим туловом, открытым устьем и косо срезанным изнутри венчиком (рис. 6, 3). Ленточная ручка, крепившаяся верхним основанием к закраине, не сохрани-

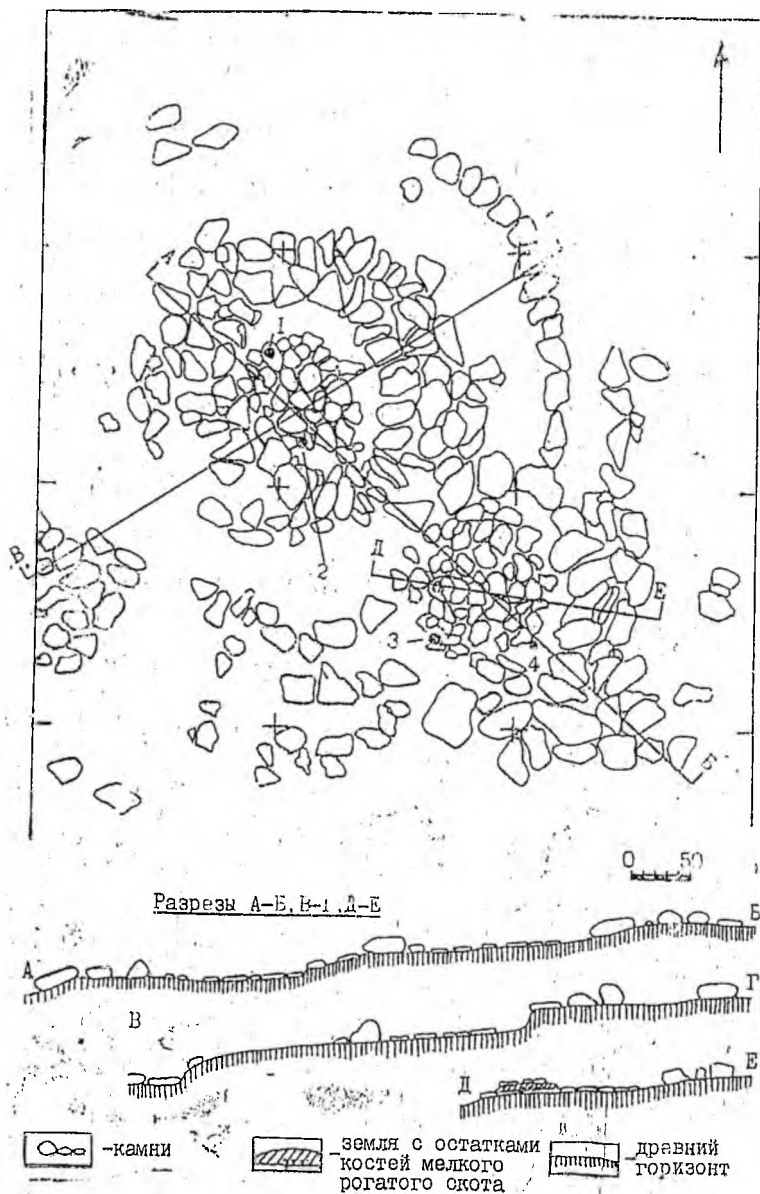

Рис. 5 Оградки на Великентском могильнике:
1 — план, 2 — разрезы

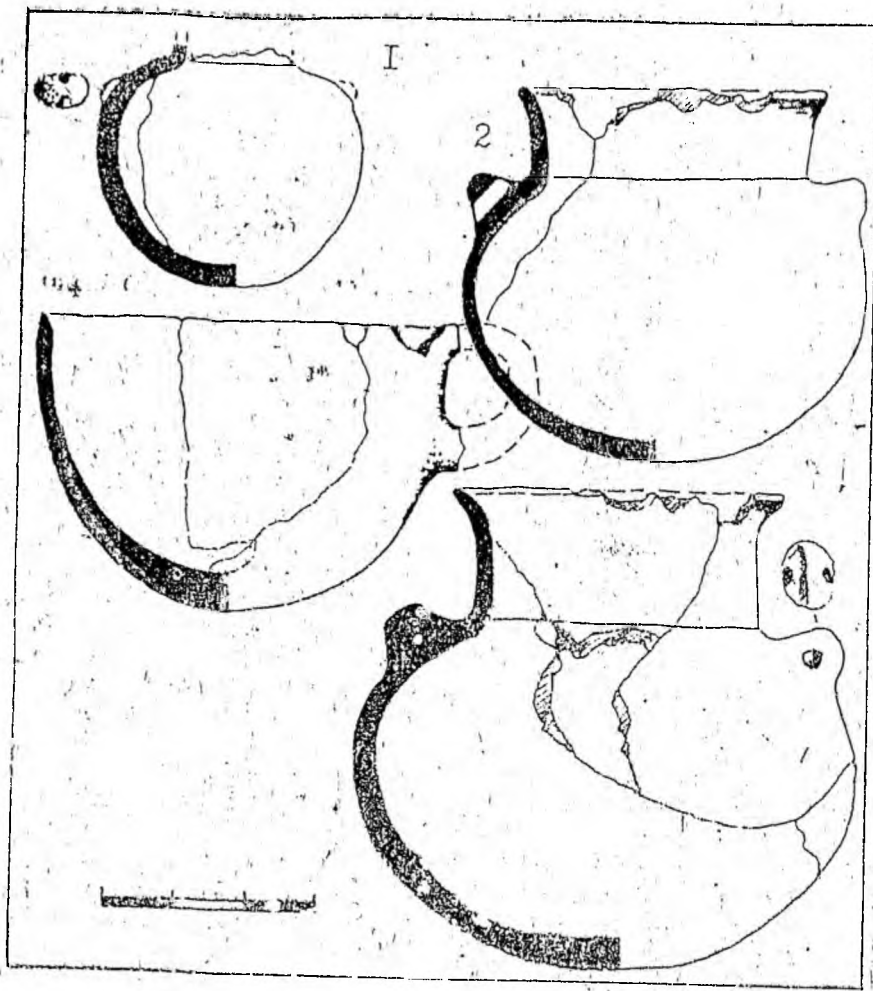

Рис. 6 Глиняные сосуды, найденные внутри оградок на Великентском могильнике

лась. Стенки сосудика у дна утолщены. Тесто черепка чистое, хорошо отмученное, на изломе красное. Заметны незначительные примеси в виде шамота. Внешняя поверхность, покрытая тонким ярко-красным ангобом, залощена. Размеры мисочки: Дв — 11,5 см, Н — 8 см.

И, наконец, последний комплекс, который хочется рассмотреть в статье, — это основное погребение кургана Торпах-Кала, раскопанного В. М. Котович в 1981 г. (17, с. 59—80). Курган был рас-

положен в 3 км к западу от сел. Мамедкала в долине р. Дарватчай. Сохранившиеся к моменту раскопок размеры кургана внушительны: Н — 6,22 м, Д — 66 м. Под насыпью кургана находилось каменное кольцо-кромлех (Д — 42×43 м; ширина ленты — 0,8—1,0 м), сложенное в виде стены из необработанного известняка. Внутри кромлеха выявлена «кровная погребальная площадка», образованная двумя слоями очень плотно утрамбованной желто-бурой глины (толщина каждого слоя 0,25—0,28 см), разделенными в центре площадки 3—4-сантиметровым слоем растительной прокладки из стеблей камыша и тонких древесных веток, местами переплетенных» (17, с. 62). Основное погребение кургана было устроено в центре этой площадки. Могильная яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии восток-запад (размеры: 4,16×2,6×1,6 м). Перекрытие состояло из двух накатов бревен, между которыми отмечен слой глиняной обмазки серо-желтого цвета. Поверх перекрытия имелась небольшая курганообразная наброска из рваного камня и булыжника. Надо сказать, что эта наброска имела намного большие размеры, чем сама погребальная яма, огораживая ее со всех сторон, за исключением западной, где, по мнению автора раскопок, как бы прослеживается «специально оформленный вход в камеру». Дело в том, что близко от западной стенки ямы расчищены два параллельных ей и между собой глиняных вала, округло выступающих над поверхностью погребальной площадки. Глинобит, из которого устроены эти валы, был подвергнут воздействию огня, что придало ему чрезвычайную твердость.

Расчистка могильной ямы выявила довольно интересную картину погребального обряда. Дно ямы имело галечную вымостку, обильно покрытую золой. Выше шли два наката из бревен, уложенных вдоль и поперек камеры, которые также были усыпаны большим количеством золы, вперемежку с галечником. В этом слое и были совершены захоронения. В северо-восточном углу камеры расчищен скорченный скелет взрослого человека, предположительно мужчины, лежавший вдоль западной стены ямы головой на юг, на левом боку, руки согнуты в локтях (рис. 7). Покойник был со стороны стен обложен оградкой из крупной гальки и булыжника. На остальной площади камеры выделяются четыре участка (в юго-восточном и юго-западном углах, у северной стены и в центре), где сосредоточены разрозненные кости и их обломки, принадлежавшие примерно четырем погребенным. Инвентарь погребения крайне скуден. Среди костей найдено несколько кремневых отщепов и пластин. У западной стены камеры обнаружен миниатюрный сосудик с шаровидным туловом, уступчато-выделенной высокой цилиндрической шейкой, заканчивающейся плавно отогнутым наружу заостренным венчиком (рис. 4, 4). На дне имеется округлое вдавление, на плечиках сосуда — две симметричные ручки типа ушек с вертикальными отверстия-

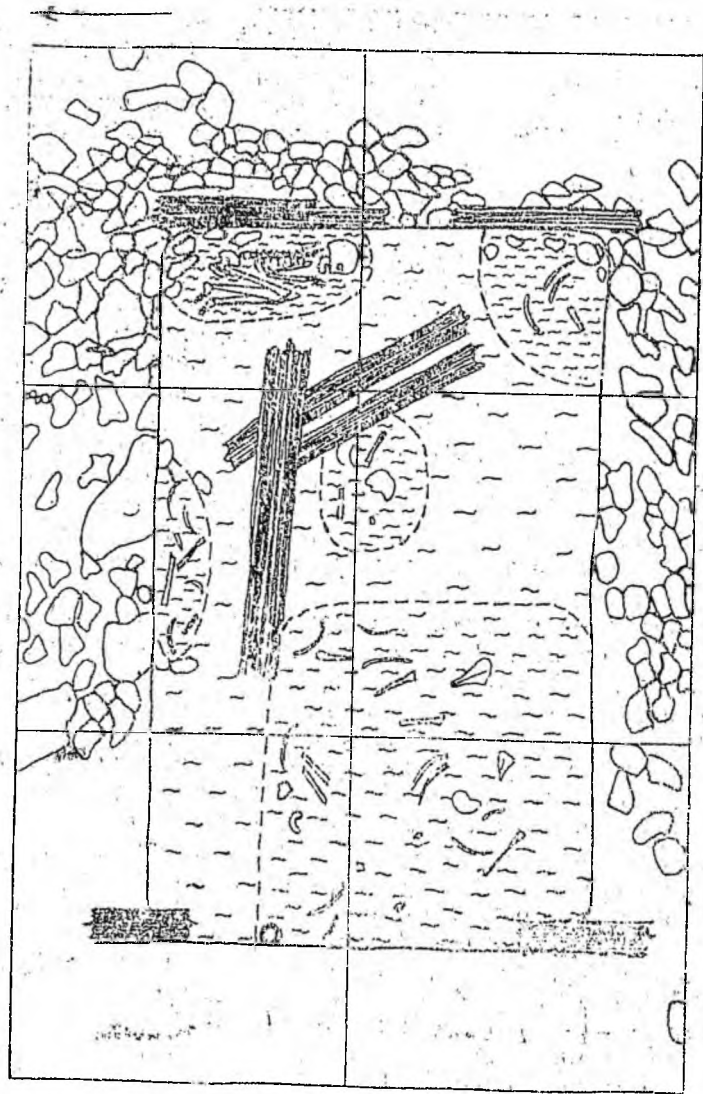

Рис. 7 План основного погребения кургана Торпах-Кала (по В. М. Котовичу)

ли. Внешняя поверхность красного цвета, покрыта слабым ангофом красно-бурого оттенка и залощена. В тесте черепка имеются незначительные примеси шамота. Сосудик обожжен хорошо. Размеры: Дв — 5,4 см, Дт — 8 см, Н — 8,7 см, h — 2—2,3 см.

В заполнении могилы несколько выше головы единственно целого скелета был найден оригинальный сосуд с гладкой поверхностью охристо-коричневатого цвета, местами сильно закопчен, имеющий форму, близкую лошадиному копыту. Интересно, что сосуд был «расчищен... стоящим на растительной прокладке, между слоем плотной глины желто-бурого цвета и чрезвычайно плотной глины желто-охристого цвета» (17, с. 68). Упомянутые слои глины, разделенные и окаймленные снизу и сверху растительными прокладками (из камыша?), по наблюдениям автора раскопок, составляли преднамеренное заполнение камеры от уровня погребенных вплоть до бревенчатых накатов перекрытия.

В описании раскопок основного погребения кургана Торпах-кала, данным в публикации В. М. Котович, имеется несколько непонятных мест. Во-первых, автор пишет о каменной насыпи, якобы перекрывавшей основное погребение, под тяжестью которой, а возможно еще и из-за перегрузок, связанных с устройством катакомбы непосредственно над погребальной камерой, прогнулись, а по западному краю и резко сместились вниз оба слоя бревенчатого наката и лежащий между ними слой глиняной обмазки (17, с. 67). Но, судя по опубликованному плану погребения, видно, что каменная насыпь лишь немного заходит в пределы северной половины могильной ямы, составляя как бы ограду ее края (с трех сторон). (17, с. 67, рис. 5, 1). Во-вторых, сравнительно большое количество покойников, разбросанность скелетов по площади камеры (за исключением одного), отсутствие многих костей, их фрагментарность и т. п. создают впечатление если не о многократных захоронениях, так об ограблениях камеры, разрушивших первоначальную ситуацию погребального обряда. В таком случае непонятно утверждение автора раскопок о преднамеренном заполнении ямы слоями глины, непотревоженность которых, мол, говорит о сохранении погребения *in situ*. Не ясно также, как некоторые кости скелетов оказались под остатками бревен. Если это бревна от кровли, то как последняя могла обрушиться, если она, как пишет В. М. Котович, подстилалась несколькими слоями плотного и чрезвычайно плотного глинобита да еще с растительными прокладками? Может быть они (бревна) имеют отношение к обкладке стен? Перечень подобных вопросов можно продолжить. Одно ясно: перед нами чрезвычайно интересный и крайне редкий для Дагестана погребальный памятник эпохи бронзы. В ряду вышерассмотренных комплексов он, по моему мнению, наиболее ранний. По особенностям погребального сооружения и погребального обряда, а также по характеру многочисленного инвентаря В. М. Котович нашла аналогии ему «в кругу памятников степных культур конца III — нач. II тыся-

челюсти до н. э.», точнее, в среде ямной культурно-исторической общности (далее — ЯКИО) (17, с. 70). Ссылки на работы В. П. Шилова (41) и В. Н. Даниленко (8), притом далеко не показательные для характеристики ЯКИО, не убеждают в правильности такой культурно-хронологической оценки этого памятника. Если глубокая могильная яма, перекрытая бревенчатыми накатами, скорченность и окрашенность костяков и некоторые другие черты основного погребения и находят определенные параллели в материалах ЯКИО, то этого нельзя сказать о галечной вымостке дна камеры, характере инвентаря, вернее, керамических сосудов. Между тем, практически все элементы кургана Торпах-кала (разумеется, за исключением впускных погребений джикентско-хорочоевской культуры и раннесредневекового времени) и его основного ямного погребения находят несомненные аналогии в МК.

Рассмотрим в этом плане, в первую очередь, конструктивные особенности самого кургана и основного погребального сооружения. Как известно, для МК, причем как для раннего, так и для позднего ее этапов, очень характерны большие курганы с одним или несколькими каменными кольцами-кромлехами в основании насыпи. Глубокие могильные ямы четырехугольной формы часто с закругленными углами под земляными насыпями — отличительная черта для курганов первой, наиболее ранней, группы (по Р. М. Мунчаеву) (31, с. 310, 311), раскопанных в Майкопе, у ст. Тбилисской (на участке Зиссерманов), у ст. Казанской, в Армавире, у с. Старый Урух, в Усть-Джегутинском могильнике (курганы №№ 7—13, 42—45) и на целом ряде других пунктов Северного Кавказа. Как правило, ранние погребения МК перекрывались бревенчатыми накатами или же деревянными (чаще всего дубовыми) плахами, иногда камышовыми настилами. Например, известный Майкопский курган, подобно кургану Торпах-Кала, имел перекрытие над основным погребением в виде двух деревянных накатов, между которыми отмечен слой земли толщиной до 10 см (31, с. 312). Для усть-джегутинских ранних курганов наиболее характерны перекрытия из дубовых плах, поверх которых идут засыпки из мелко битого известняка (33, с. 27). Ориентировка основной могилы Торпах-калы по линии восток — запад также находит многочисленные соответствия в группе ранних комплексов МК. В качестве примеров можно привести курганы №№ 8, 9, 45 того же Усть-Джегутинского могильника (33, с. 27). Что касается различных сторон погребального обряда, то захоронения покойников в скорченном положении головой преимущественно на южное направление, совершенные на галечной вымостке или же камышовой подстилке и посыпанные красной краской, — обычное явление для раннемайкопских погребений. Наряду с одиночными в последних встречаются и коллективные захоронения, как, например, в Майкопском кургане (три чел.) (31, с. 212), в Усть-Джегутинском могильнике — курганах

№№ 43 и 45 по два умерших, а в кургане № 10 — до пяти человек (33, с. 27). Интересно, что в большинстве случаев ранние погребения МК отличаются разрушенностью костяков, потревоженностью инвентаря, подобно тому, что мы наблюдали и в кургане Торпах-кала.

К сожалению, инвентарь основного погребения кургана Торпах-кала очень беден, и поэтому не дает больших возможностей для сравнения с материалами МК. Один из сосудов, напоминающий своей формой лошадиное копыто, уникален, аналогов ему в керамической коллекции МК, да и других археологических культур Кавказа и сопредельных территорий, пока не найдено. Второй миниатюрный сосудик с шаровидным туловом, высокой шейкой с плавно отогнутым наружу венчиком и двумя ушками, с верти-

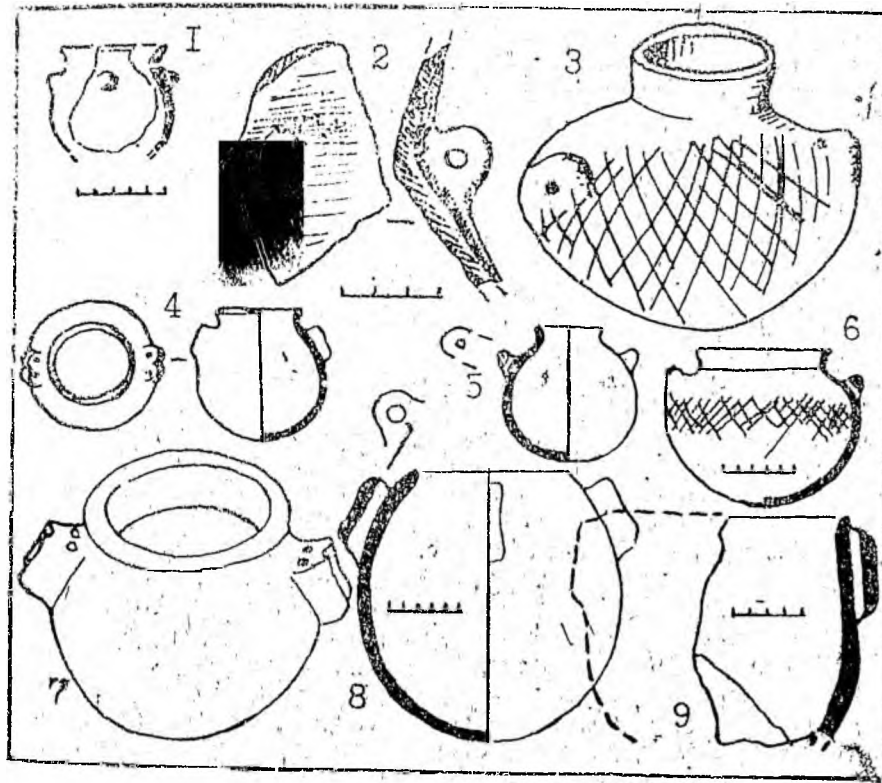

Рис. 8 Глиняные сосуды и их обломки с памятников Дагестана (1 — Гнцхи, по М. Г. Гаджиеву; 9 — Великент), Северного Кавказа (2 — Бачиюрт, по В. И. Марковину; 3 — Верх. Акбаш, по С. Н. Кореневскому; 6 — Койсуз, по В. Е. Максименко) и Передней Азии (4 — Халав, по В. Ортманну; 5, 8 — Талль-эль-Факай, по Hans H. Curvers and Glenn M. Schwarz; 7 — Троя-1, по Claude F. A. Schaeffer)

кальными отверстиями на плечиках (рис. 4, 4), наоборот, имеет многочисленные и достаточно красноречивые аналогии. В первую очередь здесь вспоминается небольшой горшочек (рис. 8, 1) с округлым туловом, резко отогнутым венчиком и вертикально просверленными ручками-ушками на плечиках (форма реконструирована по сохранившейся части сосуда), происходящий с энеолитического поселения Гинчи (6, с. 16, 17, рис. 7, 8). Он относится к высококачественной парадной посуде, характеризующейся хорошо отмученной чистой глиной, лощеной поверхностью красно-оранжевого, розоватого цвета, покрытой иногда тончайшим слоем красного или розоватого ангоба. Размеры гинчинского сосудика примерно такие же, как у торпахкалинского. Как видно, формально-типологическое и технологическое сходство этих сосудов налицо, но учитывая разновременность памятников, возможно, оно объясняется конвергентностью.

Наиболее близкие торпахкалинскому сосуду образцы представлены в вышерассмотренных комплексах из предгорного и равнинного Дагестана: по одному в БМК (рис. 3, 1) и Мискин-Булаке (рис. 4, 2) и три сосуда в Великенте (рис. 6, 1, 2, 4). Все они составляют одну серию типологически одинаковых и в целом небольших по размерам сосудов (шаровидное тулово, резко отделенное от шейки с отогнутым венчиком, два симметрично расположенных на плечиках ушка с вертикально, в одном случае — горизонтально просверленными ручками) с внешней поверхностью красно-оранжевого, охристо-желтого, иногда бледно-серого цвета, как правило, имеющей хорошее лощение и тонкий слой ангоба красновато-бурого цвета. Различия среди них сводятся в основном к размерам и пропорциям*. Сосуды этого типа практически не укладываются в традицию гончарного производства эпохи РБ в Дагестане, хотя для нее и не чужды по отдельности такие их черты, как лощение поверхности, ручки-ушки и т. п. Поиск наиболее адекватных аналогов опять приводит нас к материалам МК. В свое время В. И. Каньвец (13, л. 24) указывал на сосуд из погребения 10 кургана № 1 у с. Верхний Акташ, раскопанного Е. И. Крупновым в 1948 г. (19, с. 208—210; рис. 13, 14), в качестве близкой аналогии одному из сосудов с оградки БМК. Действительно, этот миниатюрный круглодонный горшочек (H—8 см) с уплощенно-шаровидным туловом, раструбной высокой горловиной и двумя характерными ручками-ушками на плечиках, имеющих лощеную внешнюю поверхность и хороший обжиг (рис. 8, 3), прекрасно сопоставляется с сосудами аналогичной формы с ручками-ушками на плечиках из Дагестана. Единственное отличие — верхнеакбашский сосуд имеет на тулове врезной сетчатый ор-

* Кстати, еще один сосуд из Мискин-Булака (рис. 4, 3) отличается от сосудов данного типа разве что заменой двух ручек-ушек с отверстиями одной ленточной ручкой у закраины, но в данном случае эта деталь довольно существенная.

намент, а дагестанские аналогичные образцы вообще лишены декора. Само погребение № 10, откуда происходит этот «культурный», по определению Е. И. Крупнова, сосуд является выпускным в кургане, основное погребение которого (редкий случай!), по всей видимости, энеолитическое (20, с. 34; 31, с. 227; 16, с. 76). Сосуд с ушками, и вместе с ним и погребение № 10, ныне практически все относят к МК (39, с. 83; 31, с. 227; 16, с. 76), хотя и была в свое время попытка включить их в круг памятников 1 этапа северокавказской культуры (27, с. 41, 42; рис. 12, 12; 40, 39).

Верхнеакбашский курган — не единственный памятник МК, в котором найден круглодонный сосуд с ручками-ушками. Сосуды такого типа или же их обломки известны, например, в материалах раскопок у ст. Раевской, к. 2 (37, с. 95), сел. Старый Урух, к. 2 (19, с. 30; 20, с. 60), ст. Усть-Джегутинской, к. 7 (33, с. 23, 27; рис. 9, 2). Есть подобные находки и на майкопских памятниках, расположенных на территории соседней с Дагестаном Чечено-Ингушетии. В кургане 18 Бамутокого могильника (1966 г.) был найден обломок красно-охристого сосуда, на выпуклой части стенки которого имеется ручка-ушко — аналогия этому сосуду, по словам Р. М. Мулчаева, не встречена в памятниках МК (31, с. 307). Остается непонятным, что имеется в виду: то ли не известен подобный сосуд с ручками-ушками вообще (а таких сосудов много!), или же акцентируется внимание на необычном расположении ручек на тулове? Скорее всего ближе к истине последнее. И, наконец, из насыпи кургана у сел. Бачиюрт (В. И. Марковин, 1961) происходит обломок шейки (рис. 8, 2), по всей видимости, круглодонного сосуда с характерной ручкой-ушкой (25, с. 63, рис. 23, 1). Исходя из реконструируемой формы этого сосуда и характера глиняного теста, автор раскопок сблизил его с керамикой Новосвободненских дольменов, хотя должен заметить относительность такого сопоставления, т. к. ручки новосвободненских сосудов совершенно отличаются от ручек в виде выступов-ушек (36, табл. XIII, 3, 4, 6).

Еще несколько фактов для того, чтобы поставить точку под вопросом о круглодонных сосудах с ручками-ушками: нахождение близких по форме и характеру сосудов за пределами традиционного ареала МК также можно объяснить сквозь призму ее культурных традиций и контактов. Для примера можно взять Койсугский курган № 5 (Левобережье Доной дельты), в погр. № 18 (яма с заплечиками, перекрытая деревянными плахами и камышовым настилом), которого двух покойников сопровождало два круглодонных сосуда (24, с. 250—253, рис. 1, 1—3) — один из них имеет ручки-ушки с вертикальными отверстиями и, подобно верхнеакбашскому сосуду, орнаментирован сетчатым узором, правда, пролощенным (рис. 8, 6). Как считает В. Е. Максименко, материалы погр. № 18 наряду с погребением № 24 этого же кургана имеют, с одной стороны, некоторое сходство с памятниками

МК, а с другой — аналогии среди памятников кеми-обинской культуры (24, с. 25). В самом деле, в некоторых кеми-обинских погребениях можно встретить миниатюрные сосудики с ручками-ушками, близкие майкопским (14, с. 20), что, наверное, неудивительно в свете некоторых замеченных специалистами параллелей между кеми-обинской и МК (42, с. 61). Нет непроходимой «стены» и между ранними усатовскими памятниками и МК, о чем свидетельствуют, например, многие общие моменты в погребальном обряде, есть они и в керамике, — в данном случае наше внимание привлечен сосуд с шаровидным туловом, двумя ручками-ушками на плечиках и сетчатым орнаментом, нанесенным краской, найденный в кургане с кромлехом в основании (в центральной могильной яме, перекрытой плахами и бревнами) у сел. Тудорово Республики Молдова (28, рис. 23, 3). Одна и та же орнаментальная композиция, как видно, свойственна целому ряду близких по форме сосудов, происходящих с памятников самых различных территорий (Тудорово, Койсуг, В. Ажбаш). Здесь речь идет о сосудах с памятников, датировка которых примерно сопоставима. Но интересно, что аналогичные или близкие по форме сосуды с сетчатым орнаментом встречаются на Кавказе и в последующее время. Такой сосуд, например, еще в 1926 г. был найден в одном из Ходжалинских (Азербайджан) земляных курганов в яме, перекрытой двойным бревенчатым накатом (9, с. 22—24, рис. 4); по М. А. Гусейновой (7, с. 11, 12; табл. 1, б), он относится к керамике карабахских памятников раннего этапа (XIV—XIII вв. до н. э.).

Итак, возвращаясь опять к основному погребению кургана Торпах-кала, скажем, что столь большой этюд, посвященный сравнительному анализу одного сосуда из его инвентаря, окончательно убеждает в принадлежности всего комплекса кругу памятников МК, причем первого, раннего его этапа. С другой стороны, логично предположить, что оградка БМК, Мискинбулакское культовое место и Великентские оградки, в комплексах которых сосуды, аналогичные торпахкалинскому, занимают существенное место, также относятся к МК. Подтверждает эту гипотезу и анализ остальных пяти сосудов перечисленных комплексов, которые, как ни странно, представляют еще четыре типа посуды. Об уникальности сосуда в виде лошадиного копыта из кургана Торпах-кала уже говорилось выше. На мой взгляд, он совершенно не вписывается в ранний облик основного погребения кургана; учитывая обстоятельства его нахождения (в заполнении ямы) и разрушенность погребений, можно ставить вопрос о его принадлежности к другому комплексу, более позднего времени. Две миниатюрные круглодонные мисочки из Великента (рис. 6, 3) и Мискинбулака (рис. 3, 3) находят типологические аналогии в керамике Дагестана эпохи РБ (4, рис. 4, 1, 2) и последующего времени, хотя характер теста и обработка внешней поверхности у них разные. На памятниках МК, как известно, миски различ-

ной формы встречаются, как правило, на позднем этапе ее развития (31, с. 330; 5, с. 52, 53). Есть среди них и круглодонные, подобно дагестанским, миски и мисочки (хут. Рассвет, п-ов Фонтан, Бамут и др.). (31, рис. 58, 3, 4; 65, 1—3). Правда, все они лишены ручек. Близки к мискам сосуды типа округлобоких глубоких чаш с полузакрытым устьем — опорадически их находят в основном на позднемайкопских памятниках (3, рис. 14, 6, 9, 11), есть среди них и круглодонные образцы (29, с. 96, рис. 4, 12), аналогичные чаше из БМК. Что касается круглодонной чашки с коротким резко отогнутым наружу венчиком и одной ленточной ручкой у закраины, также найденной в оградке БМК (рис. 3, 2), то форма ее больше ассоциируется с дагестанской керамикой конца III — нач. II тыс. до н. э., нежели с традициями гончарного производства МК, хотя по характеру глиняного теста она практически не отличается от остальных сосудов данного комплекса да и других рассматриваемых памятников.

Керамика не является единственным фактором, который объединяет в одной группе комплексы из БМК, Мискинбулакского и Великентского могильников. Перед нами ряд близких объектов явно не погребального характера, хотя и имеющих некоторые конструктивные различия: в одном случае мы имеем дело с подкурганной каменной оградкой подпрямоугольного плана (БМК), в другом с каменной выкладкой овальной формы с кострищем (Мискин-Булак) и, наконец, в третьем — с каменными кольцами — оградками с внутренними галечными вымостками (Великент). Возможно, причины этих особенностей объясняются различной культовой семантикой каждого объекта, конкретным содержанием их функциональной принадлежности. Каменная оградка из БМК, например, по мнению В. И. Канивца, «не была погребальным сооружением», а скорее всего «представляла собой культовое сооружение, в котором помещались дары погребенному в кургане» (13, л. 11). Не исключая такое поминальное назначение оградки, считаю допустимой ее трактовку и в качестве могилы-кенотафа. Подобные сооружения хорошо известны в археологической практике Кавказа; в частности, встречаются они и на памятниках МК (31, с. 292, 320). Здесь надо все-таки подчеркнуть относительность рассуждений специалистов о природе таких археологических реалий, как выделенная группа непогребальных комплексов. Для более конкретного и предметного разговора нужна и более обширная статистическая выборка объектов. Пока что их объединяют близость архитектоники, схожесть функционального назначения и удивительно единый состав и характер сопутствующего керамического инвентаря. Каменные кромлехи, оградки, галечные и булыжные вымостки, выкладки и т. п. также вполне вписываются в реестр дифференцирующих признаков МК. Еще одним, хотя и несколько косвенным, аргументом в пользу майкопской идентификации дагестанских культовых комплексов является стратиграфическое положение одного

из них — оградки БМК. Как указывалось выше, оградка была устроена в насыпи кургана, основное погребение которого было совершено на уровне древнего горизонта в своеобразной каменной гробнице. В. И. Канивец, хотя и привлек для этого погребения сравнительный материал, с одной стороны, Карабудахкентского и Гинчинского могильников (12, л. 102), а с другой — триалетских курганов и новосвободненских гробниц (13, л. 23, 24), ограничивается лишь указанием его абсолютной и относительной хронологической позиции. Не заостряет вопрос о культурном определении основной могилы и оградки БМК и Г. Д. Атаев, также отмечающий для их датировки триалетские и майкопские параллели (2, с. 215). Наш анализ материалов БМК вместе с другими аналогичными комплексами Дагестана позволяет утверждать о майкопской принадлежности и основного погребения БМК. Как известно, для позднемайкопских памятников наиболее типичны подкурганые захоронения на уровне древнего горизонта (иногда с небольшим углублением в землю) с использованием чаще всего галечной подстилки и возведением над ними каменных сооружений (31, с. 315—319). Не редкость для курганов этой группы и своеобразные каменные гробницы, устроенные прямо на поверхности земли, наподобие БМК. Например, основное погребение Разменного кургана у ст. Костромской имело перекрытие из каменных плит, сложенных в виде шатра и образующих ложный свод (31, с. 257, 258). Каменная гробница больших размеров с галечной подстилкой, к сожалению, плохо исследованная, известна и в одном из курганов, раскопанных у ст. Варениковской (31, с. 262). Такие примеры можно еще привести, притом не только из МК. Возьмем хотя бы курган № 1 из группы Усатово-село, раскопанный еще в 1940 г. на Украине, и удивительно перекликающийся с БМК. Этот курган, отличавшийся очень большими размерами, имел в основании каменный кромлех, под которым обнаружены культовые ямы с каменными закладками (в ямах найдено 2 сосуда, 1 кремневый отщеп), а «внутри кромлеха центральная часть земляного кургана была обложена камнями (д-р 14 м) и имела характер куполообразного сооружения над центральным мужским погребением, оказавшимся ограбленным» (35, с. 197). Аналогичные подкурганые погребальные сооружения есть и в Закавказье (Триалети). Не игнорируя такие совпадения, все же реальнее, на мой взгляд, увязывание основной могилы и оградки БМК с традициями МК.

Несколько слов о датировке майкопских комплексов Дагестана. Вопрос этот непростой и в значительной мере связан с общей дискусионностью, сложившейся вокруг проблемы периодизации и хронологии МК. Если не касаться абсолютных дат и придерживаться трехзвенной периодизации МК, предложенной А. А. Формозовым на материалах поселений и Р. М. Мунчаевым на основе анализа погребальных памятников, то, безусловно, к первому, раннему этапу относится основное захоронение кур-

гана Торпах-Кала. Разграбленное центральное погребальное сооружение БМК по своему характеру можно зачислить в третью (позднюю) группу памятников МК, даже скорее всего к самому началу позднего этапа, т. е. характерный круглодонный сосуд с ручками-ушками из оградки-кенотафа этого кургана имеет прямую аналогию в кургане Торпах-Кала. А коль скоро и остальные комплексы майкопского облика (Мискинбулак и Великент) содержат такого же типа сосуда в сочетании с архаичными круглодонными мисками и чашами, то и их можно условно датировать временем самого начала третьего этапа (по Р. М. Мунчаеву) МК.

Еще несколько соображений в пользу относительно раннего облика круглодонных сосудов с ручками-ушками среди керамики позднемайкопских памятников. Первое: выше упоминался миниатюрный реконструируемый сосудик такого типа, найденный в неолитическом поселении Гинчи, косвенно указывающий на нижний хронологический ориентир их появления на Кавказе. Второе: многие исследователи неоднократно указывали на общие моменты, перекликающиеся при сравнении материалов Трои-II и МК (39, с. 137). Но в Трое-I, которая обычно датируется не позже середины III тыс. до н. э., есть сосуд (рис. 8, 7) с округлым туловом, отогнутым венчиком и двумя симметричными ручками на плечиках в виде желобчатых массивных наклепов удлиненной формы. Особенностью такой ручки является наличие двух продольных параллельных отверстий-каналов, служивших, по-видимому, для продевания шнура. В целом сосуд хорошо ассоциируется с майкопскими сосудами с ручками-ушками с одним отверстием. Идентичный сосуд (рис. 8, 4) с чернолощеной поверхностью (т. н. «черная керамика Евфрата») найден в одном из Халавских погребений в Сирии, относящихся, по В. Ортманну, к фазе II РБ Сирии, т. е. синхронной раннединастической эпохе Месопотамии (34, с. 65, рис. 4, 12). Из этого же комплекса происходит одноручный круглодонный сосуд (34, рис. 4, 13), внешне практически тождественный одному из сосудов из Мискин-Булака (рис. 4, 3). Очень важно присутствие среди огромной керамической коллекции катакомбы № 8 Великента, пока наиболее ранней в могильнике, нескольких сосудов с ручками-выступами, имеющих по два продольных отверстия. А если иметь в виду, что в этой же катакомбе найдены глубокие миски с внутренним бортиком на венчике, на который врезан геометрический узор, и имеющие прототипы опять же в слоях Трои-I (46, fig 162, 11), то ясно, что это служит дополнительным доводом считать майкопские круглодонные сосуды с ручками-ушками довольно архаичными. Аналогии подобным сосудам известны и на других ранних памятниках Ближнего Востока; например, они найдены на поселении Эль-Ракай (Сев. Месопотамия), датируемом автором раскопок по крайней мере сер. III тыс. до н. э. (45). Устойчивая тенденция к общему удревнению МК (вплоть до конца IV — первой пол. III тыс. до н. э.), наблюдаемая в последнее время

(I, с. 39—56; 11, с. 18—26), вроде бы подтверждает реальность таких хронологических выкладок.

Открытие памятников МК на территории Дагестана очень важно для уточнения вопроса об ареале МК. Как известно, юго-восточный рубеж распространения МК обычно на картах и схемах проводят по территории Ингушетии (31, с. 15, рис. 17; 10, с. 47, карта 1); вместе с тем наиболее восточным пунктом Северного Кавказа с материалами майкопского облика считается курган у с. Бачи-юрт (Курчалоевский р-он), расположенный в предгорьях Чечни (25, с. 63, 64). О проникновении отдельных элементов МК еще далее на ЮВ в Дагестан говорилось также неоднократно. Еще в 1958 г. Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов указывали на особенности погребального обряда Карабудажкентского могильника «подстилка дна погребения галечником, неустойчивая, но преимущественно южная ориентировка скорченных костяков, снабженных красной краской, наличие медных предметов и дерева», характерные и для МК (32, с. 157). Некоторые черты, близкие к МК, отмечал и В. И. Маркович в погр. № 3 кургана 2 курганной группы III у Миатли (27, с. 93). С. Н. Кореневский описал несколько бронзовых предметов, найденных на территории Дагестана (вилка — подкурганное погребение у с. Даг. Огни, 1958; топор — случайная находка из с. Новомака) и наиболее характерных для МК, а также обратил внимание на воздействие традиций металлообработки МК на примере галгалатлинской литевой формы топора (15, с. 39—45). Надо здесь упомянуть и аналогии вышехарактеризованным мискинбулакским сосудам, приведенные в осторожной форме и без комментариев В. М. Котович из керамической коллекции МК (18, с. 96).

Все эти факты, дополненные анализируемыми в данной статье памятниками, бесспорно, майкопского облика, все же не позволяют безоговорочно включить предгорную и равнинную части Дагестана в ареал МК. Было бы правильно рассматривать их в качестве зоны взаимодействия различных культурных традиций. Ничего необычного в этом нет, т. к. Приморский Дагестан, где проходит наиболее удобная дорога из степей Северного Кавказа в Закавказье и Переднюю Азию, издревле играл роль связующего моста между древними народами и их культурами. В этом плане интересна картография майкопских памятников на территории Дагестана: все они в той или иной степени примыкают к этому «проходному коридору» или же находятся непосредственно в нем (рис. 1). Ясно, что они оставлены майкопскими племенами при своих продвижениях вдоль Каспийского моря. При решении вопроса о направленности и масштабности миграций надо брать в комплексе проблемы генезиса самой МК, сложения и динамики ее исторического ареала, а также конкретную этнокультурную ситуацию, существовавшую в Приморском Дагестане в эпоху ранней бронзы. В настоящее время среди археологов нет

единства мнений о происхождении МК (подробно об этом см.: 43; 44, с. 106—157), хотя наиболее распространена точка зрения (В. А. Городцов, Б. М. Фармаковский, М. И. Ростовцев, А. А. Иессен, А. А. Формозов, Р. М. Мунчаев, М. В. Андреева, В. А. Сафронов, В. А. Трифонов и др.) о сложении этой культуры под значительным влиянием цивилизаций Ближнего Востока и Передней Азии; при этом не исключается и возможность определенных этнических перемещений с юга на Северный Кавказ. На мой взгляд, все еще справедливыми остаются слова М. В. Андреевой о том, что у нас «... нет данных, которые помогли бы выявить конкретные причины такого выплеска населения за пределы древневосточного мира, подробно проследить пути его проникновения в районы Прикубанья и точно датировать это событие» (1, с. 56). Заманчиво было бы видеть в кургане Торпах-кала одно из свидетельств первоначального похода будущих «майкопцев» на север, но вряд ли его можно считать одним из наиболее ранних среди памятников МК. Учитывая те обстоятельства, что все комплексы МК в Дагестане обнаруживают такую общую черту, как присутствие однотипных неординарных сосудов с ушками, имеют множество параллелей, в особенности в материалах позднемайкопских памятников, по всей видимости, курган Торпах-кала следует датировать концом I этапа развития МК (ли же признать его условно относящимся к памятникам промежуточной группы, которые в свое время выделяли А. А. Формозов и Р. М. Мунчаев. Следовательно, среди комплексов МК, открытых на территории Дагестана, нет большого хронологического разрыва, все они — явления одного, относительно единого временного порядка. В таком случае не являются ли они результатом миграций каких-то групп населения МК вдоль предгорий Кавказского хребта с СЗ на ЮВ? Исходные импульсы таких передвижений, идущие из Прикубанья (первоначального ареала МК) в Центральное Предкавказье и далее на ЮВ в Чечено-Ингушетию, не раз отмечались специалистами (30, с. 20; 31, с. 333, 334; 26, с. 316, 317; 40, с. 31). Вопрос об этапах расширения исторического ареала МК и их хронологических привязках довольно сложен и дискуссионен. Но обращает на себя внимание факт начала распада прежнего культурного единства (северовосточно-кавказский вариант куро-аракской культуры) Северо-Восточного Кавказа именно с середины III тыс. до н. э. (22, с. 22). Наряду с внутренними причинами в этом процессе, как свидетельствуют археологические материалы, значительное место занимают инкультурные инновации, часть которых уверенно можно отнести и к МК. Последовавшие затем качественные изменения в культурно-историческом развитии местных племен завершились на рубеже III—II тысячелетий до н. э. сложением новых археологических культур и отдельных групп памятников в рамках единой восточнокавказской метакультурной общности.

1. Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1957. № 1.
2. Атаев Г. Д. Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
3. Батчасв В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1.
4. Белоглазова Т. А. Гончарные печи в окрестностях сел. Великент // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
5. Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1.
6. Гаджиев М. Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
7. Гусейнова М. А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV—IX вв. до н. э.). Баку: Элм, 1989.
8. Даниленко В. Н. Энеолит Украины: этноист. исслед. Киев: Наукова думка, 1974.
9. Джафарзаде И. М. Ходжалинская экспедиция: Земляной курган № 5 // Изв. Аз. ФАН СССР. Баку, 1941.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. 1.
11. Кавтарадзе Г. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
12. Канивец В. И. Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана. Махачкала, 1957 // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 59.
13. Канивец В. И. Отчет о раскопках памятников бронзового века на Сулаке в 1957 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 66.
14. Ковпаненко Г. Т., Буниятин Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1978.
15. Корневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
16. Корневский С. Н., Наглер А. О. Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
17. Которич В. М. Курган Торпах-Кала // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
18. Котович В. М. Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
19. Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // УЗ КНИИ. Нальчик, 1950. Т. V.
20. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
21. Магомедов Р. Г. К вопросу об юго-восточной границе распространения майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Междунар. симпозиум: (Тез. докл.). Л., 1991.

22. Магомедов Р. Г. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
23. Магомедов Р. Г. Об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (Тез. докл.). Орджоникидзе, 1986.
24. Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // СА. 1973. № 1.
25. Марковин В. И. Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА. 1963. Вып. 93.
26. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
27. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н. э.) // МИА. 1960. № 93.
28. Мелюкова А. И. Курган усатовского типа у села Тудорово // КСИА. 1962. № 88.
29. Мизиев И. М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1.
30. Мунчаев Р. М. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Изв. ЧИАИ АЭС. Вып. 1. История. Грозный, 1966. Т. VII.
31. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
32. Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент. (Дагестанская АССР) // МИА, 1959. № 68.
33. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978.
34. Ортмани В. Керамика ранней и средней бронзы на Среднем Евфрате и ее связи с керамикой Хамы и Эблы // Древняя Эбла: (Раскопки в Сирии). М.: Прогресс, 1985.
35. Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений // МИА. 1949. № 10.
36. Попова Т. Б. Дольмены станицы Новособорной // Тр. ГИМ. М., 1963. Вып. XXXIV.
37. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. 1899. Т. II.
38. Трифонов В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192.
39. Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
40. Чеченов И. М. Природно-географические условия Центрального Кавказа и некоторые особенности его исторического развития в эпоху бронзы // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами: (Аннотации). Тбилиси, 1984.
41. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
42. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Прииславье в V—I тыс. до н. э. Симферополь, 1969.
43. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Междунар. симпозиум: (Тез. докл.). Л., 1991.
44. СА. 1990. № 4.

45. Curvers H. H. und Schwartz C. M. Excavations at Tell al-Raga'i: A small Rural site of Early urban Northern Mesopotamia // American journal of archaeology. 1990. January. Vol. 94. № 1.

46. Schaeffer Cl. F. A. Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III-e et II-e millénaires). London. 1948.

КЕРАМИКА СО ШНУРОВЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ ПРИСУЛАКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Изучение керамических находок, которые представляют наиболее массовый археологический материал, имеет большое значение. Являясь важнейшим историческим источником, они представляют большой интерес для выяснения и понимания сложных вопросов, связанных с этнокультурными процессами, происходившими в эпоху ранней и средней бронзы.

В данной работе на основе анализа керамических материалов из Сигитминского поселения эпохи ранней бронзы, а также Чиркейских и Миатлинских курганных могильников эпохи средней бронзы бассейна р. Сулак, рассматривается группа сосудов со шнуровой орнаментацией (1, с. 2—40; 2, с. 3—50; 3, с. 3—40; 4, с. 2—30; 5, с. 3—30; 6, с. 2—110; 7, с. 2—71).

Для разработки вопросов периодизации и хронологии первоначальное значение имеют стратиграфические наблюдения, сделанные исследователями при раскопках Чиркейских и Миатлинских курганов (8, с. 2—90; 9, с. 2—57; 10, с. 193—208; 11, с. 211—216; 12, с. 157—164). Исходя из результатов наблюдений над стратиграфией курганов на Сулаке, представляется возможным выделить ранних, средних и поздних групп погребений. К ранней группе относятся захоронения в каменных гробницах и грунтовых ямах с костяками в вытянутом и сидячем, а в Чиркее и скорченном положениях. К средней группе относятся погребения в сооружениях смешанного типа — гробница-ящик, и принимая во внимание особенности обряда и характер инвентаря, — грунтовые ямы со скорченным положением костяков. К поздней группе погребений относятся захоронения в каменных ящиках со скорченными костяками. Выделение ранних, средних и поздних хронологических групп погребений делает целесообразным рассмотрение керамических материалов каждой в отдельности из указанных групп (10, с. 100—211; 11, с. 212—215; 12, с. 160—161; 13, с. 31—59; 14, с. 11—28; 15, с. 107—108; 16, с. 11—20; 17, с. 145—157). К самым ранним образцам керамики со шнуровым орнаментом относятся два сосуда, обнаруженные на Сигитминском поселении эпохи ранней бронзы, которое исследовалось в 1956—1957 гг. В. И. Канивцом и Г. Г. Буровым (2, с. 60—63; 3, с. 39; 18, с. 3). На сегодняшний день указанные сосуды

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

являются древнейшими не только на территории присулакского района, но во всем Дагестане. Первый сосуд представляет собой низкий широкогорлый горшок или чашу с биконическим туловом и непропорционально узким дном. На плечиках прикреплена небольшая ручка. Плечики сосуда украшены фризом шнурового орнамента из шевронов, сетчатого узора и вертикальных линий. Второй сосуд — широкогорлый одноручный горшок с выпуклым туловом и отогнутым венчиком. Поверхность сглаженная, коричневого цвета с оранжевыми и серыми пятнами. Плечики украшены веревочным или шнуровым орнаментом, состоящим из гори-

зонтальной линии и опускающихся от нее небрежно заштрихованных треугольников (рис., 9). Ручки также украшены отпечатком веревочки в виде креста, от которого отходит один отросток. Кроме вышеописанных сосудов, на Сигитминском поселении также найдено несколько фрагментов керамики, орнаментированных шнуровым узором. Их орнамент близок к упомянутому второму сосуду. На этом наши сведения о рассматриваемой керамике раннебронзовой эпохи исчерпываются. Керамика со шнуровой орнаментацией в эпоху средней бронзы в бассейне среднего Сулака представлена в Чиркейских и Миатлинских курганах, в погребениях ранней и средней групп (13, с. 45—47; 14, с. 15—16; 15, с. 107—108; 16, с. 15—23; 17, с. 147—152).

Керамика ранних погребений

Посуда из ранних комплексов на Сулаке изготовлена от руки из глины, которая содержит примеси песка и дресвы. Цвет сосудов варьируется от темно-серого, коричневого до красного и бурого, но в целом преобладают светлые тона. Поверхности сосудов обрабатаны путем лощения, заглаживания и редко обмазкой жидкой глиной. Обжиг сравнительно хороший, но неравномерный. Несмотря на то что вся керамика лепная, значительная часть посуды отличается строгостью и симметричностью форм, что свидетельствует о мастерстве древних гончаров.

Керамика ранних погребений отличается разнообразием форм. Здесь представлены следующие типы сосудов: 1) кувшино-подобные сосуды с ручкой; 2) с высокой горловиной-раструбом и яйцевидным или биконическим туловом с двумя ручками; 3) широкогорлые глубокие горшки с загнутым внутрь краем и псевдоручками; 4) широкогорлые горшки с двумя ручками, концы которых прикреплены сверху к венчику и внизу к тулову; 5) низкие широкогорлые горшки и чаши с прямым или слегка отогнутым коротким горлом; 6) сосуды с цилиндрической горловиной, резко переходящей к тулову; 7) воронки или кубки; 8) кружки с небольшой ручкой, отходящей от верхнего края венчика; 9) сосуды конической формы, напоминающие по форме плошки или блюдце; 10) небольшие горшки со слегка выпуклым туловом; 11) небольшой тонкостенный чернолощенный сосудик так называемого беденского типа, украшенный геометрическим резным орнаментом и вдавливаниями (13, с. 45—49; 14, с. 15—16; 16, с. 18—19).

Изучение керамики ранних погребений свидетельствует, что она развивалась на базе местных керамических традиций предшествующей эпохи. Черты преэминентности устанавливаются по типам керамики (типы 1, 2, 3, 8, 9, 10). С другой стороны, в ранних погребениях представлены совершенно новые, не характерные для Дагестана формы керамики (типы 5, 6, 7) и орнаменты северокавказского и степного происхождения. Такие сосуды часто

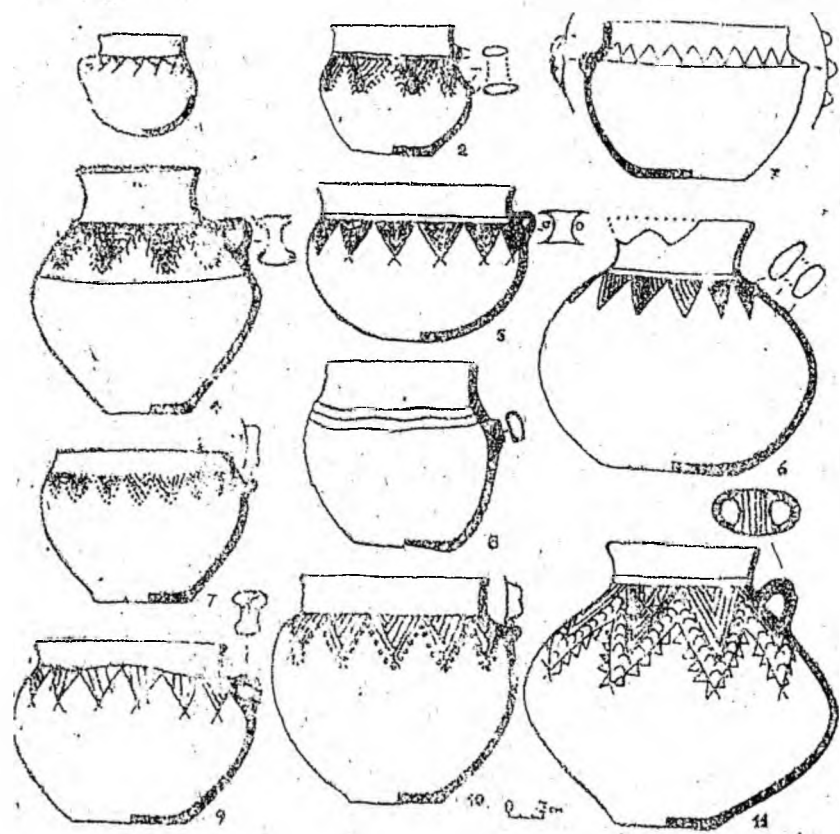

Рис. Сосуды со шнуровым орнаментом из присулакских памятников: 1 — из п. 2, кург. 6, гр. II (Чиркейский м.); 2 — из п. 1, кург. 1, гр. II (Чиркейский м.); 3 — из п. кург. 3, гр. VI (Миатлинский м.); 4 — из п. 2, кург. 1, гр. III (Миатлинский м.); 5 — из подкурганной гробницы у пос. «Дружба» близ Чиркея; 6 — из подкурганной гробницы у пос. «Дружба»; 7 — из п. 1, кург. 6, гр. II (Чиркейский м.); 8 — из п. кург. 4, гр. VI (Миатлинский м.); 9 — из Сигитминского поселения; 10 — из п. кург. 9, гр. II (Чиркейский м.); 11 — из п. 1, кург. 1, гр. II (Чиркейский м.)

орнаментированы шнуровым узором, хотя отдельные экземпляры сосудов, украшенных шнуровым орнаментом, относятся к местным типам (16, с. 18—23; 17, с. 154—155).

Приведем описание сосудов со шнуровым орнаментом по типам. К первому типу относятся кувшиноподобные сосуды. Из них три сосуда со шнуровым узором. Первый сосуд из погребения 1, в кургане № 1, группы II. Это биконический сосуд с ленточным ушком, концы которого замыкаются наклепными дугообразными валиками (рис., 11). Верхняя часть тулова покрыта богатым геометрическим орнаментом из отпечатков веревочки. Второй сосуд — кувшин. Горло отделено от плечиков невысоким оттянутым валиком. Перегиб тулова образует едва заметное ребро. На плечиках сосуда выделен орнаментальный пояс из заштрихованных треугольников, образованный оттисками шнура (рис., 4). У третьего сосуда орнамент сходный со вторым.

К третьему типу относятся широкогорлые глубокие горшки с загнутым внутрь краем и псевдоручками. На некоторых сосудах имеется орнамент в виде треугольных фестонов, сделанный пунктиром и оттисками крученого шнура (рис., 7).

К пятому типу относятся низкие широкогорлые горшки и чаши с прямым или слепка отогнутым коротким горлом. У некоторых сосудов вместо ручек имеется небольшое ушко с проколотым отверстием (рис., 2, 5, 8, 10). Поверхность многих сосудов украшена шнуровым орнаментом в виде пояса из треугольных фестонов или в виде пояса, заполненного перекрещивающимися или вертикальными и зигзагообразными линиями. Очень часто поясок из отпечатков шнура окаймляет наколы сверху и снизу. Данный тип керамики отмечен наибольшим количеством экземпляров. Это, по-видимому, была парадная столовая посуда. Рассматриваемый тип керамики находит ближайšie аналогии во многих памятниках эпохи средней бронзы на Северном Кавказе (19, табл. 1, 1; IV, 2; 20, рис. 6, 5; 21, рис. 40, 1—3; 22, рис. 26, 6, 7; 23, рис. 34, 2, 3; 24, рис. 15, 4—5; рис. 35, 1—5). Он известен также и у степных племен Юго-Восточной Европы (26, рис. 9, 1; рис. 19, 2; рис. 22, 2, 3; 27, табл. 7, 3, 4; табл. 18, 4, 5; табл. 32, 4; 28, рис. 5, 2, 3, 4, 5, 6; рис. 6, 2; рис. 7, 1, 2). Форма рассматриваемых сосудов наиболее характерна для памятников Северного Кавказа эпохи средней бронзы, откуда, очевидно, она и проникла в Дагестан.

Большой интерес представляет найденная в ранних погребениях на Сулаке керамика со шнуровым узором, не характерная для Дагестана. Сосуды орнаментированы треугольными фестонами, выполненными пунктиром и оттисками крученого шнура (рис., 2, 4, 5, 6, 7, 10). Фестоны обведены вдавленными кружками (рис., 10). У некоторых сосудов плечики орнаментированы зигзагом из оттисков шнура и наколов, окаймляющих линию шнура с двух сторон (рис., 2, 4, 11). Один сосуд по плечикам орнаментирован тремя горизонтальными линиями из оттисков шнура (рис., 8).

Присутствие в погребальных комплексах керамики со шнуровой орнаментацией свидетельствует о связях племен бассейна Сулака с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы, от которых указанный прием орнаментации приняло местное население. В Дагестане керамика со шнуровой орнаментацией, кроме Чиркейских и Миатлинских курганов, известна из подкурганной гробницы «Ярти-Тюбе» у ст. Манас (29, с. 167—203), в кургане у ст. Каякент (30, с. 100—102). Фрагменты керамики со шнуровым орнаментом найдены В. И. Марковиным у курорта Талги и у сел. Ленинкент (21, с. 67). Несколько фрагментов найдено В. Б. Виноградовым в Ногайском районе (31, с. 21—25). Но особый интерес приобретают находки керамики со шнуровой орнаментацией, обнаруженные на Ирганайском поселении эпохи средней бронзы (32, с. 3—4; 33, с. 3—4). Это первые находки данной керамики в горном Дагестане, свидетельствующие о наличии тесных контактов с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы. Других случаев находок рассматриваемой керамики на территории Дагестана пока неизвестно. Но в памятниках Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы они имели большое распространение (21, с. 89; 25, 34, с. 193—200; 35, с. 11—13). Рассмотрение керамики со шнуровым орнаментом из ранних погребений показывает, что в Чиркейских и Миатлинских курганах представлены совершенно новые, нехарактерные для Дагестана формы керамики и орнамента северного, степного и северокавказского происхождения. Таковы следующие сосуды, довольно часто встречающиеся в инвентаре ранних погребений (низкие широкогорлые горшки и чаши) и сосуды, встреченные в небольшом количестве от двух до четырех экземпляров (сосуды с цилиндрической горловиной, резко переходящей к тулову округлой формы; воронки или кубки; круглодонный горшок с резким перегибом тулова). Отмеченные сосуды в большинстве случаев орнаментированы шнуровым узором. Кроме того, шнуровым орнаментом украшены сосуды, которые по формам относятся к местным типам керамики. Отмеченный орнамент является новым и нехарактерным для Дагестана, проникновение его связано, по-видимому, с более северными областями Северного Кавказа и, возможно, Юго-Восточной Европы (13, с. 46; 14, с. 15—16; 16, с. 18—23; 17, с. 154—156).

Керамика средней группы

В погребениях средней группы найдено всего три сосуда со шнуровым орнаментом. Первый — это небольшой круглодонный горшочек с орнаментом в виде пояса из треугольных фестонов (рис., 1). Второй — низкий широкогорлый горшок с прямым венчиком и выпуклым туловом. С одной стороны на плечике имеется ручка в виде горизонтального выступа с двумя вертикальными проколами. На противоположной стороне, на плечике,

— налепные конические выступы. Еще два таких выступа помещены с двух сторон. Орнаментальный пояс дополняет шнуровой узор на плечиках, состоящий из горизонтальной линии, над которой идет зигзаг, окаймленный короткими отпечатками (рис., 3). Третий сосуд — небольшой горшок с немного отогнутым венчиком и слегка вышуклым туловом. Он орнаментирован по плечикам рядом косо зачерченных треугольников, нанесенных оттиском тонкого шнура. Нижний край этого ряда ограничен наколами. С одной стороны, на плечиках, налеплен выступ с ямкой на конце и двумя небольшими шишечками по бокам (погр. I кургана № 8 группы III Миатли).

Как видно, вышеописанные сосуды из погребений средней группы со шнуровым орнаментом проявляют большую близость с керамикой из ранних погребений как по форме, так и по способу обработки поверхности. Сходство проявляется и в орнаментальных мотивах. Так для описанных первого (рис., 1) и третьего сосудов характерным орнаментальным мотивом является узор в виде треугольников, опущенных вершиной вниз. Треугольники заполнены параллельными полосами. Второй сосуд из средней группы погребений (рис., 3), украшенный зигзагообразным орнаментом, также находит аналогии с керамикой из ранних погребений.

Рассмотрение керамики со шнуровым орнаментом из ранних и средних погребений позволяет сделать вывод, что наиболее употребительным орнаментальным мотивом является поясок из треугольных фестонов или просто треугольников, опущенных вершиной вниз. Такие зубцы-треугольники часто с внешней стороны украшены кружками, черточками, зигзагами, вдавлениями в виде пунктиров, полукругов, наколов. Отмеченный орнаментальный мотив был широко распространен как в присулакских памятниках, так и в других районах Дагестана (36, с. 131). Только в отличие от рассматриваемых сосудов он украшался врезным или вдавленным орнаментом, а не шнуровым. Широко практиковался орнамент в виде треугольных фестонов во II тыс. до н. э. у племен Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы, где сосуды орнаментированы оттиском шнура и различными штампами (21, с. 88—90; 36, с. 120).

Отличительной чертой керамики со шнуровым узором из присулакских памятников является то, что они в основном декорируются по плечикам, тогда как в западных областях Северного Кавказа встречается гораздо богатый, «пышный» узор по всему сосуду от венчика до дна (21, с. 122—126). Так, керамика, покрытая шнуром, найденная в Прикубанье, богаче украшена узором, который сделан из «рельефных валиков в виде спускающихся фестонов, зигзагообразных и косых линий, колечек, просто концентрических кружков с вдавлениями и других фигур» (34, с. 198). По мнению В. И. Марковина, шнуровой орнамент мог появиться на Северном Кавказе из степей в результате связей,

а треугольный штамп от населения Северного Кавказа попадает к степным племенам (21, с. 90).

Рассмотренная нами коллекция керамики со шнуровым орнаментом, показывает, что наибольшее число сосудов приходится на ранние погребения, где найдено десять сосудов. В средних погребениях их три. Еще два сосуда происходят из Сигитминского поселения. В итоге мы имеем пятнадцать сосудов из присулакских памятников, т. е. наибольшее количество из известных в Дагестане в эпоху средней бронзы. Интерес представляет тот факт, что у всех описанных сосудов со шнуровым орнаментом, состоящим из пояска в виде треугольных фестонов, количество треугольников всегда двенадцать. По-видимому, это отражает представления древнего населения о двенадцатимесячном годовом цикле.

Возможны и другие объяснения этому факту. Но как бы то ни было, в орнаментике сосудов скорее всего отражалось мировоззрение, заключался определенный смысл.

Появление в конце эпохи ранней бронзы в Присулакском районе керамики со шнуровой орнаментацией исследователи объясняют усилением контактов со степными и северокавказскими племенами (9, с. 20—40; 18, с. 30). В это время происходят значительные перемены «в развитии архитектуры (смена круглоплановой архитектуры прямоугольной), керамического производства (сложение керамического комплекса эпохи средней бронзы), затухает куро-аракская культура, усиливаются связи со степными племенами (керамика со шнуровым орнаментом), и в конечном итоге на Северо-Восточном Кавказе складываются археологические культуры и комплексы эпохи средней бронзы» (18, с. 31). А особенностью культуры эпохи средней бронзы Присулакского района является то, что она носит синкретический характер, т. е. местные элементы сочетаются с пришлыми, явно привнесенными с севера.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в ранних и средних погребениях представлены совершенно новые, нехарактерные для Дагестана формы керамики и шнурового орнамента северного, степного и северокавказского происхождения. Можно указать и на другие не местные, явно привнесенные с более северных областей элементы культуры — обычай посылать покойника охрой, металлические украшения со шнуровым узором, выпрямители древков стрел. Отмеченный шнуровой орнамент и некоторые формы сосудов, по-видимому, следует объяснять не просто как результат культурных взаимосвязей племен бассейна Сулака с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы, но и проникновением последних на территорию рассматриваемого региона. За этим последовало значительное изменение облика местной культуры рассматриваемой территории за счет внедрения пришлых этнокультурных элементов возникла этническая пестрота, увеличилась подвижность населе-

ния (13, с. 50—51; 14, с. 16). Серьезные изменения в культуре населения долины Сулака характеризуются прежде всего тем, что здесь получили развитие те черты северокавказского и степного происхождения, которые прежде являлись чуждым и второстепенным элементом культуры. С этого времени значительно ослабляются связи с югом, уступая место северным связям (Северный Кавказ, степи Юго-Восточной Европы). Пришлые племена сыграли значительную роль в этнокультурных процессах, происходивших в Присулакском районе. Впоследствии, примерно около середины II тыс. до н. э. этнические различия между отдельными группами племен исчезают в результате ассимиляции пришлых племен местным населением. На это указывает тот факт, что уже поздние погребения Чиркейских и Миатлинских курганов вполне определенно свидетельствуют о культурном единстве населения бассейна Сулака. Вместе с процессом этнической консолидации населения предгорий Северного Дагестана сложилась каякентско-хорочоевская культура, своеобразие которой было отмечено многими исследователями. В это время возникают новые поселения: Бачазул-Шоб, Нижнесигитминское и таким образом история Присулакского района опять тесно связывается с историей других областей Дагестана (13, с. 46; 14, с. 15—16; 16, с. 22—23; 17, с. 156). В это время также сложный характер этнокультурного развития населения наблюдался на территории приморского и части предгорного Дагестана.

1. Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1600.
2. Канивец В. И., Буров Г. Г. Отчет о работах Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1626.
3. Канивец В. И. Отчет Миатлинского отряда ДАЭ о раскопках памятников бронзового века на Сулаке в 1957 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1606.
4. Путинцева И. Д. Отчет о работе 2-го Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1842.
5. Путинцева И. Д. Отчет о полевых исследованиях 1-го Чиркейского отряда ДАЭ // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1950.
6. Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., Федоров Г. С. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС // Архив ИА АН СССР. Р—1, с. 3199.
7. Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 3421.
8. Канивец В. И. Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана (рукопись) // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Махачкала, 1960. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 33.

9. Канивец В. И. Памятники бронзового века на Сулаке // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Махачкала, 1956. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 2326.
10. Гаджиев М. Г. Культура Дагестана в эпоху бронзы (по материалам раскопок в зоне строительства Чиркейской ГЭС) // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Махачкала, 1973. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 360.
11. Канивец В. И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году // Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1956. С. 210—218.
12. Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году // Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1957. С. 157—164.
13. Канивец В. И. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 31—59.
14. Гаджиев М. Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11—28.
15. Гаджиев М. Г. Чиркейский курганный могильник // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. Киев, 1975. С. 107—108.
16. Атаев Г. Д. Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
17. Атаев Г. Д. Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1. М., 1987. С. 145—157.
18. Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 6—42.
19. Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. № 3. М.: Наука, 1941.
20. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА, № 23. М.: Наука, 1951.
21. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. № 93. М.: Наука, 1960.
22. Мунчаев Р. М., Сариниди В. И. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. № 98. М.: Наука, 1964.
23. Мунчаев Р. М., Сариниди В. И. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. // КСИА. № 106. М.: Наука, 1966.
24. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978.
25. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984.
26. Сивичин И. В., Эрдниев У. Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Элиста, 1962.
27. Сивичин И. В., Эрдниев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966.
28. Эрдниев У. Э. Археологические памятники южных Ергеней. Элиста, 1982.
29. Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане // СА. Вып. XXVI. М., 1956. С. 167—203.
30. Магомедов А. Р. Археологические находки в с. Каякент // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. научн. сообщений. Вып. VI. Махачкала, 1976. С. 100—102.
31. Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М. Некоторые находки IV—II ты-

сячелетий до н. э. на Северо-Восточном Кавказе // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С. 22—25.

32. Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Новые данные о культурных связях населения степей и гор в бронзовом веке: Тез. докл. научн. сессии, посвящ. итогам экспедиц. исслед. ИИЯЛ 1986—1987 гг. Махачкала, 1988. С. 3—4.

33. Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Об итогах охранных раскопок Иргалайского поселения № 1 в 1988—1989 гг.: Тез. докл. научн. сессии, посвящ. итогам экспедиц. исслед. ИИЯЛ в 1988—1989 гг. Махачкала, 1990. С. 3—4.

34. Марковин В. И. Степи и Северный Кавказ: об изменении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 193—200.

35. Синицын Н. В., Эрднеев У. Э. Элистинский могильник. Элиста, 1971.

36. Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.

37. Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЮХРАКСКИЙ МОГИЛЬНИК

К западу от сел. Гюхрак Табасаранского района находится пологая надпойменная терраса речки Рубасчай, огражденная с юга цепью горных отрогов и открытая с востока, запада и юга, со стороны речки. По этой террасе с востока на запад проходит автомобильная дорога в сел. Хучни. В 300—500 м к северо-западу от сел. Гюхрак по обе стороны от дороги начинается могильник, а еще западнее — поселение. С этих памятников собран камень для строительства, здесь проводились дорожно-строительные и ирригационные работы. Ряд могил разрушен, частично уничтожено и поселение. Среди предметов, полученных из потревоженных могил, имеются обломки лепной обмазанной керамики, бронзовая крышная бляха с петлей для подвешивания, обломок бронзового кликального клинка и колоколовидная подвеска, украшенная прорезным и гравированным орнаментом.

Общая площадь могильника — около 210000 (300×700) кв. м. Раскоп был заложен на северной окраине платформы, недалеко от обрыва террасы, вблизи от ранее выявленных при строительных работах каменных ящиков. На площади 112 кв. м были исследованы три каменных ящика. После снятия дерна и небольшого слоя земли на раскопе обнажились три группы каменных выкладок, каждая из которых сопутствует погребальному сооружению (рис. 1).

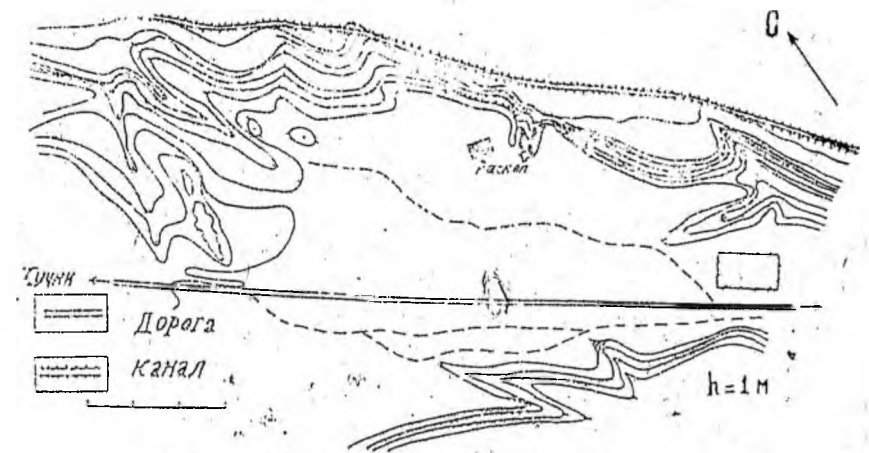

Рис. 1. Гюхракский могильник. Топографический план

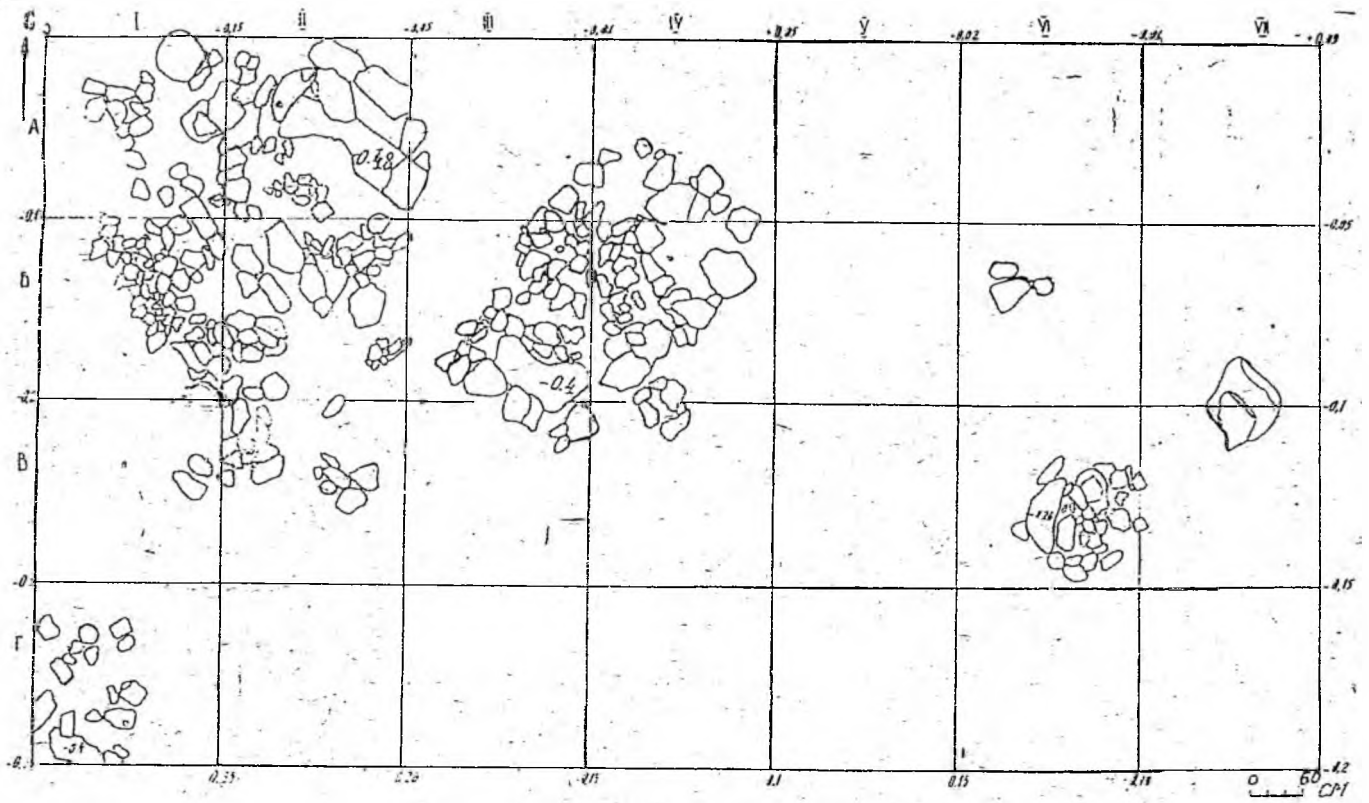

Рис. 2. План раскопа Гюхракского могильника (1 слой)

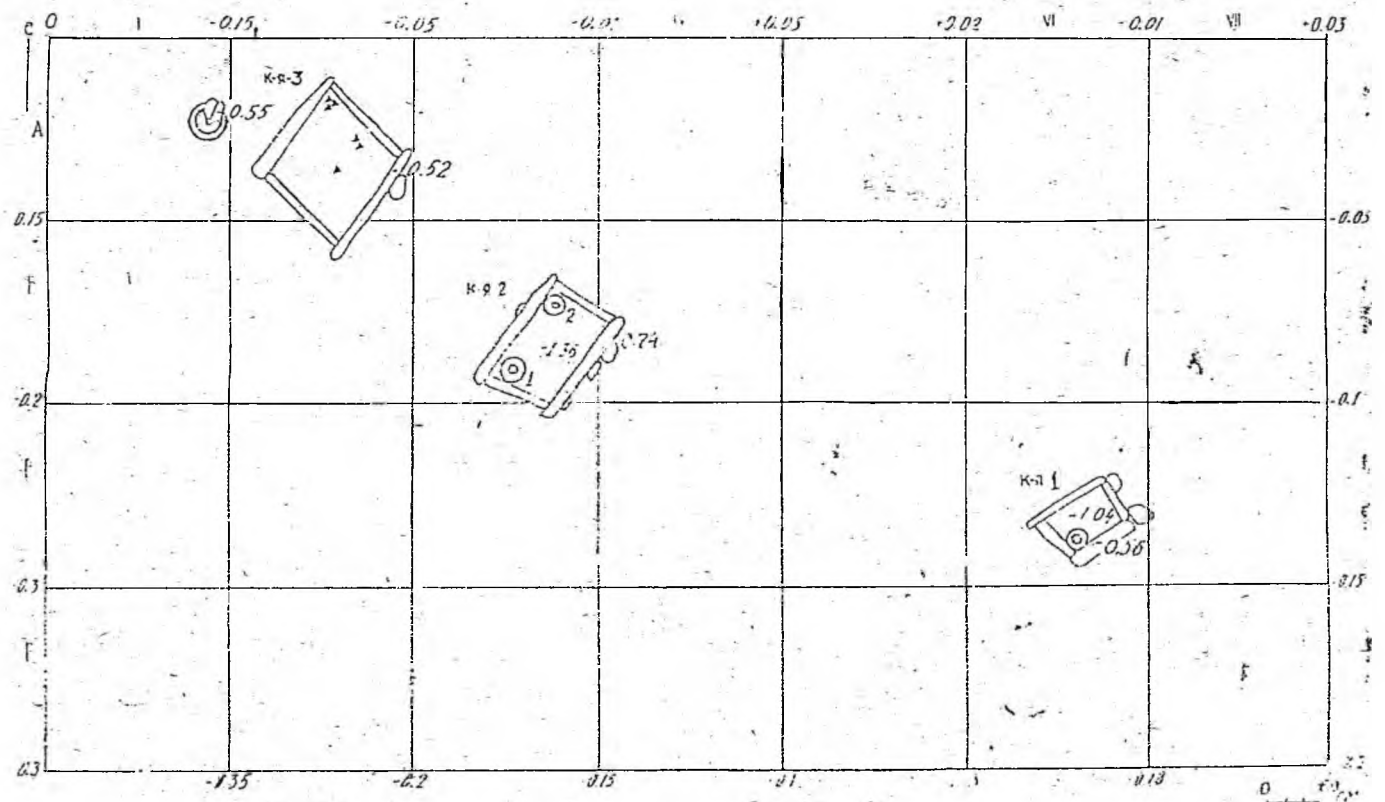

Рис. 3. План раскопа Гюхракского могильника после снятия каменных выкладок.

Погребение № 1 (кв. В — IV, гл. — 0,01 м от 0). Каменная выкладка овальной, несколько вытянутой с северо-востока на юго-запад формы (1,35×1,16 м) имела два яруса камней и плит. Среди них найден обломок каменной стелы с изображением человеческого лика (рис. 7). После выборки каменной выкладки на гл. — 0,21 м от 0 выявились очертания каменного ящика в форме вытянутого четырехугольника (0,73×0,54×0,44 м), ориентированного длинной стороной по линии северо-восток — юго-запад. Он сложен из четырех вертикальных установленных массивных, тщательно подогнанных друг к другу каменных плит (северо-западная плита — 1,01×0,44 м, юго-восточная — 0,5×0,45, юго-западная — 0,54×0,45 м). Все внутреннее пространство ящика было заполнено песчанистой землей (рис. 2; 3).

От скелета сохранилась костная труха.

Инвентарь представлен одним лепным баночным сосудом с обмазанной наружной поверхностью. Основание венчика и внутренняя поверхность сосуда заглажены. Размеры: диаметр устья — 24 см, дна — 8 см, высота сосуда — 28 см (рис. 4, 4).

На глубине 14 см от края ящика в могильном заполнении найден один обломок обмазанной керамики.

Погребение № 2 (кв. А — III—IV, гл. — 0,13 м от 0). Каменная выкладка в форме вытянутого четырехугольника (3,64×2,4 м) расчищена под слоем дерна и земли толщиной около 32 см. Она выложена в основном из речных гальшешей, но попадаются и плиты из песчаника и ракушечника. Ориентирована по линии северо-восток — юго-запад.

Под выкладкой найден каменный ящик в форме вытянутого в плане четырехугольника (1,2×0,84×0,60 м), возведенный из четырех прямоугольных подогнанных друг к другу плит (размеры северо-западной — 1,5×0,73 — 0,66×0,14 м, северо-восточной — 0,84×0,7 — 0,64×0,08 м, юго-восточной — 1,65×0,33×0,1 м, юго-западной — 0,72×0,84×0,1 м). Он ориентирован длинной стороной по линии северо-восток — юго-запад. Часть ящика перекрыта песчаниковыми плитами, остальная часть поребальной камеры, видимо, была перекрыта деревянными плахами. Ящик был заполнен песчанистой землей.

От скелета осталась костная труха.

Инвентарь представлен двумя баночными сосудами с обмазанной наружной поверхностью и заглаженным основанием венчика и такой же внутренней поверхностью (рис. 4, 5).

Погребение № 3 (кв. А — II, Б — II, гл. — 0,15—0,23 м от 0). После снятия слоя дерна и земли толщиной до 24 см обнажились очертания каменной выкладки могилы. Она имела в плане форму вытянутого четырехугольника, ориентированного длинной стороной по линии северо-восток — юго-запад. После выборки камней выкладки обнажились очертания каменного ящика, имеющего в плане форму квадрата 1,10×1,10 (глубина — 0,55 м), ориентированного углами по сторонам света. Он сложен из верти-

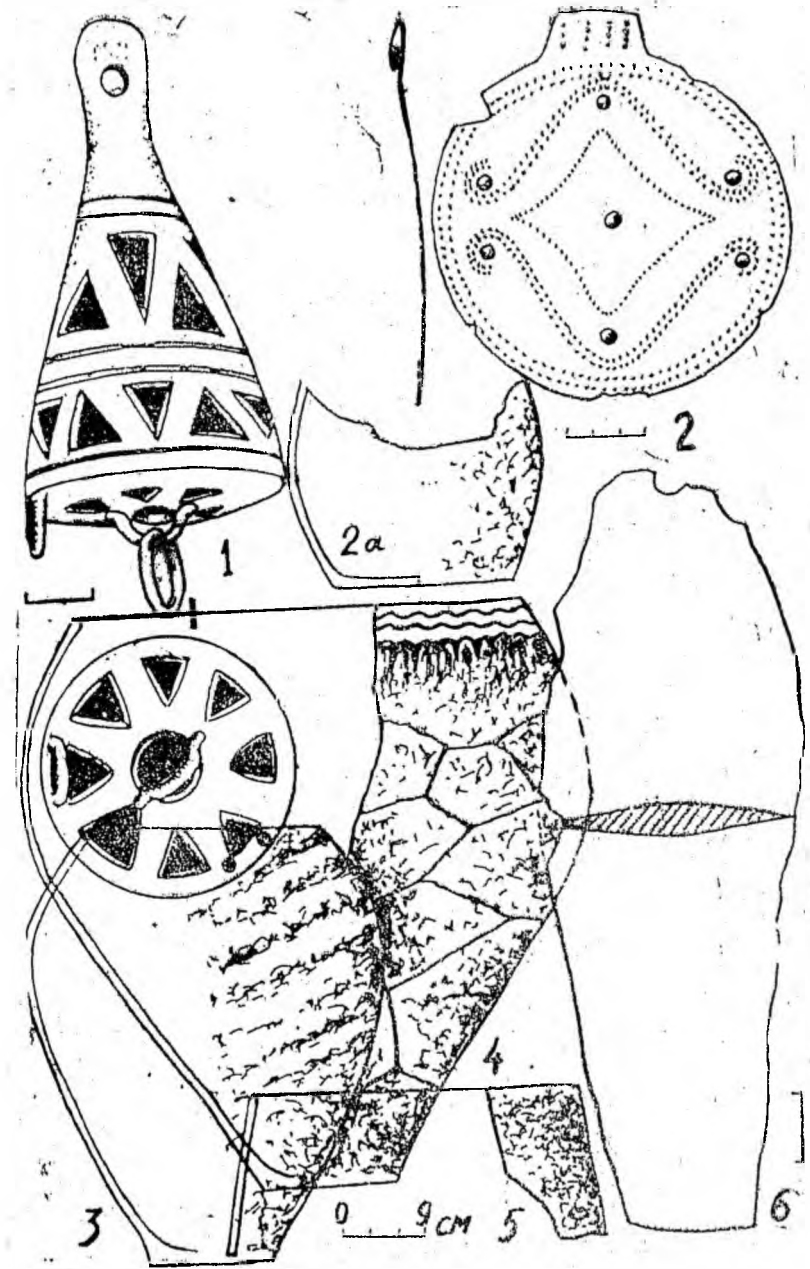

Рис. 4. Инвентарь Гюхракского могильника: 1 — колокольчик, 2 — бляха, 2а, 3—5 — сосуды, 6 — кинжал, 1, 2, 6 — бронза, 2а, 3, 4, 5 — керамика

кально установленных каменных плит (размеры северо-западной — $1,34 \times 0,56$ — $0,5 \times 0,08$ — $0,18$ м, северо-восточной — $1,07 \times 0,62 \times 0,08$ — $0,06$ м, юго-восточной — $1,42 \times 0,54 \times 0,10$ м, юго-западной — $1,06 \times 0,62 \times 0,10$ м), частично перекрыт песчаниковыми плитами. Некоторые плиты из перекрытия упали внутрь погребального сооружения. Могильное заполнение представляло собой песчанистую землю.

От скелета погребенного осталась костная труха, смешанная с землей. В могильном заполнении найдены обломки лепной обмазанной керамики от баночного сосуда (тип на рис. 4, 5), обломки какого-то бронзового предмета, а также «рубленая» сердоликовая бусина с кратеровидной впадиной у отверстия и бусина из каспийской раковины.

В 0,52 м, к северо-западу от каменного ящика № 3 на уровне верхней кромки стенки погребальной камеры найден баночный лепной обмазанный снаружи сосуд (тип на рис. 4, 5).

После расчистки все три каменных ящика были разобраны с целью выяснения принципов их сооружения. Выяснилось, что в материковом грунте сначала выкапывалась яма четырехугольной или квадратной формы, потом ее стенки обкладывались вертикально установленными массивными плитами, тщательно подгоняя их друг к другу и, наконец, перекрывали каменными плитами. После совершения погребений над погребальными камерами возводили каменные выкладки.

Положение погребенных в могиле определить не удалось. Ориентированы могилы по линии северо-восток — юго-запад (СВ — ЮЗ). Сосуды помещены по углам погребальных камер: у каменного ящика № 1 — в южном, у ящика № 2 — в западном и северном.

Сосуды в основном однотипные и предназначались для помещения в могилу заупокойной пищи. Около могил имеются следы тризны, от которой сохранился баночный сосуд. Погребальные сооружения и погребальный обряд Гюхракского могильника являются типично каякентско-хорочоевскими. Для этой же культуры характерны и наблюдаемая на Гюхракском могильнике четкая планировка могилы и их ориентировка с юго-запада на северо-восток (1, с. 30—41). Каменная выкладка могил является локальным признаком выявленного и изучаемого нами Гюхракского могильника.

Керамические сосуды все однотипные и относятся к баночным формам, имеющим наибольшее расширение в верхней части, прямые или загнутые внутрь края устья и узкие донья (6-й тип классификации В. И. Марковина, тип В по К. Ф. Смирнову (1, с. 58). Их сохранилось три экземпляра. Распавшиеся сосуды также относились к ним же. Один сосуд имеет в основании заглаженной части венчика два параллельных пояса из волнистых линий. Наружная поверхность их грубо обмазана. Такие сосуды, как отметил В. И. Марковин, имеют глубокие корни (1, с. 58).

Они встречаются на Великентском поселении, Гоно, Гинчи, Гатынкале, позже — на Кабарты-кутанском, Таркинском, Ажарском и др. могильниках, на поселении Ачису. Более узкие хронологические рамки свойственны для кинжального клинка подтреугольной формы без выделенного черенка с 3—6 отверстиями на плечиках для крепления рукоятки. Такие кинжалы встречены на

Рис. 5. Лепные сосуды из Нижнеджегутаевского могильника: 1, 2, 4, 5 — горшки, 3 — миска-плошка

Зандакском (2, с. 84, рис. 24, 4) и Янгикентском* могильниках. Еще два экземпляра таких клинков происходят из Лакского района: один из них, найденный в сел. Хунна, хранится в ДГОИАМ (3, с. 66; № 84) (Табл. 2, 10), другой под паспортными данными «из Дагестана» — в коллекции А. Млокосевич в ГЭ (инв. № 1741/40) (1, с. 101, рис. 41, 7). На памятниках Северного Кавказа их встречено довольно много, в частности в пределах Чечено-Ингушетии (22 экз.), в слоях X—XII вв. до н. э. Серженюртовского поселения, в погребении у сел. Ахлово (Нижний кург), в могильнике у сел. Кескем и Пседахе (погр. 7), в Аллеровском I (погр. 43), Серженюртовском (погр. 6, 16, 24, 37—39, 50, 53, 56, 57, 63, 75) могильниках, из раскопок В. И. Долбежева в сел. Шарой (4, с. 19, табл. XIV, 1—4). Такие кинжалы встречены в Закавказье (5, с. 163, 164—165; Табл. 11, 2—4; III, 2, 4; IV, 3; V, 1—5, 7; VI, 2, 4, 6; VII, 1—3; VIII, 1, 3; IX, 2, 4; 6, с. 5; 7, с. 88—89. Рис. 83, 1—12), а также в Передней Азии.

По вопросу о происхождении, развитии и распространении этих клинков в литературе существуют разные, порою диаметрально противоположные точки зрения. Некоторые исследователи северокавказских древностей, например, считают их закавказским импортом (4, с. 19; 8, с. 60, рис. 12—17). В основе споров лежат находки рассматриваемых кинжальных клинков в нижних слоях Самтаврского могильника. Одни исследователи датируют их XV—XIV вв. до н. э. (9, с. 74—75; 10, с. 314), другие — более поздним временем. Последняя точка зрения заслуживает подробного освещения. К. Н. Пичхелаури полагает, что время бытования подтреугольных кинжальных клинков должно быть заключено в рамки конца XIII в. и XII в. до н. э. (11, с. 101—103). Он считает, что бронзовые листовидные кинжальные клинки были привнесены в Центральное Закавказье из Восточной и Центральной Европы (12, с. 32). Эту точку зрения поддерживает Г. Л. Кавтарадзе (13, с. 146—149). Она подтверждается и радиоуглеродными датами. Из этого следует, что кинжальные клинки с отверстиями для крепления рукоятки проникли в Дагестан, как и в Восточную Грузию, из Юго-Восточной Европы и могут быть связаны с процессом проникновения в Восточное Закавказье степных племен сабатиновского круга.

Большой интерес представляет и другая находка из Гюхракского могильника — коническая подвеска с отверстием на уплощенном конце и четырьмя петлями в основании (три по кругу и одна в центре) для соединения с колокольчиками. Поверхность подвески и ее основание украшены линиями обращенных друг против друга прорезных треугольников, заключенными в пояса из парных гравированных линий. Аналогичные подвески

известны на памятниках Азербайджана. Одна наиболее близкая нашему типу подвеска происходит из Ханлара (кург. 1) (14, табл. XIII, 19; 15, с. 80—82, табл. 3, 5). Этот курган отнесен

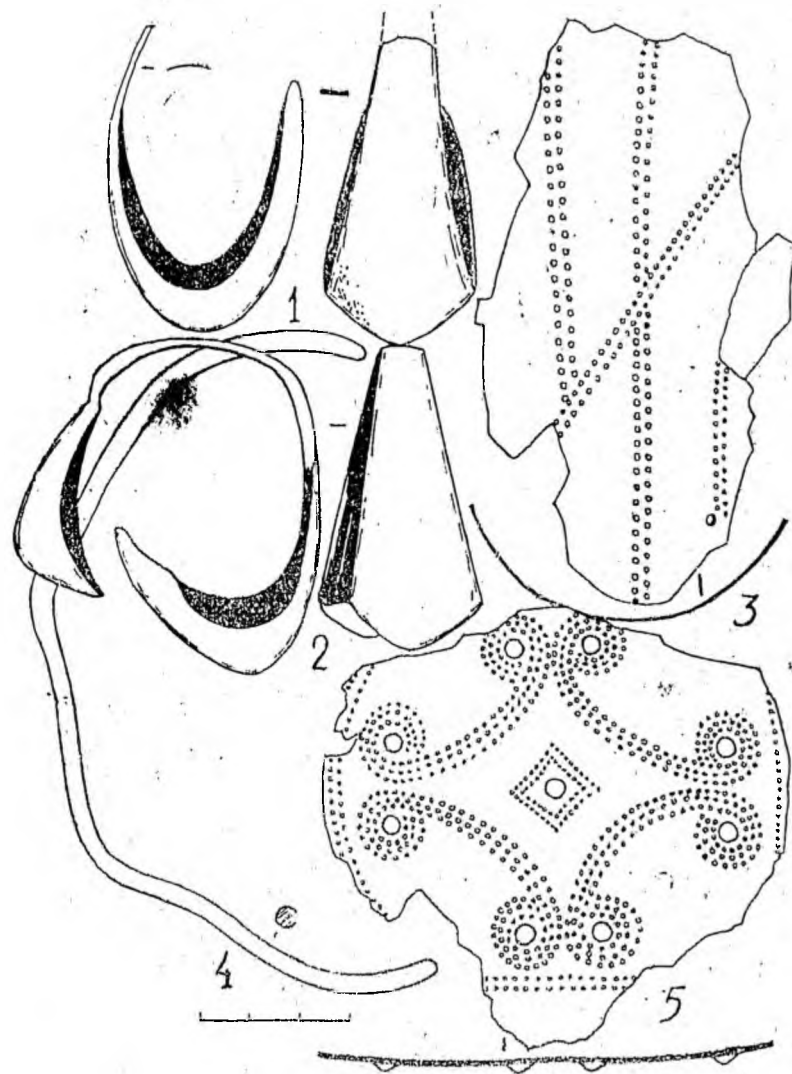

Рис. 6. Находки из Нижнедженгугайского могильника: 1, 2 — подвески, 3 — налокотник, 4 — деформированный браслет, 5 — бляха, 1—5 — бронза

* Этот кинжал доставил в Институт ИЯЛ М. С. Гаджиев, который исследовал гробницу, найденную при строительных работах. Материал пока не опубликован.

О. А. Даниелян к первой группе памятников, датированных ею XI в. до н. э. (16, с. 103—106, 112). М. Н. Погребова датирует два первых кургана Ханларской группы XII в. до н. э. (14, с. 125, 126). А погребение № 1 Гадреклинского могильника, где обнаружена близкая нашей по форме и конструкции подвеска, К. Н. Пицхелаури относит к позднебронзовому первому периоду (1350—1250 гг. до н. э.) (11, с. 91, табл. XXIII, 27; 18, рис. 96).

Другая интересная находка из Гюхракского могильника — это изготовленная из бронзового листа круглая бляха с боковой закругленной в трубочку петлей. Она украшена пунсонным орнаментом: на слегка выпуклую поверхность нанесены два заключенных друг в друга ромба. Внешний образован из двух зеркально-расположенных углов с закругленными концами. Центр бляхи и углы наружного ромба украшены более крупными выступами, нанесенными с обратной стороны (их семь: шесть по кругу). По краям диска подвески пунсоном нанесен двойной круг, который обрамляет орнамент. На петле имеются четыре линии из пунсонных точек (диаметр диска — 130 мм, длина боковой петли — 15 мм):

Более близкая к нашему типу бляха найдена на Нижнедженгутайском могильнике. Правда, наружный ромб здесь нанесен тройной линией, внутренний — двойной, а по основанию ромба проведена прямая двойная линия (диаметр — 95 мм) (19, с. 20—21, рис. 6). Эта бляха была найдена в сопровождении богатого инвентаря, состоящего из четырех обмазанных горшков*, ми-

* В 1965 г. при дорожно-строительных работах у сел. Нижний Дженгутай Буйнакского района было разрушено древнее погребение в каменном ящике. Материалы из погребения, собранные местными жителями, были переданы научному сотруднику Института ИЯЛ Д. М. Агаеву. Можно предположить, что данное погребение принадлежит известному Нижнедженгутайскому могильнику каякентско-хорочоевской культуры (20, с. 112—128), расположенному справа от дороги из Буйнакска, при въезде в селение. Могильник этот известен еще с прошлого столетия, когда его исследовали В. Ф. Штейн (1880 г.) и А. С. Прокофьев (1882 г.) (21, с. 477—478; 22, с. 36—42). В 1923 г. здесь работал А. С. Башкиров (Архив ДГОИАМ, д. 48).

Все горшки относятся к одному типу сосудов со вздутым туловом, непропорционально узким дном и сильно отогнутым венчиком. Тулова от доньев до середины плечиков покрыты густой обмазкой глины, верх плечиков и шейки заглажены и украшены поясками из наклепных валиков с насечками. У первого сосуда по обмазке пальцами нанесены черточки, его шейка опоясана тройной линией валиков, разомкнутые концы которых опущены вниз, а плечики — двойной линией. На обмазке сосуда от плечиков вниз имеются черные подтеки (рис. 5, 1). У второго сосуда шейка на месте разрыва опоясана двойной линией валиков, концы которых закруглены книзу в замкнутые петли, к которым снизу примыкают круглые налепы (рис. 5, 2). У третьего сосуда шейка опоясана двойной линией валика, разомкнутые концы которой завернуты вниз и обратно, плечики — веревочным наклепным валиком (рис. 5, 4). Пятый сосуд сохранился целиком. Ее шейка опоясана двойным валиком с насечками, концы завернуты вниз; от пояса этих линий в них опущены такие же, но короткие двойные и тройные валики. Между завернутыми вниз валиками помещен знак в виде птичьей лапки, обращенной острием вверх. Плечики опоясаны веревочным наклепом.

ниатюрной усеченно-конической площадки, массивных височных подвесок (2 целых и 1 обломок), браслета из круглого прута и обломка желобчатого предмета в виде налокотника из тонкого бронзового листа (рис. 5, 1—5; 6).

По набору имеющегося в нашем распоряжении инвентаря Нижнедженгутайский могильник примыкает к Гюхракскому могильнику и относится к каякентско-хорочоевской культуре. Наиболее показательными для этой культуры находками являются сосуды и крупные подвески овальной формы в полтора оборота из изогнутой желобком бронзовой пластинки. Они найдены на Хорочоевском, Гагатлинском, Верхнечириуртовском, Новочеириуртовском, Кафыркумухоком, Ачису, Усиша, Кичи-Гамри, Избербашском, Маджалисском, Мамайкутанском, Каякентском, Берикейском, Геджухском могильниках, в окрестностях сел. Ведено, на Новолакомом поселении и могильнике Зандак. Реже они попадают на более древних памятниках — Гинчи и Гатын-кале (1, с. 66, 67, рис. 28, 15). Из предметов, происходящих с обоих могильников, наиболее интересны бронзовые подвески и налокотник с пунсонным орнаментом. Бляха с таким же орнаментом была обнаружена на Гаркинском могильнике I (погр. 37) (1, с. 82, рис. 28, 15), отнесенном В. И. Марковичем ко второму этапу развития кая-

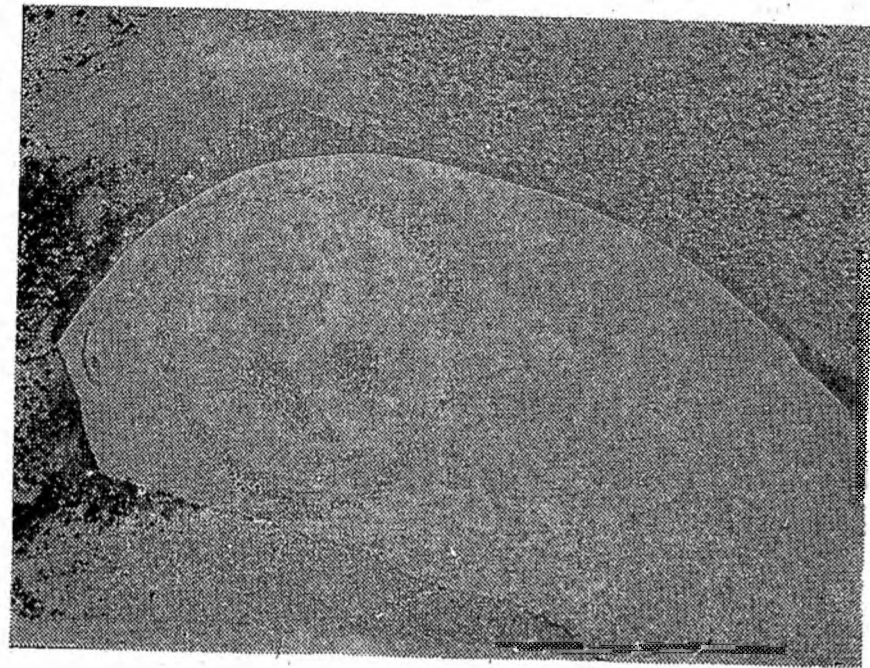

Рис. 7. Обломок каменной бабы из перекрытия могилы

кентско-хорочоевской культуры, приуроченному им к XI в. до н. э. (1, с. 82, 85). В. Г. Котович углубляет эту дату, определяя дату каякентско-хорочоевской культуры в пределах XV—XIV вв. до н. э. (23, с. 117, 70, 71). Эта дата или не приемлема к Гюхракскому могильнику или приемлема с оговоркой, что некоторые погребения могильника могут быть отнесены к XIV в. до н. э. Бронзовый кинжалный клинок, как уже указывалось, не может быть отнесен глубже XIII в. до н. э. Очевидно, такие же выводы напрашиваются по отношению к бляхам, украшенным пунсоным орнаментом из ромбиков, часть которых образована из воллют. Этот орнамент, считающийся микенским, довольно широко представлен на памятниках срубной культуры. К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина считают, что он здесь появился в предсрубное время и получил развитие в срубное время (24, с. 46—50, рис. 12, 2). Появление этого орнамента в Дагестане может быть связано с контактами местного населения и срубников. Такие контакты отмечены на сабатиновском этапе и приурочены к XIII в. до н. э.

Следовательно, Гюхракский могильник может быть датирован в пределах XIV—XIII вв. до н. э. Эта же дата может быть предложена для находок из Нижнедженгутайского могильника.

1. Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура. М.: Наука, 1969.

2. Марковин В. И. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // КСИА. М.: Наука, 1964. Вып. 98.

3. Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте. Сокращ. вариант). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966.

4. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Вост. вариант. М.: Наука, 1982.

5. Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси: Мецниереба, 1974.

6. Джапаридзе О. М. Северная часть Шида Картли в эпоху бронзы // Дружба памятников культуры. Тбилиси, 1968. Вып. 14.

7. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

8. Нераденко Т. Н. К вопросу о хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

9. Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957. Груз. яз., Наз. русск.

10. Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. Тбилиси, 1961. Т. XXII — В. Груз. яз. Рез. русск.

11. Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

12. Пицхелаури К. Н. Центральное Закавказье на раннем этапе эпохи поздней бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа:

Тез. докл. Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1982.

13. Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.

14. Садыхзаде Ш. Г. Древние украшения Азербайджана. Баку: Ишы, 1971.

15. Садыхзаде Ш. Г. Классификация украшений Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа // МКА. Баку: Элм, 1973. Т. 7.

16. Даниелян О. А. К хронологии некоторых курганов Азербайджана // МКА. Баку: Элм, 1973. Т. 7.

17. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.

18. Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV—VII вв. до н. э.): Автореф. дис. докт. ист. наук. Тбилиси, 1972.

19. Маммаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989.

20. Круглов А. П. Предкифские памятники Северного Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1949. Т. 13.

21. Штейн В. Ф. О пещерах и могилах Дагестана // Тр. предварит. комитетов V археол. съезда. М., 1882. Т. 1.

22. Комаров А. В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 год // Изв. КОИА. Тифлис, 1884. Т. 1.

23. Котович Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.

24. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

В дагестанской археологии вопрос о культовых местах поднимался и ранее. Так, А. П. Круглов дал краткую характеристику культовых мест, выявленных около селений Арчо, Согратль, Гергебиль и Гагатль, а также анализ найденных здесь бронзовых статуэток, обосновал их датировку (1, с. 31—40). В 1977 г. нами было раскопано, проанализировано и интерпретировано интересное святилище из окрестностей сел. Хосрех (2, с. 277—285; 3, с. 43—56). Наконец, некоторые сведения о Ретлобском культовом месте привел Д. М. Магомедов (4, с. 195—208). Изучались и статуэтки, найденные в Дагестане. Их анализу и типологии посвящены исследования А. Захарова, И. В. Мегрелидзе и автора настоящей статьи (5; 6; 7). Наиболее обстоятельную статью посвятил им В. И. Маркович. По характерным позам им выделены отдельные серии статуэток, среди которых встречаются как мужские, так и женские (8). Однако функции статуэток, их датировка и интерпретация нуждаются в дальнейшем исследовании. Настоящая статья посвящена освещению перечисленных вопросов.

Инокваринское культовое место расположено на горе Соссуго, неподалеку от одноименного селения Цумадинского района. Здесь отмечены остатки какого-то каменного сооружения, большое количество золы и угольков. В собрании А. Л. Млокосевич в Эрмитаже хранятся бронзовые статуэтки (75 экз.), обнаруженные здесь (9, с. 210—211; 10, с. 82—84; рис. 71—75). Руки у одних статуэток расположены на животе, у других — подняты к голове. Одна из них особенно выразительна и реалистична (рис. 1, 6).

Ретлобское культовое место расположено на горной вершине Кидилашан (Кукольная гора) в 3—4 км к юго-востоку от сел. Ретло Цунтинского района. Здесь в 1883 г. французский исследователь Г. Банст производил небольшие раскопки. На вершине горы на площадке диаметром 4 м в довольно тонком культурном слое земли в течение 2 часов им были найдены 32 человеческие фигурки и бронзовая головная булавка с навершием в виде трехзубца (19, с. 38—41). До Г. Банста на этом месте по поручению генерала А. В. Комарова производил раскопки наиб из сел. Кидеро, который обнаружил 200 статуэток (10, с. 35, № 24). Об их

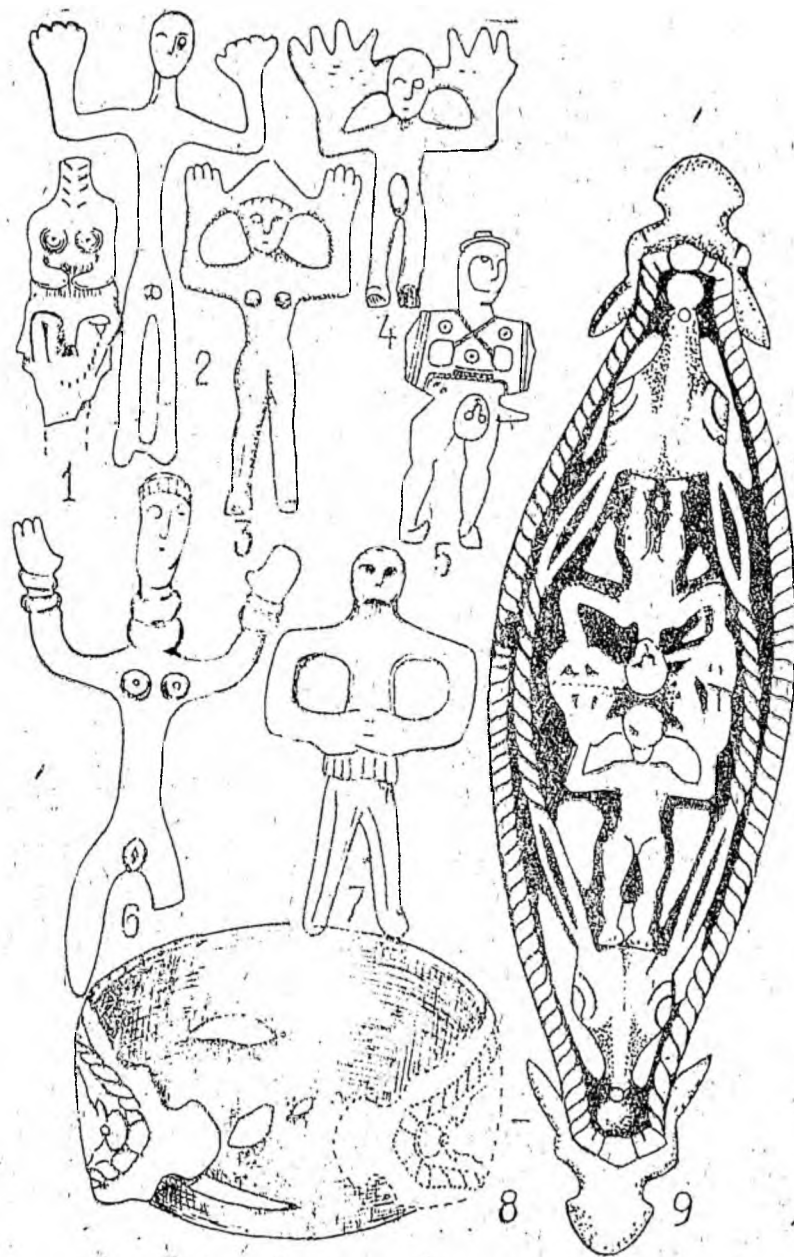

Рис. 1. Бронзовые изделия из Дагестана:
1 — обломок бронзового навершия из Госмузея Грузии (инв. № 3653), доставленный полковником Шетихиным из Дагестана (из Казикумуха или Хасавюрта); 2, 3, 4, 7 — из Кигури (по А. А. Захарову); 5 — «Рожница» из Карата (сборы А. В. Комарова, по А. А. Захарову); 6 — из Иноквари (по А. А. Захарову); 8, 9 — браслет из сел. Хушет Цумадинского района

судьбе ничего не известно. В 1939 г. Кидилашан раскапывал грузинский исследователь И. В. Мегрелидзе, который нашел здесь 51 бронзовую статуэтку людей, оленей, бронзовую бляху и украшения. Все антропоморфные статуэтки из Кидилашан представлены фигурками обнаженных мужчин и женщин, переданных в позе адорации с руками, поднятыми вверх к голове или на поясе (6, с. 285—291). И позже с Кидилашан продолжали поступать такие же статуэтки в различные музеи страны, научные центры и в частные коллекции.

Кидилашан представляет собой возвышение, обрывающееся с трех сторон в отвесные обрывы, а с четвертой, южной, ограниченное крутыми склонами. На самой вершине возвышения имеется небольшая площадка. С севера, востока и запада к возвышению примыкает довольно ровная поляна. Здесь же недалеко расположен родник (4, с. 199).

Наши раскопки поблизости от вершины выявили культурный слой, насыщенный костями животных и угольками. В скальном выходе отмечены врезанные в материк углубления и желобки, видимо, предназначенные для жертвоприношений. Среди находок имеются обломки аспидно-серой керамики с внутренней штриховкой и бронзовая статуэтка обнаженного человека с руками, поднятыми к голове (рис. 1, 2).

Третье культовое место расположено вблизи сел. Чалях. Здесь в 1882 г. П. Д. Тарариным было подвергнуто раскопкам сооружение, которое он считал курганом. Работы здесь проводились всего лишь день. Однако были обнаружены остатки какой-то каменной постройки, оставшейся, к сожалению, неисследованной до конца. С самого начала раскопок стали попадаться бронзовые статуэтки людей, и к вечеру их набралось 88 экз. (12, с. 40). Характер памятника предполагает, что он является культовым местом.

Помимо трех вышеописанных культовых мест, в Дагестане их было значительно больше. Находки многочисленных вотивных антропоморфных статуэток, переданных в позе адорации, указывают на существование таких мест в Цунтинском районе у селений Кимятли, Асахо, Кидеро, между селами Китури и Гениятль, а также в районе Кодорской крепости. Так, в Госмузее Грузии хранится 16 бронзовых антропоморфных статуэток из собрания А. В. Комарова, происходящих из сел. Кимятли (6, с. 284). В окрестностях сел. Асахо в 1885 г. К. Н. Росиковым найдено до 30 человеческих фигурок размером от 36 до 95 мм. Несколько фигурок из этой коллекции хранятся в Эрмитаже в составе коллекции А. Л. Млокосевич (10, с. 35, № 23). Среди 12 статуэток, купленных фотографом А. С. Роиновым и опубликованных генералом А. В. Комаровым, были находки из сел. Асахо и Кидеро (12, с. 41). Некоторые из них схематичны. В ГИМ в составе коллекции А. В. Комарова хранится 70 бронзовых человеческих статуэток, найденных «на кургане» между селами Китури и Ге-

ниятль (10, с. 35, № 22). На груди некоторых из них изображены солярные круги. В коллекции А. К. Серпутовского в музее этнографии (Ленинград) имеются две бронзовые статуэтки людей и медная бляха (инв. №№ 2647—2649), приобретенные в сел. Хупри (10, с. 35, № 25). Упоминается в литературе и о находках статуэток жителем гор. Телави С. М. Половым у крепости Кодор (хр. в Госмузее Грузии, инв. №№ 32—35) (13, с. 30, рис. 4—5). Имеются сведения о раскопках штабс-капитана Кузьминского около сел. Ботлих, где он собрал около 50 статуэток оленя, козы, мужчин и женщин в различных позах (8, с. 77). Статуэтки такого же типа происходят из окрестностей сел. Карата (14, с. 87, № 1071, табл. 11, 1—5) и Ансалта (14, с. 86, № 1066, рис. 11, 18). Из окрестностей Баку и Шемахи происходят фертообразные и адорирующие бронзовые статуэтки (8, с. 100, рис. 2, 9—11; 6, 10), возможно, попавшие туда из Дагестана.

Если даже учесть, что часть этих находок происходит из мопильников, то и в этом случае количество новых культовых мест добавляется. Почти все культовые места высокогорного Дагестана расположены на господствующих высотах или горных перевалах, откуда открывается обзор окружающей местности. Эти места, видимо, считались обиталищами богов. На культовые места, расположенные на «высоких местах», до недавнего времени совершали восхождение местные жители при затянувшейся засухе. Они молились, приносили жертвы, просили у бога дождя. В этих обрядах отчетливо прослеживается языческая подоснова. Описание таких святилищ, сохранившихся до этнографической современности, и обрядов, совершаемых на них, дано М. А. Аглазовым. Им приведены сведения о более семи таких культовых местах, расположенных на вершинах Шалбуздаг, Тлимеэр, Адалашухгельмеэр, Цоболгох (Гумбетовский район), Ханибатль (Цумадинский район), Хиларикуна на горе Бахарган (граница индийских и гумбетовских земель). На многих из них были языческие капища, где паломники совершали жертвоприношения (15, с. 36—42). Встречаются святилища и в соседней Чечено-Ингушетии. Первоначально это были овященные пещеры и рощи, расположенные на возвышенных местах; поляны и перевалы, а также вершины гор, где по представлению вайнахов, обитали самые почитаемые языческие божества — Диела, Сиели, Тушоли и др. (16, с. 62). Возможно, среди них были святилища и со строениями. Тем более что здесь со скифского времени встречаются антропоморфные статуэтки, передающие образы святых и богов (17, с. 60). А появление божества в человеческом облике неизбежно повлекло за собой и возведение специальной постройки-жилища для него, т. е. святилища, в котором хозяйничали жрецы (18, с. 34—35).

Для понимания природы дагестанских культовых мест большой интерес представляют грузинские святилища «Хаты», расположенные в высокогорной части края. Для них характерны спе-

циальные ниши, возведенные сухой кладкой. Вокруг них укладывались жертвенные предметы (19, с. 52; 20, с. 112). Со временем накапливался клад Хати, за которым следили его служители хевисбери и декаози. Здесь встречаются и сооружения для обслуживания персонала, паломников, для хранения продуктов питания (10, с. 112). С ними исследователи сопоставляют святилища второй половины II — первой половины I тысячелетия до н. э., встреченные на территории Кахетии. В каждом из них обнаружено до нескольких тысяч разнообразных предметов материальной культуры, в том числе антропоморфные бронзовые статуэтки. На Мелигели, например, найдено 86 000 предметов и их обломков, на Шильда — 3457, на Мелани — 3273 (19, с. 51—58; 21, с. 4—114, табл. I—XXXV).

В самых различных местах Армянского нагорья, как правило, у горных перевалов, встречаются сохранившиеся до нашего времени т. н. «перевальные святыни», где совершают жертвоприношения: режут баранов, коз, петухов, проводят народные пиршества с экзальтированными ритуальными хороводами (22, с. 210—212).

Все эти святилища Закавказья и Чечено-Ингушетии близки к высокогорным святилищам Дагестана не только по месту расположения на господствующих высотах, но и по сохранившимся остаткам строений. С армянскими святилищами, например, ученые связывают грозные силы горных духов, владык горных высот и перевалов. Со многими из дагестанских этнографически засвидетельствованных культовых мест связаны легенды и упоминания сходных по облику горных духов, известных у аварцев под именами «Будуалы». М. Р. Халидова высказала предположение о функциях «Будуалов» в качестве покровителей зверей, божеств охоты и погоды. Их название «Будуал-ал» или «Буадал-ал» (ал — формант мн. числа в аварском языке) представляется ей модификацией арабского слова «Бадал» — во мн. числе «Абдал». У цахур «Абдал», у лакцев «Авдал» — божество охоты (23, с. 24—41). Эти арабские названия могли проникнуть в Дагестан лишь вместе с мусульманской религией. Следовательно, домусульманское имя божества охоты забыто или вытравлено из памяти народа. У многих народов Кавказа мужское божество охоты носило имя Авсату, Очокоц или Очопинтра, Жина Антари, женское — Ткаши-мапа, но преимущественно Дали, Дела или Дейла (24, с. 250—251; 25, с. 2—13). У аварцев сохранился нацев «дала-й, дала-й», видимо, связанный с божеством, почитавшимся в прошлом как божество охоты. Это божество у арчинцев называется hal.

Божества охоты — Дали-Будуалы — по дагестанским охотничьим представлениям живут высоко на священных горах (23, с. 37). В грузинском эпосе и охотничьей поэзии Хозяйка гор и зверей живет высоко в горах, где среди скал стоит ее дом, в котором укрываются стада подвластных ей животных. Это напоми-

нает святилища перевального типа или культовые места, расположенные, как правило, на господствующих высотах горного Дагестана. С этими культовыми местами, в частности с Инхокваринским, Ретлобским, Чаляхским и др., связаны антропоморфные статуэтки мужчин и женщин, переданных в позе адорации или с руками на поясе. Их к настоящему времени в Дагестане известно около четырех сотен. Сведения о 175 из них имеются в нашем распоряжении. По особенностям производства они отличаются друг от друга. Одни из них более реалистичны, имеют хорошо обработанные детали. Такие, видимо, относятся к более древнему времени. Другие схематичны, доведены до геометрической простоты и, видимо, относятся к более позднему времени. Сами статуэтки принадлежат обнаженным мужчинам и женщинам. Их половые признаки достаточно выразительны, но не подчеркнуты. В основу классификации дагестанских статуэток справедливо положена характерная для них поза (8, с. 80—81). По этим признакам статуэтки, найденные на высокогорных дагестанских культовых местах, делятся на три группы: для первой группы характерны руки на животе, в области пояса — фертообразные; для второй — руки, поднятые вверх к голове, ладонями вперед и большими пальцами, прижатыми к вискам или головному убору (у наиболее схематизированных фигурок эти признаки особенно выражены и подчеркнуты); для третьей — руки, поднятые вверх и чуть отведенные в стороны от головы (рис. 1, 2 — 4, 6, 7). Такая же классификация была предложена И. В. Мегрелидзе для статуэток, собранных им с горы Кидилашан (6, с. 286).

Если верны сведения, поступившие из разных мест Дагестана об условиях находок этих статуэток, то они бытовали довольно продолжительное время. Так, на Каратинском могильнике в «разрушенной могиле» найдены статуэтки всех трех групп и одна бронзовая ложечка с утолщением в виде куба со срезанными углами на конце ручки (12, с. 87—88, № 1070—1071. Хр. в ДГОИАМ). Последняя находка надежно датируется ранним средневековьем, и если она вместе со статуэтками происходит из одного комплекса, то их дата определяется в пределах раннего средневековья. К этому и даже более позднему времени могут быть отнесены наиболее схематично сделанные фигурки. Вместе с тем на Каратинском могильнике встречены довольно выразительные архаичные комплексы, относящиеся к скифскому времени (5, с. 49, 50, 81). Аналогии нашим статуэткам из сопредельных территорий также указывают на довольно архаичные даты. Так, среди материалов Кобанского могильника Северной Осетии встречены статуэтки дагестанского типа первой половины I тысячелетия до н. э. Одна из них относится к фертообразным (27, с. 63—64, рис. 60; XXXV, 6; CXXII, 1. Хр. в ГИМ). С Комунтского могильника происходит статуэтка с руками, поднятыми вверх, большие пальцы которой прижаты к голове (27, табл. CXVIII, 22. Хр. в ГИМ), а с Кобанского могильника — статуэтка с руками, под-

нятыми вверх и чуть отведенными в стороны (27, с. 63—64, рис. 62. Хр. в ГИМ).

Изображения людей, переданных в позе адорации, встречены в зооморфной композиции бронзового браслета, найденного в окрестностях высокогорного селения Хушет Цумадинского района ДССР. Он имеет пластинчатую форму, ссуженные разомкнутые зооморфные концы и ажурную поверхность, украшенную сложной композицией геральдически расположенных животных и людей. Обрамление изделия образуют соединенные между собой концами рога двух стилизованных животных на концах браслета. Внутри обрамления помещены зеркально расположенные изображения голов горных козлов или туров с человеческими фигурками между рогами. Человеческие фигурки относятся ко второй группе наших статуэток и переданы в позе адорации — руки с растопыренными пальцами подняты вверх к голове и прижаты большими пальцами к вискам или головному убору (рис. 1, 8—9).

Изображения фигур божеств на головах животных характерны для памятников кобанской культуры. Так, на голове скульптурных изображений голов оленей из Кобанского и Кумбултского могильников переданы человеческие фигурки, ухватившиеся руками за длинные уши или за ветвистые рога (28, с. 66, илл. 185; 27, с. 302, рис. 235). Пряжку из Кобанского могильника В. В. Кривицкий датирует концом II — началом I тысячелетия до н. э. (27, с. 42), а Я. В. Доманский — первой половиной I тысячелетия до н. э. (28, с. 66, илл. 185).

Наш браслет типологически близок к пластинчатым кобанским браслетам с зооморфными концами (VI тип по классификации В. И. Козенковой) из памятников Чечено-Ингушетии. В. И. Козенкова датирует их временем «не позднее VIII в. до н. э. и раньше» (30, с. 47, прим. 103), В. Б. Вишegradов — VIII—VII вв. до н. э. (31). Приблизительно к этому же времени, а именно к IX—VIII вв. до н. э., а возможно и началу VII в. до н. э. может быть отнесен и наш браслет.

Это определяет и время бытования в Дагестане статуэток второй группы, а именно в пределах начала I тысячелетия до н. э. — по развитое средневековье, до появления в западном Дагестане мусульманства. То же самое относится и к другим группам наших статуэток, которые очень часто встречаются вместе. При этом надо оговориться, что в Дагестане среди раннеземледельческих наскальных изображений Харитани I в позе адорации переданы женские фигурки, одетые в клетчатые юбки (50, с. 65—90, рис. 26, 1, 6, 29, 30, 32, 34, 36, 37, 41, 42, 49, 50). Эти изображения проанализированы В. М. Котович, которая подобрала им аналогии с обширной территории от Балкан и Подунавья до Средней Азии. Среди них обращают внимание глиняные фигурки женщин из Каранова и Винчи (Болгария), Тиссафюред (Венгрия) и рисунок на халафской керамике. Интересны и изображения на керамике из памятников Грузии V—IV тысячелетий до

н. э. (51, с. 67—69). Женские изображения в позе адорации встречаются на этой территории и позже. Среди предметов Астабадского клада конца III тысячелетия до н. э. (34, с. 228 — второй в верхн. ряду) и на пластинке из слоновой кости XIV в. до н. э. изображены полуобнаженные богини плодородия в пышных юбках, украшенных геометрическими узорами (35, с. 121, 122). В клетчатых юбках или передниках изображены статуэтки начала XVI в. до н. э. из Кносского дворца (53, с. 125, 126, илл. 123, 124). Они принадлежат женщинам, переданным в позе адорации. Эту позу многие исследователи рассматривают в качестве устойчивого признака, иконографии богини плодородия (33, с. 69). Армянские адоранты эпохи поздней бронзы уже имеют три стержня, украшенных растительным орнаментом, переходящие в овальное основание, передающее тело богини плодородия и две ее руки, поднятые вверх к голове (36, с. 22—23, рис. 24, 1—5; 25, 1—5). В этом изображении символически выражена идея божества плодородия, связанного с растительным миром. С этим же божеством связаны фертообразные женские фигурки, происходящие из памятников халафской культуры VI—V тысячелетия до н. э. (34, с. 124), слоев IV тысячелетия до н. э. Тали-Бакун Ирана (38, с. 215, рис. 36), могил III тысячелетия до н. э. Кикладских островов Средиземноморского бассейна (37, с. 29). Эти параллели, как будто бы уводят истоки наших статуэток к глубокой местной подоснове. Однако значительно больше встречаются они в более позднее время. Однако в осмыслении и характере этих божеств к концу II тысячелетия до н. э. происходят изменения. В зависимости от конкретных географических условий происходит акцентация в функциях божества. В одних местах оно выступает покровителем земледелия, в других — животных. Именно с последними связаны наши изображения и круг аналогий, проводимых нами с Ближнего Востока и Кавказа. Так, В. И. Марковин приводит сведения о двух статуэтках, переданных в позе адорации, и трех фертообразных статуэтках (8, с. 105, 106, рис. 15, 2, 3; рис. 16, 14, 17), встреченных в Передней Азии. Одна из них происходит из Хурвина, принадлежит мужчине с четко выраженными половыми признаками и датируется IX—VIII вв. до н. э.; другая — из Луристана, принадлежит женщине. Фертообразные статуэтки принадлежат обнаженным женщинам. Одна из них происходит из Хорзтепе в Малой Азии, близ Анкары, и датируется 2000 г. до н. э. Эти находки далеко не исчерпывают ближневосточные параллели. Одна статуэтка обнаженной женщины с выраженными половыми признаками конца II тысячелетия до н. э. происходит из Луристана. Ее руки подняты вверх к голове и чуть отведены в стороны. Подобные статуэтки характерны для Марлижской цивилизации (39, табл. XVI). Среди находок некрополя Б Сналка встречены бронзовые фертообразные статуэтки, в том числе в могилах №№ 7 и 74 (40, табл. I IV; XXVII, 2; I II, 582; I XXV, 918), относящихся

к VIII — началу VII в. до н. э. (41, с. 802—822; 42, с. 160—165). Особенно популярны изображения адорантов и фертообразных фигур на различных украшениях, предметах торевтики, конской упряжи и даже на архитектурных деталях. Женская фигурка с подчеркнуто выраженными грудями и поднятыми в молитвенной позе вверх руками изображена на луристанской подвеске VIII в. до н. э. (39, табл. XVIII). Чаще всего эти фигурки встречаются в составе геральдической композиции, подчеркивающей их связь с животным миром. На знаменитом келермесском зеркале конца VII—VI вв. до н. э. изображена крылатая богиня в пышных восточных одеяниях со львами по сторонам, схваченными ею за задние ноги. По мнению М. И. Максимовой, здесь изображена малоазийская богиня владычица зверей Кибела (43, с. 281—305). Точно такое же изображение встречено на навершии вотивной булавки из Луристана, только на луристанской булавке вместо женской фигурки изображена четырехкрылая мужская фигурка с пышной бородой и вместо львов — по сторонам пантера и грифон (44, с. 74, рис. 96). Одеяния фигурки, ее центральное положение в композиции и поза те же, что у женского изображения из келермесского зеркала. Бородатые и крылатые мужские божества в пышных одеяниях со львами по сторонам, схваченными за рога (?) или собранную в пучок гриву поднятыми вверх руками, изображены на архитектурных деталях V—IV вв. до н. э. Греции (45, табл. XIX; 46, с. 31, рис. 6).

Большой интерес для нашей темы представляют луристанские вотивные навершия. На одном из них изображена человеческая фигурка, поднятые руки которой держат за передние лапы стоящих на задних лапах по ее сторонам свирепых хищников (47, с. 72, 74, рис. 3, 9). На другом навершии VIII—VII вв. до н. э. из коллекции Эрмитажа в центре между двух противостоящих хищников изображен человек с руками на поясе — фертом (48, с. 47).

На луристанских псалиях также встречаются разнообразные изображения. На одном таком псалии, из частной коллекции, опубликованном М. М. Дьяконовым, в фас изображен рогатый человек в длинном подпоясанном кафтане, держащий в поднятых руках передние лапы вертикально стоящих по сторонам свирепых хищников (49, с. 39, рис. 5). На другом луристанском псалии VIII в. до н. э. передана геральдическая композиция двух противостоящих муфлонов, каждая из которых имеет на спине по одному рогатому человеку, переданному в фас с ладонями вверх (39, табл. XXVI).

На всех этих изображениях человек тесно связан с животными. Для его иконографии характерны руки, поднятые вверх к голове, и руки, положенные на животе. Различные изображения женских и мужских фигур, переданных в этой позе, появляются в Северном Причерноморье в конце VII—VI вв. до н. э. Об этом же свидетельствует изображение Владычицы зверей на келермес-

ском зеркале. Этот же образ встречается и на других предметах. Из Александропольского кургана конца IV в. до н. э. происходят два близких друг к другу изображения крылатых женских божеств со зверями по сторонам. Одна на культовом навершии, другая на декоративной бляхе. У обоих изображений подчеркнута выражены женские груди и одеяния — особенно расклешенные юбки и плоские головные уборы — калафы. У божества с навершия на шее изображена гривна, на запястьях рук — браслеты, подчеркивающие его высокое положение. Руки у фигурки с навершия покоятся на животе, а у фигурки с бляхи — подняты вверх и сливаются с головами животных, расположенных по сторонам (50, с. 69, 72, рис. 15, 17). М. И. Артамонов приписывает изображение на бляхе Кибеле, а на навершии — змееной богине (50, с. 68—69). С. С. Бессонова считает обоих изображениями одного и того же божества Кибелы (51, с. 87—88). Видимо, она права. М. И. Артамонов аргументировал свой вывод наличием в основании изображения расширения, передающего с его точки зрения змееногие завитушки. Между тем в этом «расширении» отчетливо различаются расклешенная юбка и схематично переданные фигурки животных, расположенных по сторонам. Оба изображения настолько близки, что имеют схожие одежды. В таком же одеянии изображены божества на золотых подвесках из скифских курганов IV в. до н. э. (Толстой могилы, Мастюгинского и Любимовки). Их руки, обращенные ладонями вперед, подняты вверх к голове и большими пальцами прижаты к вискам или головному убору (52, с. 300, рис. 39; 53, с. 37—38, рис. 11, 2; 54, с. 54, табл. 21).

В Прикубанье встречены в составе геральдической композиции и мужские изображения. Так, на келермесском ритоне и на золотой пластинке из кургана Шахан (51, с. 86, рис. 9, 1, 2) изображены бородатые боги в пышных восточных одеяниях в позе «коленипреклоненного бега», держащего за лапы ушастого грифона.

Наконец, следует упомянуть еще об одной находке — маленькой деревянной статуэтки в образе женщины с расклешенной юбкой и плоским головным убором калафом и гривнами на шее из помещения ДТ-5 в Дельверзин-тепе. Она относится к I—II вв. н. э. Эта фигурка, как и крылатая богиня с навершия Александропольского кургана, держит руки на животе (55, илл. 34; 56, с. 40).

Все эти изображения на различных металлических изделиях объединяет геральдическая композиция, состоящая из божества и двух зверей, а также поза центральной антропоморфной фигурки с поднятыми вверх руками или с руками на поясе. Сюда же относятся изображения божеств на головах оленей из памятников кобанской культуры, а также изображения человеческих фигур в позе адорации на головах горных козлов или туров на нашем хушетском браслете. Хушетские антропоморфные изобра-

жения браслета относятся к той же группе наших статуэток, у которых руки подняты вверх, а большие пальцы прижаты к вискам или головному убору.

В свете вышеизложенного наши статуэтки представляются частью всех приведенных композиций, женский ипостас которых связан с богиней плодородия. Это божество носит разные имена — Кибела, Кивева, Диндилена, Идейская мать, Великая мать богов и т. д. Она олицетворяет мать-природу, мать всего живущего на земле, возрождающую природу и дарующую плодородие. Она также владычица гор, лесов и зверей. Мужской ипостас этого божества, появившийся в Передней Азии в конце II тысячелетия до н. э. выполняет, очевидно, те же функции, что и женское божество, особенно функции владельца гор и лесов, зверей. Природу этих божеств четче рисуют кавказские материалы, которые изображают покровителей охоты, владык гор и зверей в образе мужчин и женщин, юношей и старцев. Они невидимы и с ними общаются только избранные (23, с. 37). Вышеупомянутые аварские «Будуалы» и их цахурский эквивалент «Абдал» бывают в окружении туров, заботятся о них, кормят их солью, доят, делают сыр из турьего молока (23, с. 27; 25, с. 7). Они охраняют их, защищают от истребления охотниками (23, с. 28), за нарушение законов обрекают охотников на смерть (23, с. 30, 31). Вместе с тем аварские «Будуалы» помогают людям, попавшим в беду при разыгравшейся стихии (23, с. 35), цахурское божество «Абдал» поит козьим молоком охотника, оказавшегося в горах во время пурги и снежных завалов (23, с. 27; 25, с. 7). Аналогичный мотив популярен для грузинской охотничьей поэзии (26, с. 35). На Кавказе широко распространен мотив о получении охотником раз съеденного Владыками зверей, животного (23, с. 35, 37). Аварские «Будуалы», как и хозяйка зверей грузинской охотничьей поэзии, обладают властью над погодой (23, с. 29; 26, с. 35).

На Кавказе широко распространен мотив избрничества хозяев зверей (26, с. 35, 36). К примеру, аварские «Будуалы» насильно оставляют у себя охотника и женят его на женщине «Будуал». По возвращении от божественной супруги охотник умирает и оплакивать его приходит дочь от брака с «будуалкой» (23, с. 38—39). По грузинским преданиям оплакивать возлюбленного охотника приходит сама богиня зверей и охоты Дали (26, с. 179). Очень интересные сведения дают грузинские сказания о внешнем облике богини охоты. По одним представлениям это молодая, красивая женщина с длинными распущенными волосами и ослепительно белым телом (26, с. 35), по другим — с двумя золотыми косами (26, с. 36). В этой связи интересно вспомнить, что одна из наших статуэток передает образ женщины с подчеркнутыми выраженными половыми признаками, а также двумя косами, ниспадающими с затылка на спину. Ее шея украшена двумя гривнами, запястья — двумя парами браслетов.

Таким образом, божество охоты и зверей, гор и лесов на Кав-

казе, в том числе в Дагестане, предстает в мужском и женском ипостасях. Видимо, их и изображают наши статуэтки. Как уже отмечалось, их появление в Дагестане связано с историческим процессом, обусловившим появление образа Кибелы в Восточной Европе, в том числе в Северном Причерноморье, а именно с ранними т. н. киммерийскими и скифскими походами в Переднюю Азию. С этим же процессом, очевидно, связано появление луристанских изделий и их подражаний в районах распространения кобанской культуры и в Дагестане.

Особого объяснения требуют позы статуэток. Они представлены тремя разновидностями: поднятыми вверх руками, прижатыми к вискам или головному убору большими пальцами; поднятыми вверх и чуть отведенными в стороны руками и наконец, руками, положенными на живот в области пояса. Все эти жесты характерны для современной мусульманской молитвы, элементы которой в Передней Азии восходят к более древним языческим обрядам. Из них поза воздетых вверх рук рассматривается учеными как моление о ниспослании плодородия, прикосновение к головному убору большими пальцами имеет принципиальное значение в молении об изобилии (51, с. 90—93), а руки на поясе следует рассматривать в качестве позы смиренного моления об изобилии. Иными словами, все три разные позы являются иконографическими признаками божества плодородия типа Кибелы, известные в Дагестане под именами «Будуалы», «Абдал», «Авдал», «hal». Их молитва, очевидно, обращена к верховному божеству.

Среди описанных культовых мест горного Дагестана особый интерес представляет культовое место, найденное в 2 км к северу от сел. Гигатльурух, на левой стороне старой дороги, ведущей в сел. Гигатль, на небольшой террасе. При земляных работах в 1971 г. жителем селения Гигатльурух М. Мусаевым здесь было обнаружено пять бронзовых фигурок людей и одна ажурная бляха. Все они лежали рядом друг с другом. Никаких других сведений об условиях находок этих статуэток мы не имеем. Нет сведений и о каких-либо остатках строений.

Все гигатлинские статуэтки отлиты по восковым моделям с применением формовочной массы. Среди них нами выделены для анализа две статуэтки: воина и женщины с короной.

Наиболее выразительна статуэтка бородатого воина, одетого в длинный, туго перетянутый поясом кафтан с разрезами по бокам, широкие шаровары, на ногах — сапоги, на голове — остроконечный шлем-шишак, из-под которого на затылок ниспадают длинные волосы. Через правое плечо на левое бедро перекинут портупейный ремень. В левой руке воин держит отсеченную голову, в правой — обнаженный кинжал. На спине у него круглый щит с умбоном в центре. Из-под щита выступает коврик, на поясе — меч-акинак с почковидным перекрестьем и прямым навершием, на правом боку — птица (рис. 2, 1). Анализ всех пере-

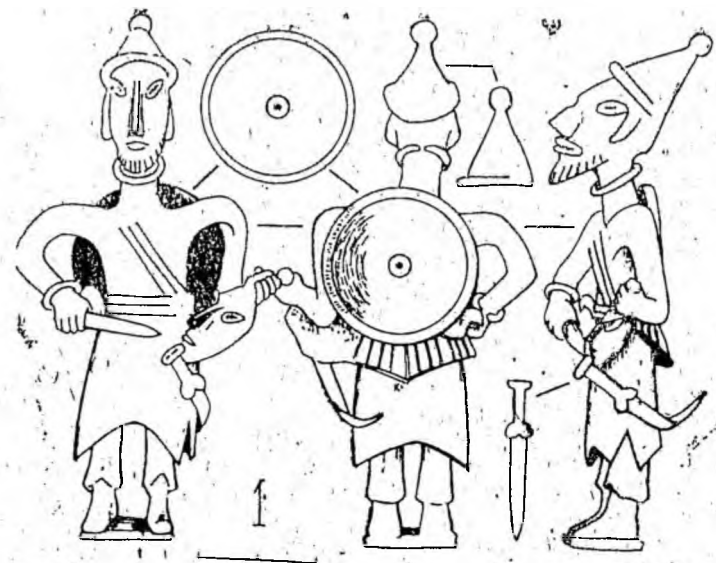

Рис. 2. Мужские статуэтки:

1 — из поселения у сел. Гигатль Цумадинского района (хр. в ДГОИАМ, № 18312); 2 — из сел. Химой Чечено-Ингушетии (собр. К. И. Ольшевского, 1887. По В. И. Марковину); 3 — из кургана у станицы Червленной Чечено-Ингушетии (по В. Б. Виноградову); 4 — из окрестностей Кировабада Азербайджана (по Е. И. Крупнову); 5, 6 — из Тартуса (Турция); 7 — из могильника Ялхой-Мохк Чечено-Ингушетии; 8, 9, 10 — из Нейреба (Сирия); 5—10 — по В. А. Ильинской

численных признаков позволяет определить время производства статуэтки и осмыслить ее содержание. Одежния этой статуэтки и атрибуты являются скифскими. Хронологические рамки определены в пределах второй половины VII — начала VI вв. до н. э. (57, с. 51) или VII—V вв. до н. э. (58, с. 56). По М. В. Горелику, статуэтка представляет собой изображение скифского воина времен ранних скифских походов в Переднюю Азию, вооруженного скифским акинаком, малоазийским щитом и шлемом, относящимся к закавказско-североиранскому кругу (57, с. 51).

Прежде всего, на территории Чечено-Ингушетии, Азербайджана и Передней Азии встречаются аналогичные по головным уборам изображения скифов времен их переднеазиатских походов (59, с. 38—47; 60, с. 73—86). Наиболее выразительные и близкие к дагестанской статуэтке фигурки из бронзы, глины и камня происходят из Химоя и Ялхоймохка (ЧИССР), Кировабада (Азербайджан), Тартуса (Турция) и Найраба (Сирия) (рис. 2, 2—10). Все они имеют сфероконические шлемы-шишаки с ровными нижними краями и вытянутыми наверху. Аналогичные бронзовые шлемы спорадически встречаются как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Один такой шлем происходит из Галиатского могильника Фаскау (27, с. 276, рис. 211), другой — из Верхней Рутхи (61, с. 144—147) Северной Осетии, третий — из сел. Приморское Абхазии (62, с. 140, табл. X; 63, с. 27), четвертый — из могильника у дороги Бешташен-Сафархараба (64, с. 68, табл. XI). В массовом количестве они встречаются южнее. В одном только Кармир-блуре (Армения) их найдено около 20 экземпляров (65, с. 167). Обнаружены они и в других местах Армении (66, с. 99). Все относятся к VIII—VII вв. до н. э. В начале I тысячелетия до н. э. они были распространены в Месопотамии, Ассирии, Сирии, Луристане, а позже и в ахеменидском Иране (67, с. 92—94; 68, с. 105). Б. С. Рабинович считает галиатский шлем-шишак местным по происхождению, но продуктом связи Северного Кавказа с Передней Азией (68, с. 105). Сходство между шлемами из Бешташинского могильника, из Абхазии и Северного Кавказа отметил и Б. А. Куфтин (64, с. 68). Все упомянутые закавказские и северокавказские шлемы могут быть генетически возведены к урартским и переднеазиатским, в том числе ассирийским, доживавшим там до конца VII в. до н. э.

На Северный Кавказ они могли попасть благодаря участникам скифских походов в Переднюю Азию. Скифы, как известно, принимали активное участие в военной и политической жизни переднеазиатско-закавказских государств. В частности, в качестве наемников они служили в урартской крепости Тайшибаини, а скифский царь Портата женился на дочери ассирийского царя Асархаддона (69, с. 242—292; 70, с. 30). В это время сфероконические шлемы-шишаки, видимо, и стали применяться скифской знатю. Рядовые же скифы носили кожаные шлемы.

Другой атрибут гигатлинской статуэтки — заброшенный на спину круглый щит с умбомом в центре находит аналогии на обширной территории стран Передней Азии, Средиземноморья и Кавказа. Были они характерны и для Урарту (66, с. 94—96), а также для Ассирии. Только в одном Кармир-блуре их найдено 20 экземпляров (65, с. 168; 66, с. 94—96; 71, с. 32). Встречаются они и на памятниках Северного Причерноморья, в том числе и на скифских памятниках (72, с. 15; 73, с. 116—117, рис. 15—16; 74, с. 187, табл. I XXXI, 4А, 47; I XXXII, 2, 10, 17; I XXXIII, 5, 25, 33, 34, 38). Все эти круглые щиты не имеют ковриков, подвешенных снизу для защиты нижней части тела от стрел, как это изображено на гигатлинской статуэтке. На одном херсонском надгробии IV—I вв. до н. э. изображен щит с таким ковриком (74, с. 187, табл. I XXXI, 44; 75, с. 76). Эти коврики наиболее характерны для греческих, малоазийских и балканских круглых щитов, во всяком случае со второй четверти VI в. до н. э. (57, с. 50). Видимо, они применялись здесь и в более раннее время. С малоазийской территории скифы, возможно, и заимствовали круглые щиты с подвешенными ковриками.

Длинный кафтан с разрезами снизу, широкие штаны, носимые навыпуск, и сапоги характерны для ранних скифских изображений. Так, на Келермесской секире VII в. до н. э., сделанной, по мнению В. А. Ильинской, урартскими мастерами, изображен знатный скифский воин с секирой в руке, в астровой шапке, длинном кафтане, широких навыпуск штанах и в сапогах (59, с. 42—43, рис. 5; 76, с. 19—30). На цилиндрической печати VI—V вв. до н. э. изображена битва мидян со скифами. Последние здесь изображены в остроконечных головных уборах, в широких штанах и сапогах (69, с. 289, рис. 50). В широких навыпуск штанах и в сапогах переданы скифы на произведениях торевтики, в частности на золотом сосуде из Солохского кургана IV в. до н. э., на концах гривны Кульобского кургана, нашивных бляшках и др. изделиях. Наиболее своеобразной одеждой является длинный кафтан со срезами снизу. В такие же кафтаны одеты знатные скифы, изображенные на чаше из Гаймановой могилы середины — начала второй половины IV в. до н. э. (77, с. 44—56; 78, с. 17—18, рис. на с. 16 и 17).

На левом боку гигатлинской статуэтки висит акинак с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем. Аналогичные железные акинаки встречены в Дагестане на Хосрежском святилище и в окрестностях сел. Согратль Гунибского района. В большом количестве встречены они и на памятниках Закавказья (79, с. 40—47). Форма этих акинаков относится ко второй половине VII—IV вв. до н. э. (79, с. 46; 80, с. 47—52). Б. В. Техов относит один такой акинак с бронзовой рукояткой из Тлийского могильника к VIII в. до н. э. (81, с. 58, рис. 4). С. А. Есяян и М. Н. Погребова возражают против этой даты на том основании, что среди сопровождающего его инвентаря нет предметов, позволяю-

щих углубить дату акинака до VIII в. до н. э. (79, с. 47). С отнесением мечей типа, выявленного у Лермонтовского разезда, к особой разновидности теряется основа для арханизации этих мечей до VIII в. до н. э., а возражение С. А. Есяяна и М. Н. Погребовой обретаёт более солидный вес. Вместе с тем, пока не могут быть окончательно отвергнуты точки зрения Н. Л. Членовой (82, с. 21), М. П. Абрамовой (83, с. 9, рис. 1, 11, 12) и В. Г. Котовича (84, с. 120, рис. 1, V, 1—6) о генетической связи таких акинаков с местными кавказскими и ближневосточными кинжалами эпохи бронзы.

Еще одна наиболее характерная для скифов деталь гигатлинской статуэтки — отрубленная голова в руках воина. Образы воинов с отрубленными головами в руках встречаются на пластинке из коллекции Романовича (85, с. 94—99), на колпачках из Курджипского кургана IV в. до н. э. Прикубанья (86, с. 45—47, 93—94, кат. № 51). На бронзовом поясе из погребения VIII—VII вв. до н. э. Тлийского мопильника выгравировано изображение всадника с отрубленной головой в руке (87, с. 73, рис. 9). Для объяснения смысла этого изображения Б. В. Теховым приведены слова Геродота о том, что скифский воин головы всех убитых им в бою врагов приносит царю. «Ведь только принесший голову врага получает свою добычу, а иначе нет» (Геродот, IV, 64). Видимо, в основе этого обряда лежали более серьезные причины, чем простое желание получить долю воинских трофеев. На бляшке из Кульобского кургана IV в. до н. э. в Керчи изображена змееногая богиня с кинжалом в одной руке и отрубленной головой в другой (50, с. 67, рис. 10). Такое же изображение имеется на бляшке из кургана у станицы Ивановской (88, с. 127—129). М. И. Аргамонов связывает это фантастическое существо со змееногой родоначальницей скифов, а отсеченную голову в руках — с головой враждебного небу гиганта, с которым она расправилась при помощи Геракла-Таргитая (50, с. 67). Здесь автор имеет в виду легенду, приведенную Страбоном, о том, что «богиня», когда напали на нее гиганты, позвала Геракла и скрылась с ним в пещере. Потом, принимая одного гиганта за другим, она обманывая, передавала их Гераклу для умерщвления (Страбон, XI, 2, 10. См. также: 50, с. 65). Такая трактовка образа интересна тем, что связывает в единую мифологическую систему родоначальников скифов — змееногую богиню и Геракла-Таргитая, причастных к уничтожению гигантов. Вместе с тем С. С. Бессонова полагает, что отрубленная голова как элемент женского оргастического культа представляет собой символ рождения и сосредоточения жизни (51, с. 97), а Д. С. Раевский видит в изображении змееногой богини с отрубленной головой в руках Ажи-Дахак — змееногую скифскую родоначальницу с головой распяленного ею пополам Йимы-Тагимасада (89, с. 276). Предания и культ отрубленной головы, широко распространенный в индоиранском мире, был особенно популярен среди скифских племен.

М. В. Горелик на основании браслета и шейной гривны на статуэтке делает вывод о высоком социальном положении изображенного персонажа (57, с. 51). Это подтверждается и другими атрибутами статуэтки, прежде всего шлемом, доступным только высшей знати скифов, и изображением птицы на правой стороне пояса. Д. С. Раевский считает таких птиц-уток символами и атрибутами Таргитая (90, с. 67; 91, с. 59—61). Если эта точка зрения правильна, то гигатлинская статуэтка представляет собой изображение скифского родоначальника Таргитая. В пользу этого предположения говорит и мифологическое объяснение отсеченной головы в руках Таргитая, а именно головы одного из уничтоженных им гигантов, напавших на змееногую скифскую родоначальницу. Иными словами, статуэтка по всей вероятности передает один из подвигов обоженного скифского родоначальника.

Таким образом, все приведенные выше аргументы свидетельствуют о том, что гигатлинская статуэтка воина передает образ скифского обоженного родоначальника Таргитая. Он одет в типичную скифскую одежду — широкие штаны; длинный кафтан с разрезами снизу и сапоги, подпоясан скифским акинаком с прямым навершием и почковидным перекрестьем, носит птицу, символизирующую сущность Таргитая, а также отсеченную голову, наиболее характерную для скифов. На его голове шлем закавказско-ассирийского типа, на спине — щит греческо-малоазийского облика. Последние предметы защитного вооружения скифы могли заимствовать в ходе своих ранних походов в Переднюю Азию. Проведенный анализ атрибутов, особенно акинака с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем, а также конический шлем-шишак подтверждают, выдвинутые М. В. Гореликом хронологические рамки гигатлинской статуэтки в пределах второй половины VII—VI вв. до н. э.

Статуэтка воина происходит и из Чечни. Она имеет круглый щит, акинак с брусковидным навершием и таким же перекрестьем, а также сферо-конический гребенчатый шлем (рис. 2, 2). Мы выше уже отмечали широкий хронологический и территориальный диапазон распространения круглых щитов. Гребенчатые шлемы наряду со сфероконическими шишаками были характерны для Урарту и Ассирии (66, с. 96—98, табл. XIV, 7—10; 67, с. 92—94; 68, с. 127, рис. 9). Акинак с брусковидным навершием и таким же перекрестьем встречается на территории распространения скифов, в том числе в Закавказье и на Северном Кавказе в VI—V вв. до н. э. (92, с. 104; 79, с. 47—48). Этим же временем, очевидно, датируется и сама статуэтка, известная как химоевская. Культурный характер статуэтки подчеркивает ее ритуальная обнаженность, а также подчеркнута выраженные половые признаки. Скорее всего она передает тот же образ, что и гигатлинская, а именно образ скифского родоначальника Таргитая.

Среди гигатлинских статуэток выделяются две одинаковые фигурки обнаженных женщин. Одна из них хранится в фондах

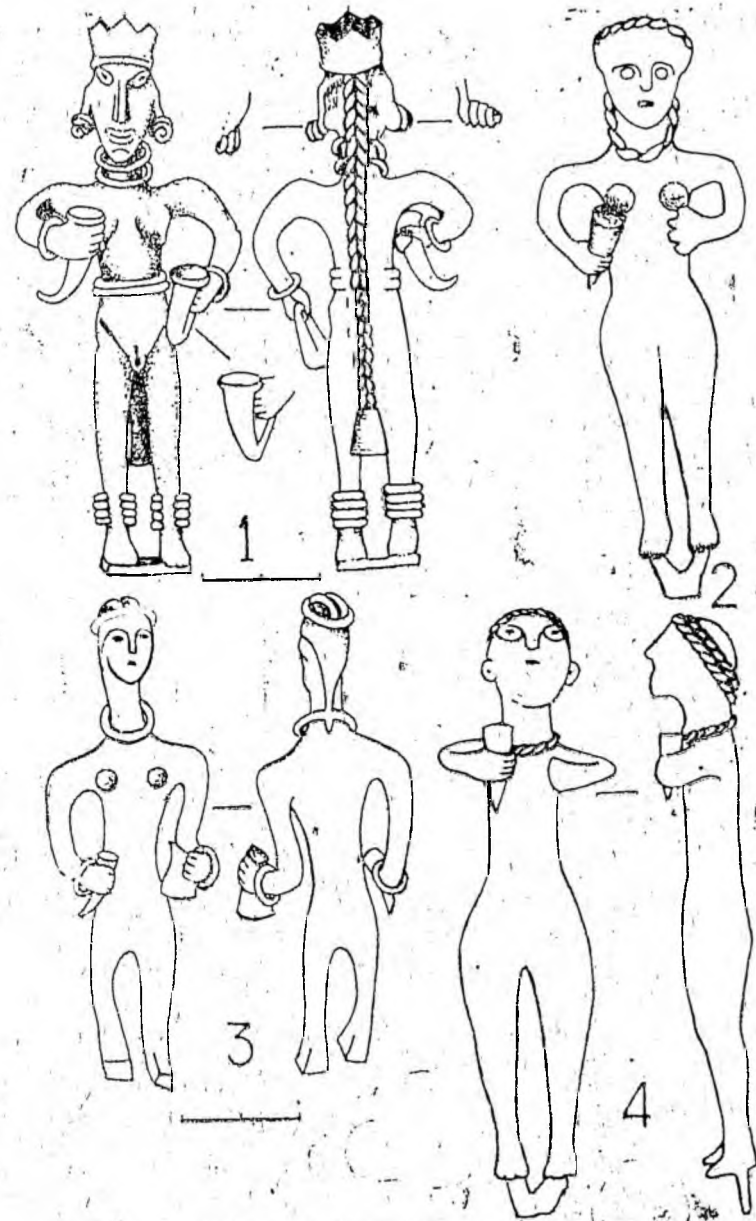

Рис. 3. Женские статуэтки:

1 — из поселения у сел. Гигатль Цумадинского района (хр. в ДГОИАМ, инв. № 18313); 2 — из Цунтинского района (хр. в ГИМ, по Д. Чиркову); 3 — из собрания А. К. Сержпутовского (хр. в ГЭ, инв. № 1782/8); 4 — куплен у кубачинца Р. Магомедова (хр. в ГИМ, по А. А. Захарову)

ДГОИАМ, другая опубликована В. И. Марковиным и хранится в экспозиции музея (8, с. 90, рис. 10, 9). На голове последней покоится пятизубчатая корона, из-под которой на опину ниспадает до шиколоток толстая коса с трапециевидной пластинкой на конце, ее шея украшена гривнами, ноги и руки — браслетами, талия — двойным поясом. Правая приподнятая и выставленная вперед рука как бы протягивает ритон, а левая держит сосуд (рис. 3, 1). Среди старых находок Дагестана имеются женские статуэтки, аналогичные вышеописанной. Одна такая статуэтка «из Дагестана» (рис. 3, 2) имеет на голове витой ободок, на шее — витую гривну, а также в несколько выставленной вперед руке — ритон (93, с. 83, рис. 2). Другая статуэтка, доставленная в Эрмитаж А. К. Сержпутовским из Дагестана, имеет на шее гривну, на голове — ободок с продольными перетяжками, из-под которого ниспадают пересекающиеся с гривной на шее волосы, собранные в косу, на обеих руках — по одному браслету, в левой приподнятой и выставленной вперед руке — ритон, в правой — кувшин со сливным носиком (рис. 3, 3). Третья статуэтка (рис. 3, 4), купленная Эрмитажем у кубачинца Р. Магомедова, имеет на шее витую гривну, на голове — витой ободок и в выставленной вперед руке — ритон (5, с. 98, рис. 113, 114). Ободки на головах статуэток во всех случаях передают корону. Высокое положение женщин и их сакральный характер подчеркивают ритуальная обнаженность, короны на головах и украшения. Одна статуэтка имеет ритуальный пояс, две — по паре ручных браслетов и одна — четыре пары ножных, пары ручных браслетов. Общими для всех фигурок, включая и гигалинскую, являются ритоны в выставленных вперед руках. Аналогичные статуэтки с теми же атрибутами встречены среди антропоморфных статуэток Айрумского клада в Армении (94, с. 161—163, рис. 3, 1, 4—7). Правда, по стилю выполнения они несколько отличаются от дагестанских: иные пропорции и короны на головах выглядят иначе. Это объясняется разностью традиций производственных центров. Да и ожидать единообразия даже от статуэток одного производственного центра не приходится, поскольку эти изделия сделаны по восковым моделям, ломавшимся после разового использования. Но для дагестанских и армянских статуэток характерны ритуальная обнаженность и одни и те же атрибуты, а именно ритон в протянутой руке, украшения и короны на головах. Образ женщины, подающей рог, характерен для скифо-меотской торевтики и монументальной скульптуры Северного Причерноморья и Прикубанья, начиная со скифского времени до конца I тысячелетия до н. э. Так, близ ст. Преградной Краснодарского края найдена монументальная песчаниковая статуя женщины высотой около 3 м. Она одета в длинное, ниспадающее широкими складками до пяток платье, прихваченное в талии поясом; на плечи накинут плащ; на голове — покрывало, падающее на плечи; в ушах серьги; на шее — многовитковая гривна или ожерелье.

В правой, согнутой в локте руке она держит ритон, левая прижата к бедру. П. Н. Шульц и Н. И. Навротский видят в ней изображение верховной меотской богини, тождественной скифской Табиты. Они же датируют статую IV—III вв. до н. э. (95, с. 197—201, рис. 4, 1; 5) и проводят параллель между преграднинской статуей и изображением на карагодеуашхской пластине, где в нижнем фризе восседающая между четырьмя фигурами женщина передает ритон мужчине, сидящему слева (96, с. 200). Ученые, за исключением А. П. Манцевич (96, с. 128—138), усматривающей в этой сцене заупокойный пир, видят в композиции ритуальные действия с женским божеством в центре (96, с. 114—115; 51, с. 107—111. Там же литература).

На оковке ритона из Мерджинского кургана изображена восседающая на «троне» женщина и перед ней — бородатый всадник с ритонном в поднятой руке (50, с. 62—64, рис. 6). Исследователи видят в этой сцене верховную синдо-меотскую богиню и местного бога-героя (51, с. 111; 91, с. 106). С этим изображением перекликается изображение на позднескифском чайкинском рельефе в Крыму, где женщина передана перед алтарем, а перед ней — всадник с ритонном в поднятой руке (98, с. 222, 226—227). Д. С. Раевский выделил над женской фигуркой прямоугольник; над мужской — круг, интерпретировав первый как символ неба, второй — как символ земного мира. Вся композиция воспринимается им как союз огней — небесного, божественного, воплощенного в женщине, и земного, воплощенного в мужчине или в качестве скифского сакрального брака (91, с. 105). Это брак здесь выражается символическим получением героем ритона из рук богини.

На многих нашивных бляшках, выявленных на Кульобском, Чертомлыцком, Первом Мордвинском, Мелитопольском, Верхнем Рогачевском, Носакинском, Огузском курганах изображена восседающая на троне (?) женщина с зеркалом в руке и впереди стоящий мужчина; пьющий из ритона (99, с. 175, рис. 9, а, б, в, г). Все ученые рассматривают здесь женщину в качестве богини, мужчину — смертного царя или героя. Наиболее выразительно эта идея выражена на пластинке из Сахновки, где в центре многофигурной композиции изображена восседающая на «троне» женщина в пышных одеяниях и перед ней коленопреклоненный бородатый мужчина с ритонном и секирой в руках (50, с. 61, рис. 4; 91, с. 98—99, рис. 9; 100, с. 569). На этой композиции наиболее убедительно запечатлено высокое положение женщины и подчиненное положение мужчины. Давно уже утвердилось мнение о том, что основные упомянутые выше композиции, особенно на сахновской пластинке, кульобской и др. бляшках скифского и синдо-меотского искусства, имели культово-мифологическое основание, а женская фигурка принадлежит популярному скифскому божеству, по мнению одних исследователей — Табиты (101, с. 83; 91, с. 95—109), других — Аргимпаса (102, с. 16; 50,

с. 64—65; 51, с. 106). Эти божества и богиня земли Апи, как полагает М. И. Артамонов, по мере развития и расширения религиозных представлений скифов выделились из одного древнего женского божества, воплощавшего в себе культ домашнего очага, огня, идею жизни и размножения, божества, покровительствующего стадам, диким и домашним животным (50, с. 71). Эта женская древняя богиня, известная как скифская владычица или скифская богиня, скифская родоначальница, видимо, и изображена на наших статуэтках. Она же изображена и на армянских статуэтках. Это подтверждает толкование всей композиции, выражающееся в подаче рога с напитком смертному герою, как картины приобщения царя или героя к божеству, к власти и покровительству богини (108, с. 6—7, 13—14; 50, с. 62; 101, с. 83; 103, с. 111; 91, с. 95; 104, с. 5). Эту идею подтверждают и изображения ритонов в руках вышеупомянутых изображений. Ритоны часто встречаются на каменных изваяниях скифов, на различных бытовых и ритуальных сосудах, встреченных на территории Северного Причерноморья и Кавказа, в том числе Дагестана. Это объясняется мистическим характером самих ритонов как атрибутов героизированных умерших в скифской среде (51, с. 105). Вместе с тем некоторые исследователи рассматривают ритон в качестве символа царской власти или символа половой связи. В этом качестве в руках покровительствующей скифам богини он мог обозначать и приобщение царя или героя к богине.

В свете сказанного выясняется и смысл дагестанских женских статуэток с ритонами в руках. Они, видимо, изображали скифскую богиню или скифскую владычицу, подающую рог для вкушения напитка бессмертия, напитка, приобщающего скифов к божеству и власти, к удаче. Аналогичен смысл и армянских статуэток. Видимо, и дагестанские, и армянские статуэтки произведены в местных мастерских специально для скифов, поскольку сами скифы своих богов не изображали. Из этого следует, что дагестанские горцы были хорошо знакомы со скифской мифологией и их религиозной символикой.

Все армянские статуэтки с ритонами в руках датируются VI—V вв. до н. э. (94, с. 161—163). Это соответствует ранним скифским походам в Закавказье и Переднюю Азию. К этому же времени должны быть отнесены все дагестанские статуэтки обнаженных женщин с ритонами в руках.

Следует упомянуть и об условиях находок гигатлинских статуэток. Все пять статуэток — воина, обнаженных женщин с ритонами, всадницы и женщины с распростертыми руками обнаружены в одном месте. Это напоминает условия находок монументальных статуй и двух мужчин-воинов у ст. Преградной в Прикубанье. П. Н. Шульц и Н. И. Навротский полагают, что они могли быть связаны со святилищем (95, с. 201). Возможно, на месте находок гигатлинских статуэток тоже было святилище, связанное со скифским пантеоном.

1. Круглов А. П. Культурные места горного Дагестана // КСИИМК. 1946. XII.
2. Давудов О. М. Хосрехское святилище // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980.
3. Давудов О. М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
4. Магомедов Д. М. Древние религиозные воззрения дидойцев (цезов) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1988. XXIX.
5. Zakharov A. A. Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes // Swiatowit. Warszawa, 1933. T. XV.
6. Мегрелидзе И. В. Археологические находки в Дидо // СА. 1951. XV.
7. Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
8. Марковин В. И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
9. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918. С. 210—211.
10. Иессен А. А. Работы на Сулаке // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110.
11. Bapst G. Souvenirs de deux missions au Caucase: Fouilles sur la grande Chaîne // Revue Archéologique. Paris, 1885. III Serie. Vol. V.
12. Комаров А. В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 год // Известия КОИА. Тифлис, 1884. Т. 1. Вып. 2. С. 37—42.
13. Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1955. Т. II (1904—1920).
14. Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археол. карте). Махачкала, 1966.
15. Агларов М. А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984.
16. Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
17. Виноградов В. Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
18. Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
19. Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.
20. Цитладзе Л. Г. Археологические памятники Хеви: (Казбековский клад). Тбилиси, 1976.
21. Майсурадзе В. Г., Панцхава Л. В. Святилище Шилда. Тбилиси, 1984.
22. Лисициан Ст. «Святыни» у перевалов // СЭ. 1936. № 4—5.
23. Халидова М. Р. Образ покровителя охоты, зверей в преданиях и легендах народов Дагестана // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982.
24. Вирсаладзе Е. Б. Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.

25. Дирр А. Божество охоты и охотничий язык у кавказских горцев // СМОМПК. 1915. Т. 44. Отд. IV.
26. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
27. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.
28. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.
29. Кривицкий В. В. Некоторые произведения кобанской металлопластики из собрания Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980.
30. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Вост. вариант // Археология СССР. САИ. В 2—5. М., 1982.
31. Виноградов В. Б. Зооморфные «превращения» в искусстве древних горцев // Природа. 1979. № 2.
32. Котович В. М. Древнейшие писаницы Горного Дагестана. М., 1976.
33. Котович В. М. Антропоморфные образы в древних наскальных рисунках горного Дагестана // Studia praehistorica. София, 1986.
34. Брентьес Б. От Шандара до Аккада. М., 1976.
35. Дмитриева Н. А., Виноградова Н. А. Искусство Древнего мира. М., 1989.
36. Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980.
37. Сидорова Н. А. Искусство эгейского мира. М., 1972.
38. Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964.
39. Liénard J. Bronzes of Iran and Luristan // Evocations metallurgiques. XIII
40. Chirshman R. Fouilles de Sialk. Pres de Kashan. 1933, 1934, 1937. Paris, 1939. Т. II.
41. Boehmer R. M. Zur Datierung der Necropole B von tepe Sialk. // Archäologischer Anzeiger. 1965. Т. 4
42. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
43. Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Вып. 21.
44. Chirshman R. Iran. Protoiranier. Meder und Achämeniden. München, 1964.
45. Möbius H. Über Form und Bedeutung der sitzenden Gestalt in der Kunst der Orientis und der Griechen // Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, 1916. 41.
46. Robinson D. M. Excavations at Olynthos // Baltimore. 1941. Vol. 10.
47. Vanden Berghe L. Luristan Bronzes // Evocations metallurgiques. Vol. XIII.
48. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
49. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
50. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АС. Л., 1961. Вып. 2.
51. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
52. Мозолевский Б. Н. Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине: (предвар. публ.) // СА. 1972. № 3.
53. Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АС. Л., 1973. Вып. 15.
54. Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
55. Les Trésors de Dalverzin-tepe. L., 1978.
56. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
57. Горелик М. В. Раннее скульптурное изображение скифского воина // Киммерийцы и скифы. Тез докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина: Кировоград, 1987. Ч. I.
58. Давудов О. М. О контактах населения древнего Дагестана с киммерийцами и скифами // Там же.
59. Ильинская В. А. Изображения скифов времени переднеазнатских походов // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
60. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
61. Nagel W. Ein urartäischer Helm am dem Argistic // Magazin. Archiv für orientforschung. Berlin. Т. XIX
62. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I.
63. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. III. Ереван, 1966.
64. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети: Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.
65. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
66. Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении: (III—I тысячелетие до н. э.). Ереван, 1966.
67. Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. 1982. № 3.
68. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // ТОИПК. Л., 1941.
69. Дьяконов И. М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
70. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы: (От появления на ист. арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974.
71. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
72. Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. № 58.
73. Ивацкова А. П. Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
74. Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
75. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
76. Черненко Е. В. Парадный топор из Келермеса // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
77. Бідзіля В. І. Дослідження Гайманові могили // Археологія. Киев, 1971. № 1. Укр. яз.
78. Бидзиля В. И. Сокровища Гаймановой могилы // Курьер ЮНЕСКО. 1977.
79. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
80. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // Археология СССР. САИ Д 1—4. М., 1964.

81. Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.: (По материалам Тлийского могильника). М., 1980.
82. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М., 1967.
83. Абрамова М. П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // МИА. 1969. № 169.
84. Котович В. Г. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «кнм-мерийских» биметаллических кинжалов и мечей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
85. Ильинская В. А. Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича // СА. 1978. № 3.
86. Галанина Л. К. Курджипский курган. Л., 1980.
87. Техов Б. В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. 1963. № 1.
88. Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
89. Раевский Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. М., 1971.
90. Раевский Д. С. О семантике одного из образов скифского искусства // Новое в археологии. М., 1972.
91. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
92. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
93. Декоративное искусство Дагестана. М., 1971.
94. Есяян С. А., Минацкая А. О. Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА. 1970. № 2.
95. Шульц П. Н., Навротский Н. И. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. 1973. № 4.
96. Манцевич А. П. О пластине из кургана Карагодеуашх: (К толкованию сюжета). ГЭ. Л., 1964. Вып. 6.
97. Анфимов Н. В. Религиозные верования у мсотов // Сб. трудов по археологии Адыгеи. Майкоп. 1977.
98. Попова Е. А. Рельеф с городища «Чайка» // СА. 1974. № 4.
99. Онайко Н. А. Антропоморфные изображения в мсото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
100. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
101. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
102. Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Спб., 1913.
103. Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
104. Маразов И. Хиерограмма от Летница // Археология. София, 1976. Кн. 4.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДЕРБЕНТА ПОЗДНЕАЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам раскопа XIV)

В результате работ на раскопе XIV (площадью ок. 300 кв. м), заложенном у наружной грани западной стены цитадели Нарынкала, был исследован хозяйственно-бытовой комплекс, датированный рубежом эры (1, с. 7). Здесь же было выявлено шесть погребений позднеалбанского времени, совершенных после завершения обживания вскрытого комплекса (2, с. 4—5). Так, погребения 1, 2, 4 были впущены в культурный слой и частично уничтожили ранее существовавшие хозяйственные ямы комплекса (соответственно ямы №№ 8, 9, 31); погребения 5, 6 прорезали стену одного из помещений комплекса. К этому добавим, что погр. 3 оказалось частично потревоженным траншеей под стену цитадели VI в., а нижние блоки стены цитадели покоились на плитах перекрытия погр. 6.

Погребение 1 представляло собой захоронение в узкой длинной грунтовой яме подпрямоугольной формы с закругленными углами (рис. 1). Длина ямы 2,75 м, ширина 0,58 м, глубина 0,3 м. Заполнение ямы составлял комковатый, коричневого цвета материковый грунт, отличающийся от собственно материка более мягкой и рыхлой структурой. Внешние признаки могильной ямы отсутствовали.

Костяк, принадлежащий взрослой женщине, ориентирован головой на Ю, с небольшим отклонением к З. Положение — вытянутое на спине; руки слегка согнуты в локтях и кистями покоятся на тазовых костях. Череп лицевыми костями повернут на В, на нем лежал небольшой бытовой камень. Сохранность костяка и черепа хорошая. Череп слегка деформирован лобнозатылочной повязкой.

На левой височной кости лежала бронзовая серьга с полым шариком (рис. 1, 12; 3, 15); под черепом, у правой височной кости, — аналогичная, но серебряная серьга (рис. 3, 16). У шейных позвонков обнаружено (рис. 1, 6) две сердоликовых (рис. 3, 6, 13), 5 пастовых (рис. 3, 1—3, 8, 12), 16 стеклянных (рис. 3, 4, 5, 7—11) бус. В верхней части реберных костей, справа от позвоночника, лежала плохой сохранности брошь (рис. 1, 7) из крупной морской раковины с бронзовыми приемником и пружиной, прикрепленными бронзовыми штифтами, и остатками железной иглы

(рис. 3, 22). В нижней части реберных костей, слева от позвоночника, лежала крупная (диаметр 3,8—4,0 см) бронзовая кругло-рамчатая пряжка (рис. 1, 9) с железной иглой (рис. 3, 21). У тазовых костей справа от позвоночника обнаружена мелкая бронзовая овальнорамчатая пряжка (рис. 1, 8; 3, 14). На тазовых

костях и позвоночнике лежало бронзовое (биметаллическое?) зеркало (диаметр 6 см) с центральной петлей (рис. 1, 10; 3, 25). Часть погребального инвентаря была сконцентрирована на возвышении в изголовье погребенного, у южного торца могильной ямы. Здесь находились: коричневоглиняный лощеный кувшин (рис. 1, 14; 2, 2) с отбитым в древности сливом и маленьким пробитым отверстием на тулове (высота 28,5 см, высота горловины 11 см, высота наибольшего расширения тулова 11 см, диаметр горла 8,5 см, диаметр тулова 19 см, диаметр дна 9,5 см), коричневоглиняный лощеный кувшин (рис. 1, 13; 2, 3) с высоким сливом и наклепными шишечками по бокам слива и на тулове (высота 29 см, высота горловины 14,5 см, высота наибольшего

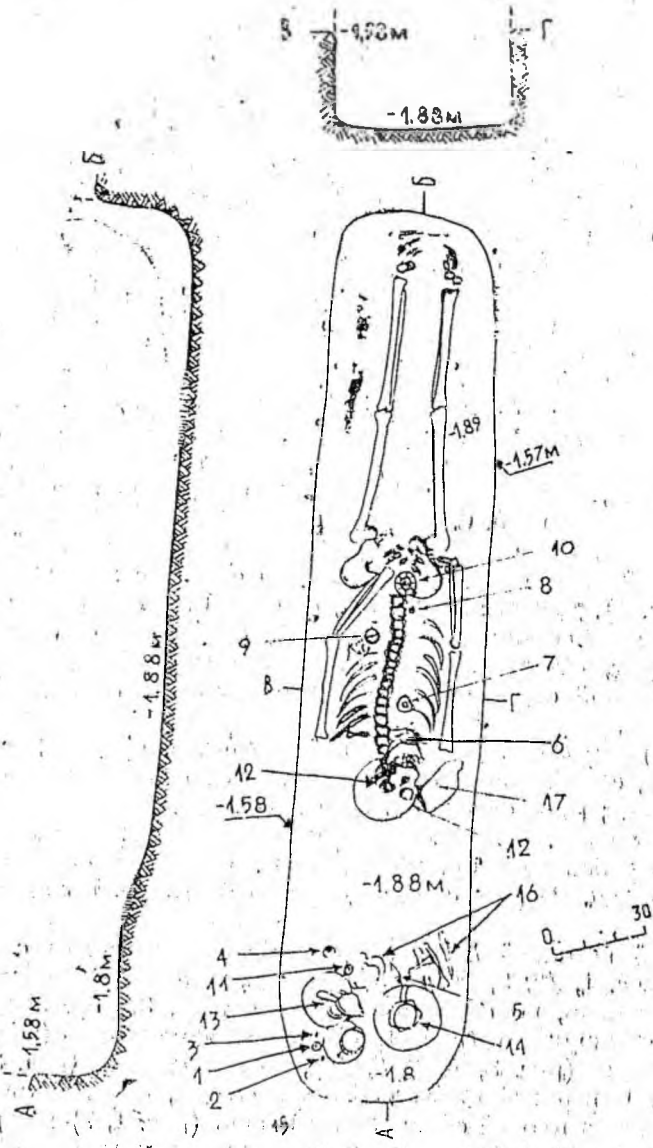

Рис. 1. Погребение 1. План и разрезы

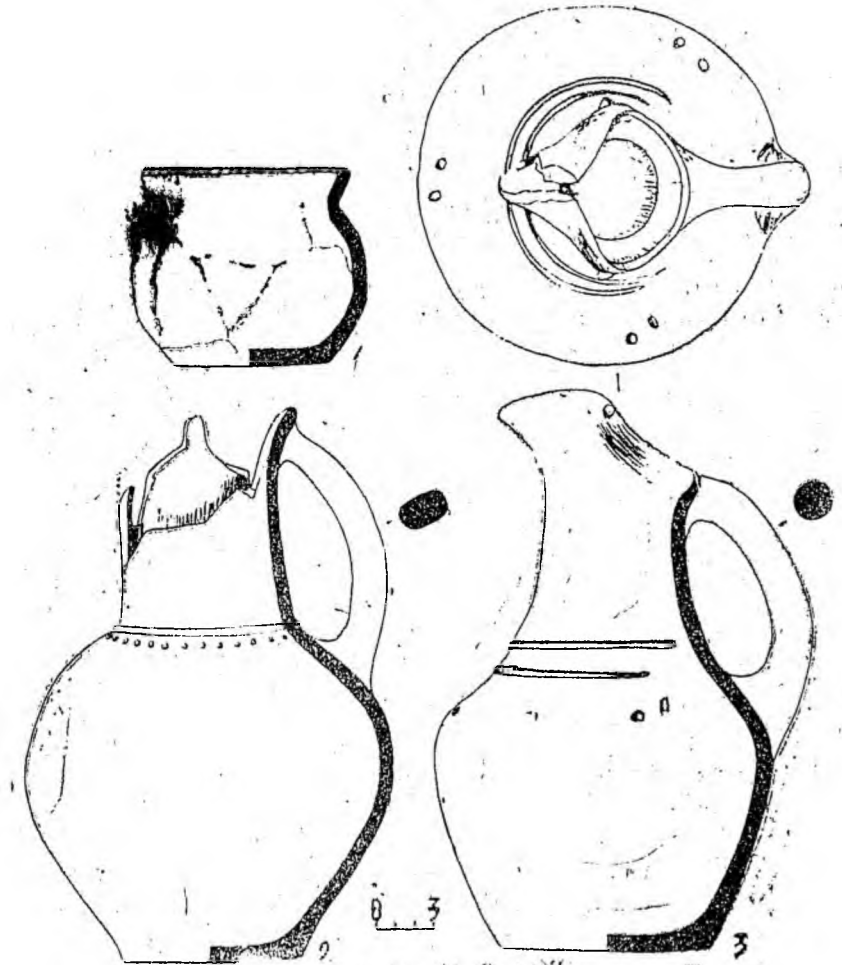

Рис. 2. Керамика из погр. 1

расширения тулова 11,5 см, диаметр горла 7,5—10,5 см, диаметр тулова 17,5 см, диаметр дна 11 см), сероглиняный с примесью кварца горшочек (рис. 1, 15; 2, 1) с насечками по краю венчика (высота 10 см, высота венчика 2 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 8 см). Рядом с горшочком лежали фрагмент пластинчатого бронзового браслета (рис. 1, 2; 3, 17), фрагмент железного ножа (?) (рис. 1, 3; 3, 23) и керамическое конусовидное пряслице (рис. 1, 1; 3, 18). Еще два дисковидных каменных пряслица (рис. 3, 19, 20) обнаружены у вышеописанного второго кувшина (рис. 1, 4, 11). Рядом с кувшинами лежала часть жертвенного животного (лопатка, ребра, кость ноги барана) (рис. 1, 16) и жертвенный железный нож (рис. 1, 5) со слабо изогнутой спинкой (рис. 3, 24).

Погребение 2 обнаружено в 0,85 м к СВ от северного края ямы погр. 1. По отношению к центральной оси погр. 1 оно располагалось почти под прямым углом. Захоронение было совершено в узкой длинной овальной формы грунтовой яме со слегка наклонными стенками, обложенными у изголовья погребенного тремя поставленными на ребро плитами (55×53×8—10 см, 60×24×12 см, 52×32×8—9 см) подпрямоугольной формы. Сверху могильная яма была перекрыта 4 крупными плитами (1,0×0,8×0,2 м, 0,95×0,35×0,1 м, 1,0×0,4×0,12 м, 0,8×0,3×0,1 м), две из которых раскололись, и 5 небольшими плитками, заложеными в щели (рис. 4). Размеры ямы: длина 2,48 м, ширина 0,6 м, глубина 0,64 м. Заполнение ямы — рыхлый серокоричневый грунт с незна-

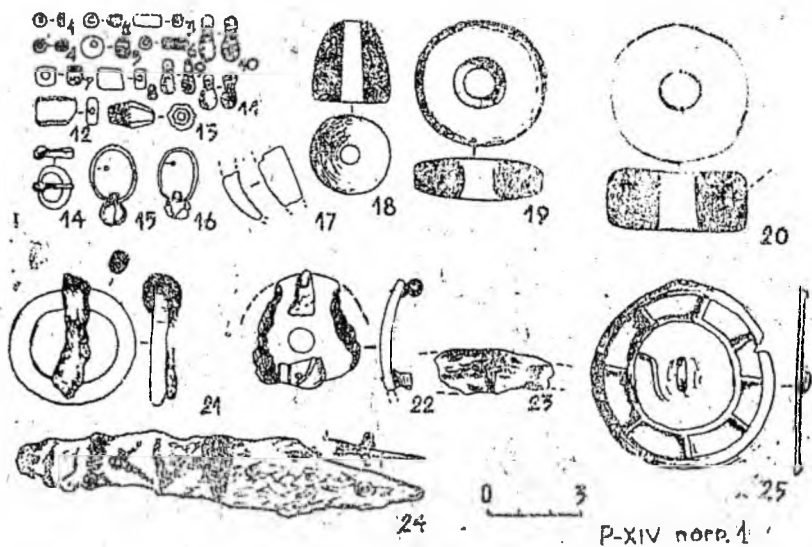

Рис. 3. Инвентарь погр. 1.

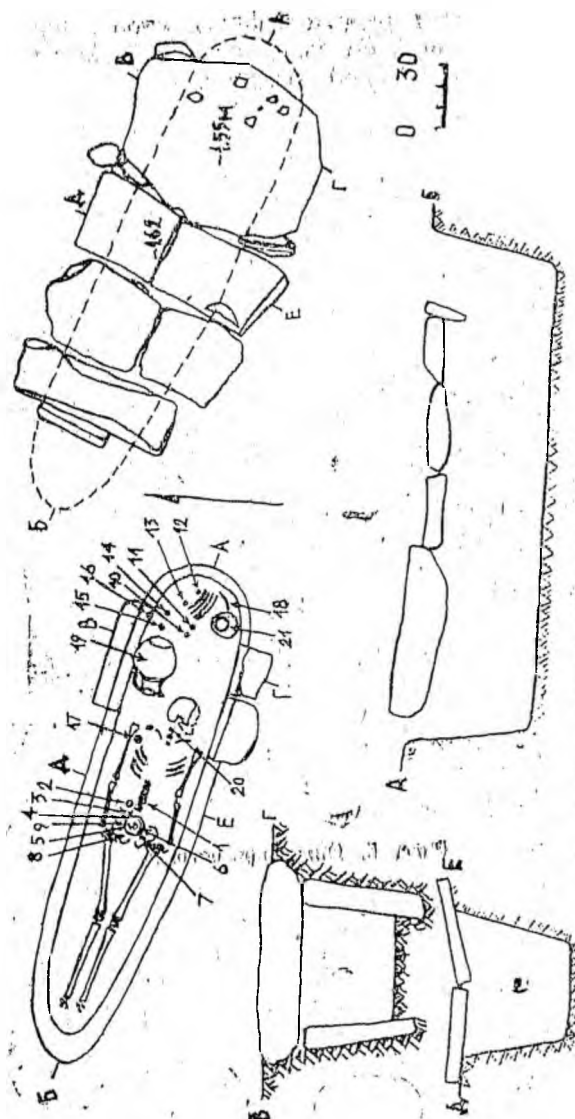

Рис. 4. Погребение 2. Планы и разрезы

чительным количеством уголков, фрагментов керамики, кусочков извести, представляющий смесь материковой глины, культурного слоя и выкида из прорезанной хоз. ямы.

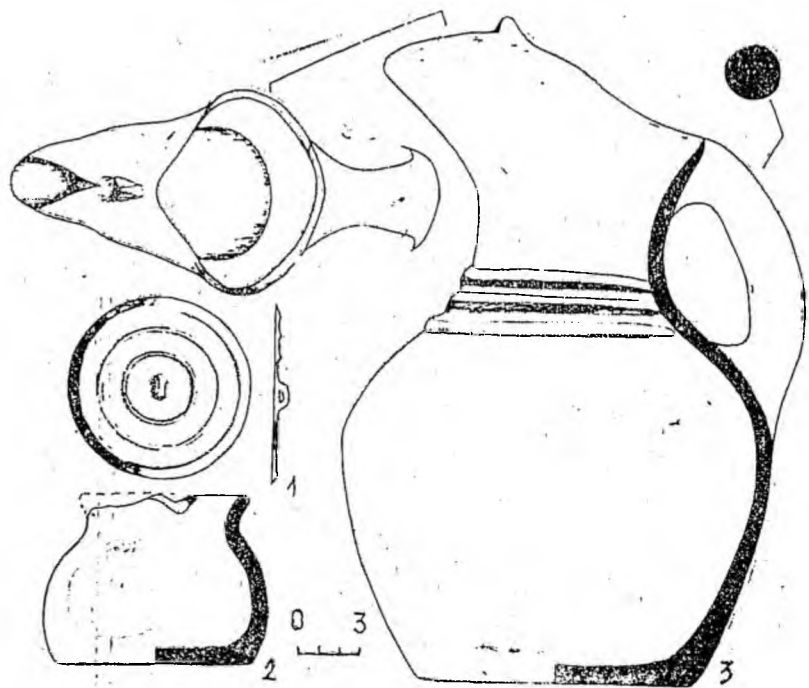

Рис. 5. Инвентарь погр. 2

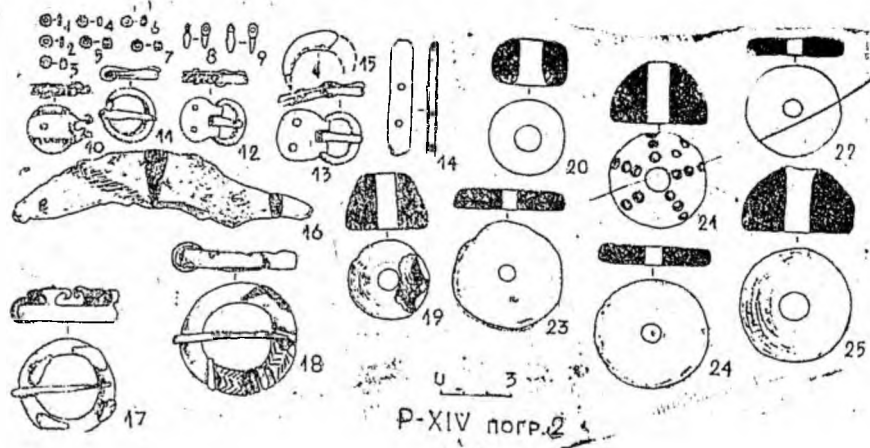

Рис. 6. Инвентарь погр. 2

Костяк принадлежит пожилой женщине, ориентирован головой на ЮЗЗ. Положение — вытянутое, на спине; руки чуть согнуты в локтях, кистями на тазу, коленные суставы ног сведены. Череп плохой сохранности, лицевыми костями повернут на ЮЮВ.

На шейных позвонках (рис. 4, 20) найдены гагатый бисер (163 экз.) (рис. 6, 1—5), 11 гагатых бус (рис. 6, 8, 9) и 2 стеклянные (рис. 6, 6, 7). В верхней части реберных костей, рядом с правым плечевым суставом, лежала бронзовая пряжка (рис. 4, 17) с зооморфными концами (рис. 6, 18). В нижней части туловища на позвоночнике была обнаружена бронзовая пряжка (рис. 4, 1) с фигурами 4 птичек на лицевой стороне (рис. 6, 17), а рядом, справа от позвоночника, — бронзовая круглорамчатая пряжка (рис. 4, 2; 6, 11) и 2 овальнорамчатые пряжки с щитком (рис. 4, 3, 4; 6, 12, 13). В правой части костей таза лежали круглый щиток пряжки (рис. 4, 5; 6, 10), фрагмент бронзовой лунницы (рис. 4, 8; 6, 15), бронзовая заклепка. В центральной части тазовых костей найдено бронзовое зеркало (диаметр 9 см) с центральной петлей (рис. 4, 6; 5, 1), на нем фрагменты железной иглы (рис. 4, 9), под ним бронзовый наконечник ремня (рис. 4, 7; 6, 14). На поверхности зеркала хорошо сохранились окислившиеся следы ткани, очевидно, мешочка, в котором лежали зеркало и игла и подвешенного на поясе.

Часть погребального инвентаря была сконцентрирована в изголовье погребенного, у западного торца могильной ямы. Здесь были найдены коричневоглиняный лощеный кувшин со сливом (рис. 4, 19; 5, 3) (высота 32,5 см, высота горла 15 см, диаметр горла 9,5—10 см, диаметр наибольшего расширения тулова 21,5 см, высота наибольшего расширения тулова 12 см, диаметр дна 13,5 см), горшочек с коричнево-бурым тестом, следами закопченности (рис. 4, 21; 5, 2) и частично отбитым в древности венчиком (высота 8,3 см, диаметр венчика 8 см, высота венчика 1,5 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 9,5 см), 6 керамических (рис. 4, 0—13, 15, 16; 6, 19—23, 25) и 1 каменное (рис. 4, 14; 6, 24) пряслица, ребра жертвенного животного (олень) и жертвенный железный нож с кривой спинкой (рис. 4, 18; 6, 16).

Погребение 3 представляло захоронение в узкой длинной грунтовой яме подпрямоугольной формы с закругленными углами (рис. 7). Прослеженная длина ямы 2,2 м, ширина 0,6 м, глубина 0,6 м. Заполнение ямы составлял четко выделяющийся на фоне материка беловатого цвета серый рыхлый грунт с фрагментами керамики, среди которой имеются обломки серо- и чернолощенных сосудов (6 фр-тов), сероглиняной керамики (47 фр-тов), посуды с глиняной обмазкой (11 фр-тов), керамики с красновато-коричневым тестом (25 фр-тов) и 13 фр-тов керамического шлака. Очевидно, заполнение ямы представлял переотложенный культурный слой.

Костяк пожилой женщины ориентирован головой на ЮЗЗ. Положение — вытянутое на спине; правая рука согнута в локте

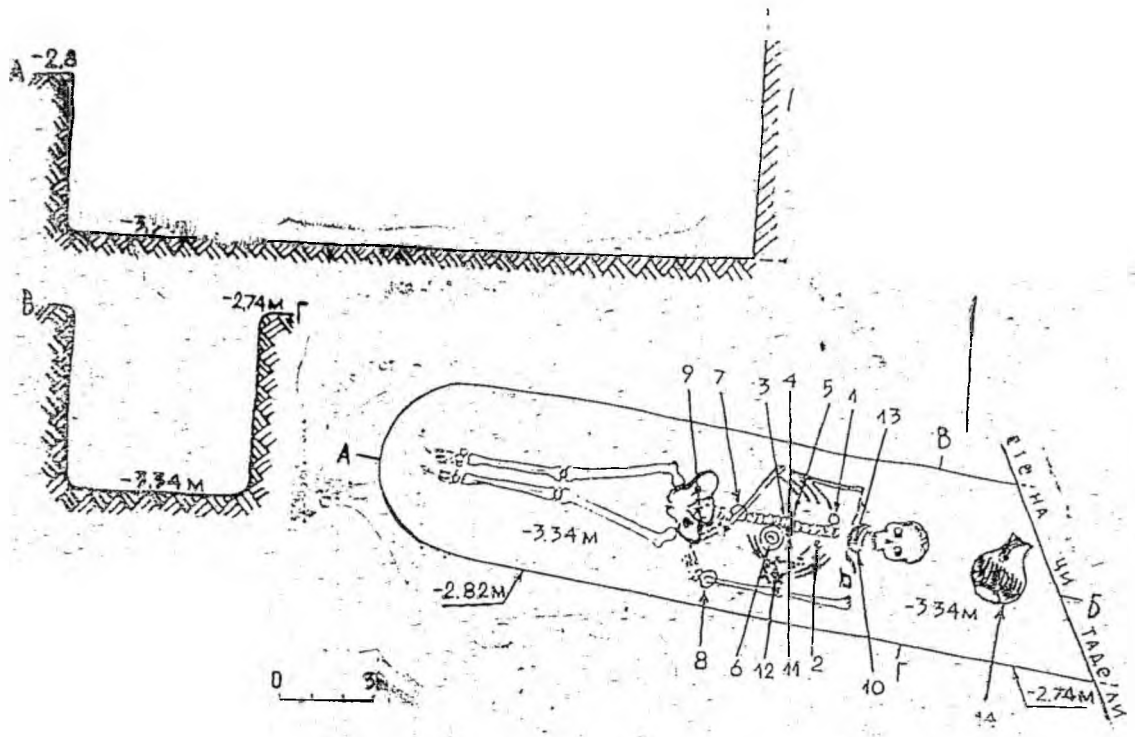

Рис. 7. Погребение 3. План и разрезы

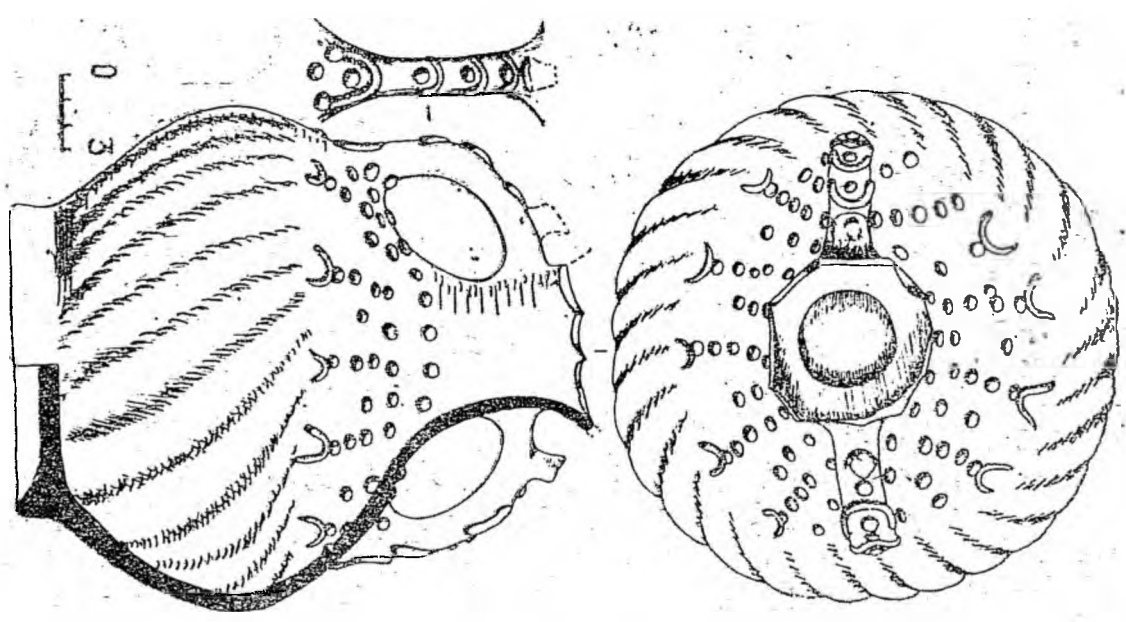

Рис. 8. Кувшин из погр. 3

и кистью покоится на тазовых костях; левая рука вытянута, кисть обращена к тазу; коленные суставы ног сведены. Череп лежит лицевыми костями вверх.

Под нижней челюстью и на шейных позвонках обнаружены бисер (51 экз.) из пасты (рис. 7, 13; 9, 3, 4), янтарные (18 экз.) (рис. 9, 7—10), сердоликовые (2 экз.) (рис. 9, 12, 13), гагатовые (5 экз.) (рис. 9, 14, 15, 32), стеклянные (16 экз.) (рис. 9, 5, 11, 14—29) и пастовые (19 экз.) (рис. 9, 1, 2, 6, 30, 31) бусы. Здесь же находилась бронзовая витая гривна с соединенными концами (рис. 7, 10; 9, 62).

В верхней части реберных костей, справа и рядом с позвоночником лежала крупная бронзовая пряжка (рис. 7, 1) с зооморфными концами (рис. 9, 65). Чуть ниже и слева от позвоночника находилась бронзовая круглорамчатая пряжка (рис. 7, 2; 9, 69). В нижней части грудной клетки, на позвоночнике и по обе стороны его лежали бронзовые пряжки: круглорамчатая с железным язычком (рис. 7, 3; 9, 64), овальнорамчатая (рис. 7, 5; 9, 68) и 2 овальнорамчатых с щитками (рис. 7, 4, 11; 9, 66, 67). Рядом

с ними, слева от позвоночника, находилось бронзовое зеркало (диаметр 8,2 см) с центральной петлей (рис. 7, 6; 9, 70). Слева от позвоночника, в средней части грудной клетки обнаружено ожерелье из 19 бус и 10 бронзовых подвесок (рис. 7, 12), воспроизведенных на рисунке в порядке их расположения (рис. 9, 33—51). Бусы — пастовые (рис. 9, 39, 40, 49, 50), стеклянные (рис. 9, 33, 34, 36, 37, 44, 48, 52, 54, 56, 59—61) и бронзовые (местное подражание, стеклянным и пастовым округло-ребристым бусам) (рис. 9, 42, 46, 57). Подвески — пирамидальные (рис. 9, 35, 43, 45, 47, 51, 55, 58) и конусовидная (рис. 9, 38) с прорезями и в виде бараньих (бычьих?) головок (рис. 9, 41, 53). На запястьях обеих рук находилось по одному бронзовому браслету (рис. 7, 7, 8), очевидно, изготовленному из разломанной надвое витой гривны (рис. 9, 71, 72). На фаланге среднего пальца правой руки находился бронзовый перстень с рельефным орнаментом щитка (рис. 7, 9; 9, 63).

В изголовье погребенного был положен светлоглиняный красноангобированный кувшин (рис. 7, 14) с отбитым венчиком (рис. 8), тулово которого было украшено наклонными каннелюрами и лепным орнаментом. Параметры кувшина: высота 23 см, высота тулова 15 см, меньший диаметр горла 5,5 см, диаметр тулова 20,5 см, высота наибольшего расширения тулова 10 см, диаметр поддона 12,5 см, высота поддона 1,5 см.

Погребение 4 представляло захоронение в узкой, длинной, овальной грунтовой яме с частичной обкладкой стен ямы тремя крупными подпрямоугольными плитами (0,95×0,62×0,06 м, 0,4×0,67×0,11 м, 0,32×0,58×0,1 м) и нишей для части погребального инвентаря в южной торцевой стенке ямы (рис. 10). Еще одна плита полукруглой формы (0,4×0,27×0,07 м) была положена плашмя у восточной стенки ямы на плиту обкладки. Размеры ямы: длина (без учета длины ниши) 2,25 м, ширина в верхней части 0,9 м, в нижней (на уровне дна) 0,56 м, глубина 1,15 м. Размеры ниши: высота 0,55 м, ширина 0,52 м, глубина (длина) 0,45 м. Заполнение ямы — серый рыхлый грунт с незначительным количеством угольков, кусочком извести, куском кварца (горный хрусталь?), обломком керамического штыря и 8 фрагментами керамики.

Костяк взрослого мужчины ориентирован головой на ЮЮВ. Положение — вытянутое на спине, руки положены вдоль туловища, ноги сведены в коленях, слегка деформированный череп повернут лицевыми костями на запад.

Слева от шейных позвонков, под нижней челюстью, найдена бронзовая лучковая фибула (рис. 10, 19; 11, 17). Вдоль плечевой кости правой руки находился железный кинжал (длина 31 см) с выступами у основания клинка и остатками деревянных рукояти и ножен (рис. 10, 12; 12, 6). Вдоль костяка, справа от него, был подожен длинный меч (длина 90 см) (рис. 10, 13; 12, 7) с остатками деревянных ножен и рукояти. В месте перехода от

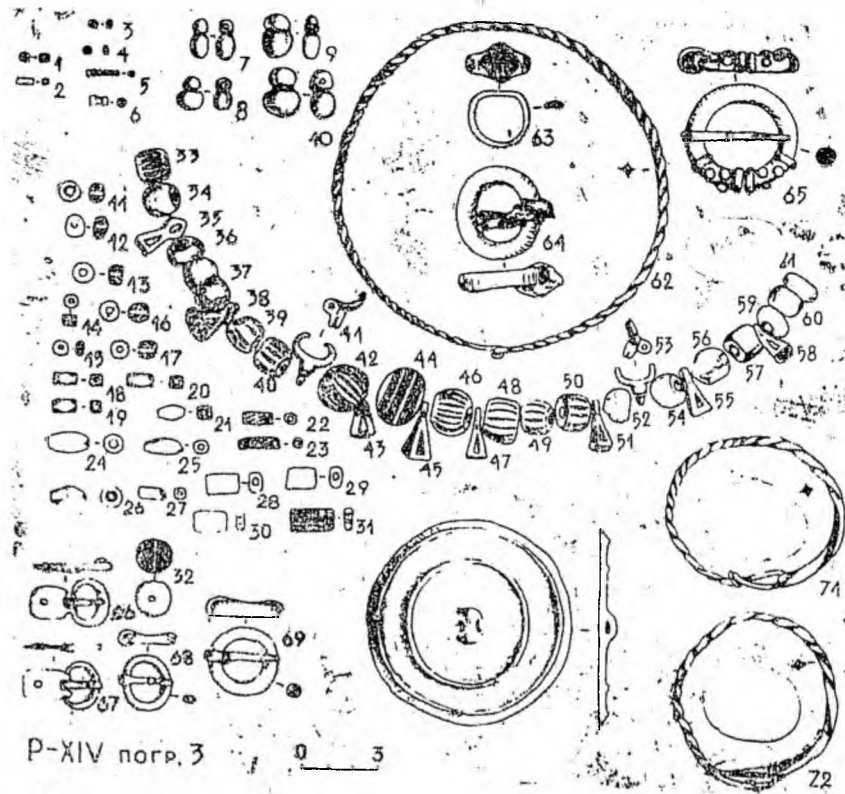

Рис. 9. Инвентарь погр. 3

рукоятки к клинку находился халцедоновый диск с железной шпонкой в отверстии (рис. 10, 15; 11, 23), служивший навершием рукояти. У запястья правой руки обнаружена стеклянная глазчатая бусина (рис. 10, 20; 11, 8). Еще одна мелкая пастовая бусина найдена в нижней части костяка между костями ног (рис. 10, 10). На запястье левой руки находился бронзовый проволочный браслет (рис. 10, 16; 11, 24). Под правой берцовой костью обнаружен еще один железный кинжал (длина 27 см) (рис. 10, 14) с перекрестием и остатками деревянных ножен и рукояти (рис. 12, 5). У перекрестия кинжала найдена бронзовая круглая (диаметр 1,7 см) портупейная накладка (рис. 10, 18; 11, 12). Еще две таких же накладки (диаметр 1,9 см) (рис. 10, 17; 11, 13, 14) и брон-

зовая прямоугольная пряжка (рис. 11, 16) находились у острия кинжала. Немного ниже, у острия меча, лежал бронзовый наколочник ремня (рис. 10, 11; 11, 18). Эти находки и их положение наглядно демонстрируют способ ношения и крепления кинжала, аналогичный сарматскому, закавказскому.

Большая часть погребального инвентаря была сконцентрирована в изголовье погребенного воина, рядом с нишей и в ней. Около ниши находились светло-коричневый лощеный с биконическим туловом кувшин (рис. 10, 1) с обитой в древности горловиной (высота тулова 9 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр дна 7,5 см) и хорошо заглаженным отбитым краем (рис. 12, 2); ялом с ним, ближе к восточной стенке ямы, кусочки охры (?) (рис. 10, 23), венчик (диаметр 5 см) стеклянного бесцветного прозрачного сосуда (рис. 10, 4; 11, 22), бронзовая овальнорамчатая пряжка (рис. 10, 5; 11, 15), костяная рукоять ножа (шила?) (рис. 10, 6; 11, 19), два куска кремня (рис. 10, 7; 11, 20, 21), низка из 142 бус (рис. 10, 8), в том числе янтарной (рис. 11, 5),

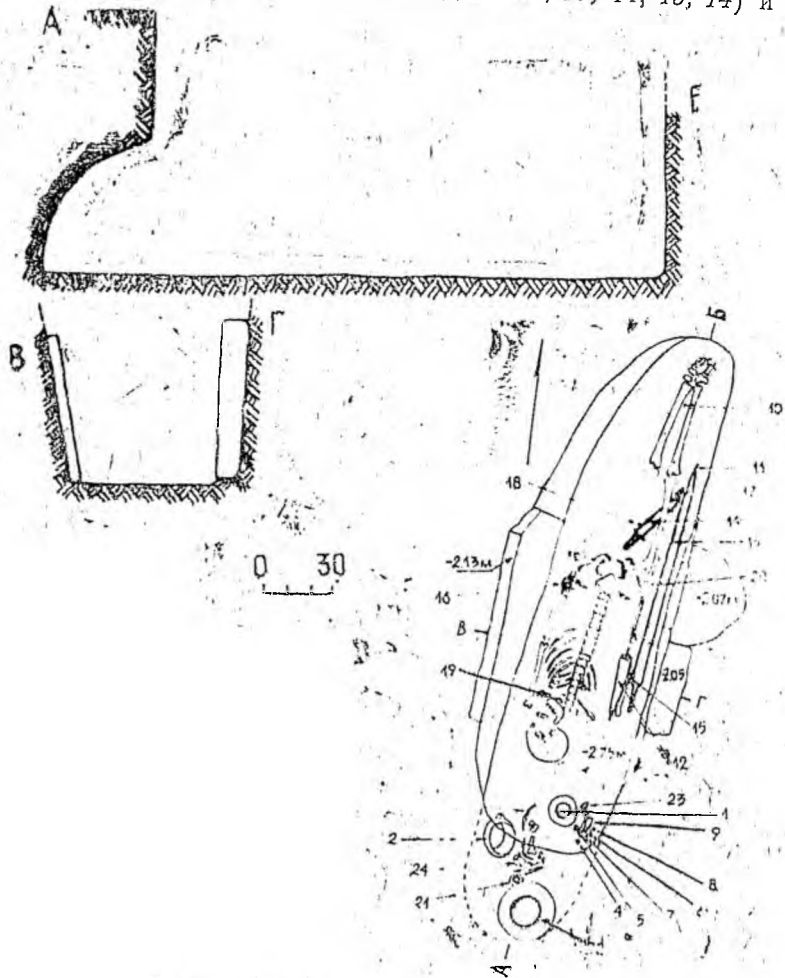

Рис. 10. Погребение 4. План и разрезы

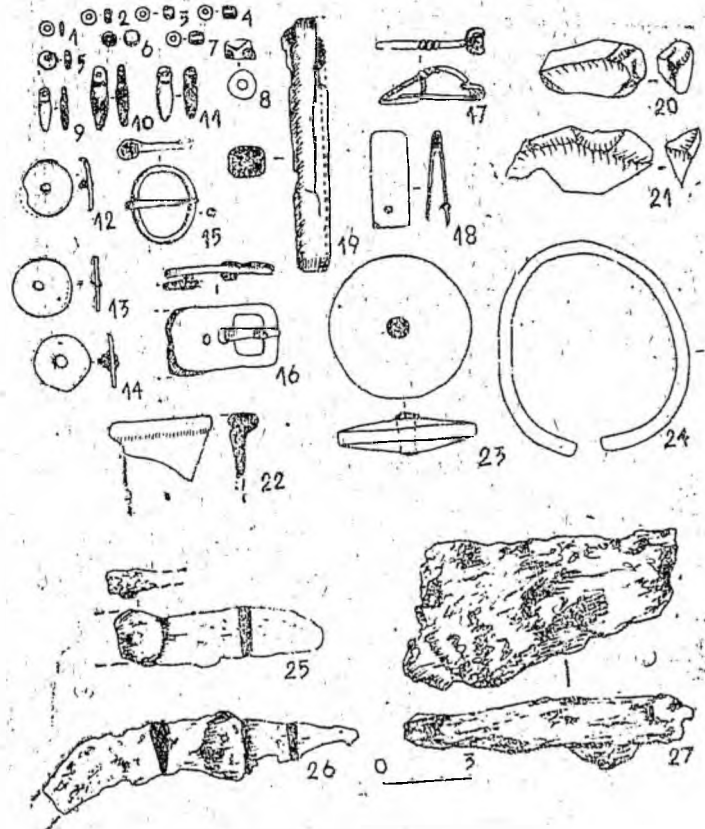

Рис. 11. Инвентарь погр. 4

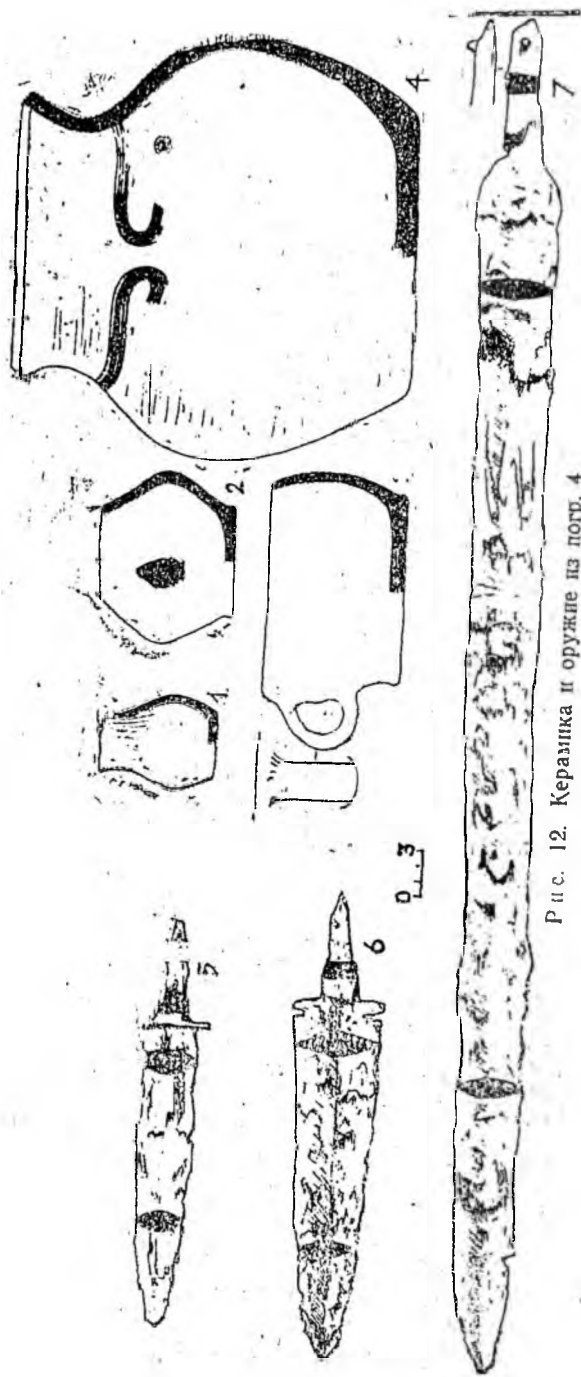

Рис. 12. Керамика и оружие из погр. 4

3 стеклянных (рис. 11, 6), 120 гагатовых дисковидных и цилиндрических (рис. 11, 1—4) и 18 гагатовых каплевидных (рис. 11, 9—11). Здесь же лежали фрагмент железного ножа (рис. 10, 9; 11, 25) и железный тесловидный предмет (рис. 11, 27).

В нише у западной стенки обнаружена кружка с ленточной ручкой, грубым тестом серо-бурого цвета и следами закопченности (рис. 10, 2; 12, 3). Размеры ее: высота 9 см, диаметр устья 12—14 см, диаметр тулова 14,5—16 см, диаметр дна 13 см.

Между кружкой и кувшином находился железный жертвенный нож с кривой спинкой (длина не менее 11 см) (рис. 10, 3; 11, 26) и рядом кости (ребра и кости ноги) жертвенного животного (барана) (рис. 10, 24). В нише у торцевой южной стенки был положен крупный сосуд (высота 26,5 см, высота горла 6 см, диаметр устья 17,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова 29 см, высота наибольшего расширения 13 см, диаметр дна 18 см) светло-бежевого цвета с многорядным врезным орнаментальным пояском (рис. 10, 22; 12, 4). Рядом с ним стоял маленький сосудик (рис. 10, 21) с тестом бежевого цвета, слабым лощением и частично отбитой в древности горловиной (рис. 12, 1) (высота 7,8 см, высота горла 2 см, диаметр венчика 4 см, диаметр тулова 6 см, диаметр дна 1,3 см).

Погребение 5 совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы с закругленными углами, очевидно, с заплечиками, на которые были положены две подпрямоугольные плиты перекрытия (рис. 13). Заплечики (шириной ок. 10 см) слабо зафиксированы лишь у юго-западного края ямы, частично у восточной стенки и располагались на высоте 0,5—0,6 м от дна. Со временем, вероятно, в результате атмосферных осадков они обрушились и плиты перекрытия частично просели. Размеры плит $0,6 \times 0,51 \times 0,1$ — $0,12$ м, $1,13 \times 0,67 \times 0,1$ м. Яма ориентирована длинной осью по линии С—Ю. Размеры ямы: длина 1,65 м, ширина 0,68 м, глубина 0,72 м. Длина дна ямы 1,4 м, ширина 0,45 м. Заполнение ямы под плитами перекрытия представляло однородный, мягкий, рыхлый грунт темно-серого цвета мелкой консистенции, очевидно, заполнивший яму в результате осадков.

В центральной части ямы лежала бронзовая витая гривна (рис. 13, 3; 44, 44), внутри площади которой зафиксирован слабый костный тлен и зубы ребенка 6—8 лет (определение канд. биол. наук К. Н. Золотова). Никаких других остеологических остатков человека в погребении зафиксировано не было. Здесь же (внутри площади гривны и частично вне ее) были найдены стеклянный и пастовый бисер (175 экз.) (рис. 13, 10; 14, 1, 2, 4—6), бронзовые бусина (рис. 14, 10), полусферическая подвеска (рис. 14, 36), пружина фибулы (рис. 14, 35), янтарная (рис. 14, 3), сердоликовая (рис. 14, 7), стеклянные (65 экз.) (рис. 14, 8, 9, 12—15, 31—33) бусы. Рядом с гривной и севернее лежали бронзовые пряжки: круглорамчатая, с зооморфными несходящимися

концами (рис. 13, 7; 14, 41), две пластинчатые, круглорамчатые с железным язычком (рис. 13, 4, 5; 14, 42, 43), на одной из которых сохранились следы ткани, круглорамчатая с заходящими концами, (рис. 13, 6; 14, 39); щиток пряжки (рис. 13, 9; 14, 40) и свернутая витая проволока (браслет?) (рис. 13, 8; 14, 45). Между ними лежала низка бус, в том числе 1 бронзовая (рис. 14, 11), 1 известковая (рис. 14, 18), стеклянные дисковидная (рис. 14, 17), округло-вытянутая (рис. 14, 16) и 21 сферическая (рис. 14, 19, 20), фрагменты раковины-подвески (рис. 14, 37), раковина-каури (рис. 14, 34) и фрагменты бронзовой полусферической подвески (рис. 14, 36).

Часть погребального инвентаря, как и у вышеописанных погребений, была сконцентрирована у южной торцевой стенки ямы. Здесь были положены кости ноги козы (рис. 13, 13), железный нож со слабо изогнутой спинкой (рис. 13, 2) и следы деревянной рукояти (рис. 14, 46), низка из 6 раковин-подвесок (рис. 13, 1; 14, 38), лепные керамические коричневоглиняная вазочка (курильница?) (рис. 13, 12) с частично отбитым венчиком (рис.

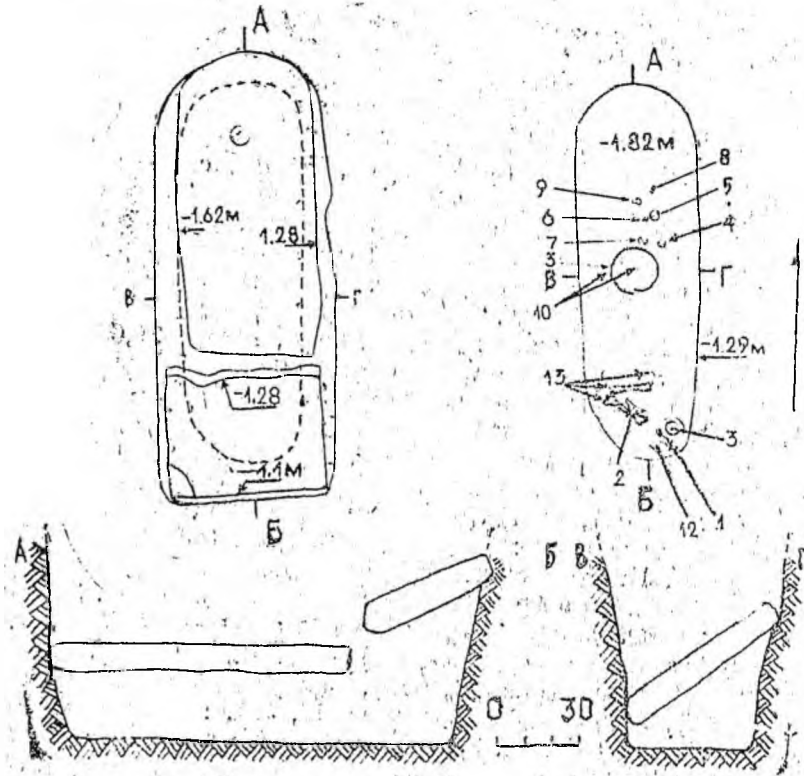

Рис. 13. Погребение 5. Планы и разрезы

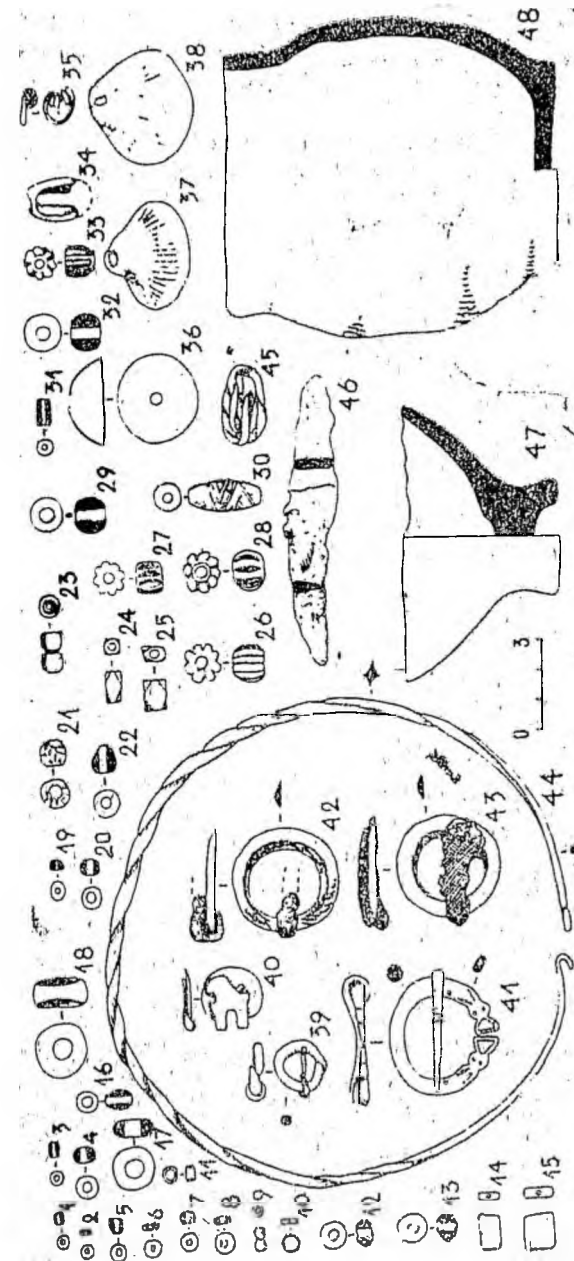

Рис. 14. Инвентарь погр. 5

14, 47) (высота 5,2 см, диаметр устья 8,8 см, высота ножки 2 см, диаметр ножки 3,8 см) и коричневоглиняный закопченный незаглаженный горшочек (рис. 13, 11) с цилиндрическим туловом (рис. 14, 48) (высота 11 см, высота венчика 2 см, диаметр венчика 8 см, диаметр тулова 10—10,5 см, диаметр дна 7 см).

Погребение 6 представляло собой длинную прямоугольную грунтовую яму с закругленными углами, перекрытую тремя крупными плитами неправильных форм ($0,82 \times 0,45 \times 0,05$ — 0,07 м,

$0,84 \times 0,62 \times 0,07$ — 0,09 м, $0,7 \times 0,72 \times 0,06$ — 0,08 м). Яма ориентирована длинной стороной по линии С—Ю с небольшим отклонением (рис. 15). Размеры ямы: длина 1,52 м, ширина 0,43 м, глубина 0,3 м. Очевидно, как и в погр. 5, плиты перекрытия были уложены на заплечики, однако верхняя часть могильной ямы не сохранилась в результате земляных работ при возведении стены цитадели VI в., плиты которой частично лежат на перекрытии погр. 6. Заполнение ямы представляет однородный мягкий, рыхлый грунт темно-серого цвета с включением угольков, в нижней части которого, у дна, обнаружено 2 куска кремня (рис. 17, 79, 80).

На дне ямы, в центральной части, была обнаружена бронзовая витая гривна (рис. 15, 5; 16, 1). В ее площади и частично вне ее, южнее, прослежен слабый костный тлен, три мелких кусочка черепной коробки и зубы ребенка 6—8 лет. Других каких-либо костных человеческих остатков в погребении не зафиксировано. Здесь же обнаружены стеклянный (голубой, желтый) бисер (389 экз.) (рис. 17, 1—6), стеклянные многочленные (6 экз.) бусы (рис. 17, 14, 15, 17), сердоликовая (рис. 17, 20), гагатовая (рис. 17, 16), 6 янтарных (рис. 17, 30, 31), 14 стеклянных бус (рис. 17, 21, 22, 32—34, 39, 76, 77). Рядом с гривной, южнее, лежали две брон-

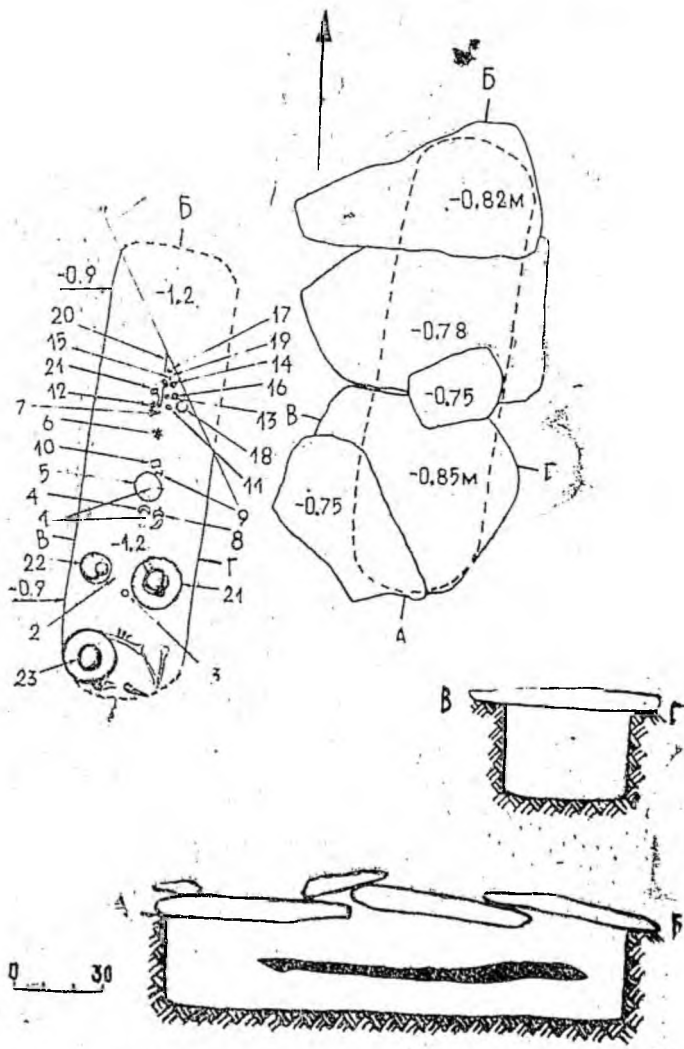

Рис. 15. Погребение 6. Планы и разрезы

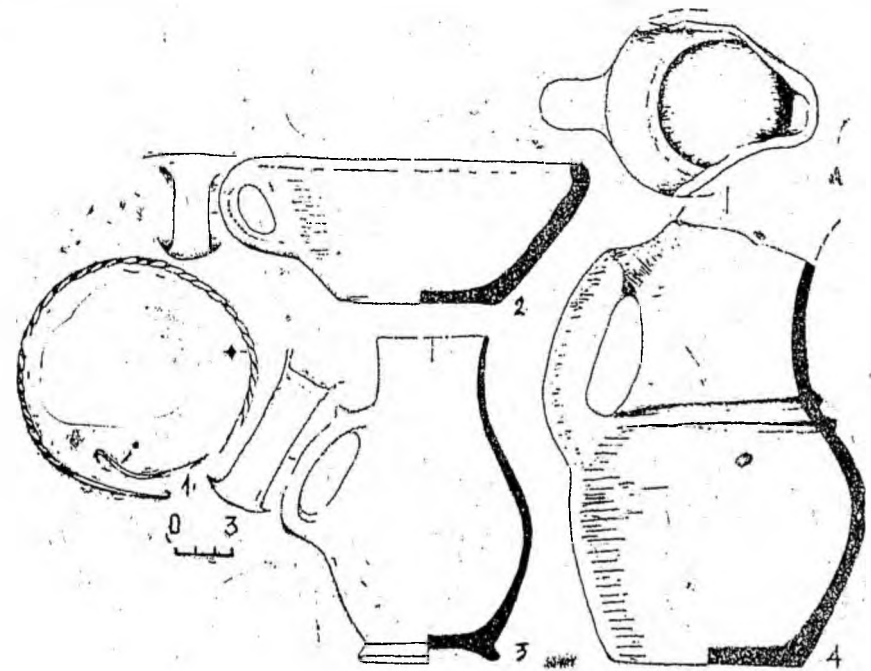

Рис. 16. Инвентарь погр. 6

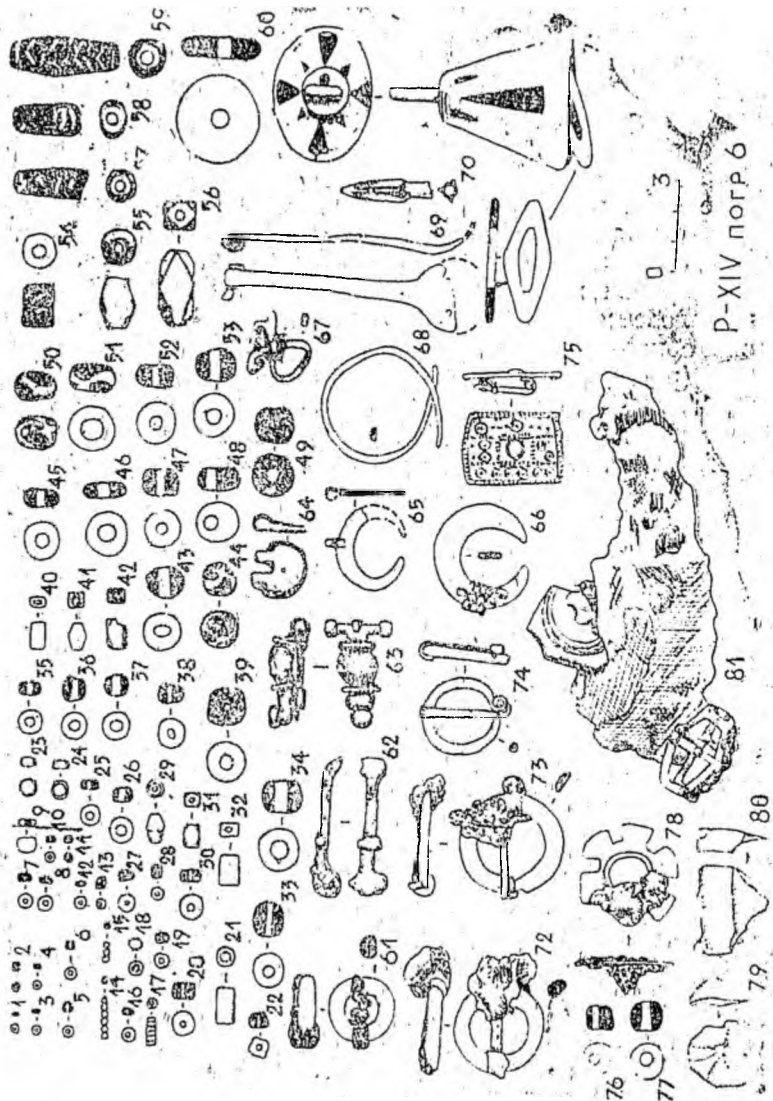

Рис. 17. Инвентарь погр. 6

злые лунницы (рис. 15, 4, 8), к одной из которых прилип стеклянный бисер (рис. 17, 65, 66); севернее — бронзовая фибула (рис. 15, 9; 17, 63) и бронзовая с серебряной листовой орнаментированной обкладкой прямоугольная брошь (рис. 15, 10), в центре которой имелась вставка из хрусталя (?) (рис. 17, 75).

Севернее гривны, вдоль центральной оси погребения, были обнаружены: бронзовая шестилопастная пластинчатая пряжка с железным язычком (рис. 15, 6; 17, 78) и далее компактной группой бронзовые сюльгама (рис. 15, 11; 17, 74), пластинчатая круглорамчатая пряжка (рис. 15, 12; 17, 73), щиток пряжки (рис. 15, 13; 17, 64), проволочный браслет с заходящими концами (диаметр 3,5 см) (рис. 15, 18; 17, 68), колокольчик с прорезями (рис. 15, 14) и с бронзовым язычком (рис. 17, 71), трехперый с отверстием на втулке наконечник стрелы (рис. 15, 15; 17, 70), согнутая ухвертка (?) (рис. 15, 17; 17, 67), ложечка с остатками тесьмы (рис. 15, 19; 17, 69), круглорамчатая пряжка с железным язычком (рис. 15, 16; 17, 72), железный язычок пряжки (?) (рис. 17, 62), кусок железной кольчуги (?) со следами ткани и прилипшими бронзовыми ажурной подвеской (рис. 15, 20) и обломком зеркала с центральной петлей (рис. 17, 81). Здесь же была обнаружена пряжка с круглой стеклянной рамкой и железным язычком (рис. 15, 7; 17, 61), стеклянный бисер (18 экз.) (рис. 17, 7, 8, 10—13), 25 бронзовых бус (рис. 17, 23, 24), 3 гагатových (рис. 17, 25, 55, 56), 1 хрустальная — четырехгранник, 4 мелких янтарных цилиндрических и шестигранной формы и 33 стеклянных и пастовых (рис. 17, 26—29, 35—54, 57—59) бус и раковина каури.

Часть погребального инвентаря, как и в погр. 5, находилась в южной части ямы. Здесь стояли коричневоглиняный лощеный кувшин (рис. 15, 22; 16, 3) с ленточной ручкой и на кольцевом поддоне (высота кувшина 17,5 см, высота горловины 6 см, высота наибольшего расширения тулова 7,5 см, высота поддона 1 см, диаметр венчика 6 см, наибольший диаметр тулова 10,5 см, диаметр поддона 7 см) и коричневоглиняный лощеный кувшин (рис. 15, 21) с отбитым в древности сливом и пробитым на тулове отверстием (рис. 16, 4) (высота 24 см, высота тулова 14 см, высота наибольшего расширения тулова, 8,5 см, меньший диаметр горла 9 см, наибольший диаметр тулова 16 см, диаметр дна 10,5 см). Рядом с первым кувшином лежали стеклянный бисер (15 шт.) и мелкая каплевидная янтарная бусина (рис. 15, 2). Около второго кувшина — дисковидное керамическое пряслице (рис. 15, 3; 17, 60). У южной стенки ямы находилась коричневоошечная миска с ленточной ручкой (рис. 15, 23; 16, 2) (высота 7,5 см, диаметр устья 17 см, диаметр дна 8,5 см) и кости ноги и лопатка козы.

Выявленные погребения имеют между собой много общего как в обряде, так и в инвентаре. Все они совершены в узких длинных ямах прямоугольной или овальной формы. Две из них имели частичную обкладку стенок ямы каменными плитами

(погр. 2 и 4), причем обкладывались изголовье и туловище; три — перекрытия из массивных плит (погр. 2, 5, 6)*. В детских погребениях 5 и 6, а, вероятно, и во взрослых, ямы имели заплечики для укладки плит перекрытия. Подобные погребальные сооружения — грунтовые ямы, в том числе с частичной обкладкой камнем и перекрытием из плит, были распространены на территории Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана в албанский и раннесредневековый периоды (3, с. 79, 80). Особенности конструкции погр. 4 — ниша в торцевой стенке — находит параллель в подкурганном ямном захоронении (курган № 28) Паласа-сыртского могильника (4, с. 149), которое, как и другие ямные погребения, оставлены, по мнению автора раскопок, местным населением (5, с. 21).

Две погребальные ямы ориентированы с незначительным отклонением по линии З—В (погр. 2, 3), четыре — по линии С—Ю (погр. 1, 4—6). Положение погребенных — вытянуто на спине, головой на Ю (погр. 1, 4) или В (погр. 2, 3). В двух детских погребениях, представляющих захоронения отдельной головы, подразумевалась также южная ориентировка. На это указывают ориентировка ямы и общая характерная черта погребального обряда — положение керамической посуды и жертвенного животного в изголовье, у торцевой стенки, в данном случае у южных стенок. Показательной деталью обряда предстает вытянутое положение рук вдоль туловища, кистями на тазу. В трех случаях руки были немного согнуты в локтях и кистями покоились на тазовых костях (погр. 1—3). У трех погребенных (погр. 2—4) кости ног сведены в коленях.

Присущей чертой является наличие жертвенного животного, точнее его части (нога, лопатка, ребра). Таковыми чаще выступают баран или коза, жертвоприношение которых зафиксировано в четырех из шести погребений.* В четырех случаях рядом лежал жертвенный нож (небольшие ножи с кривой спинкой), которым, очевидно, разделывалась туша. Жертва помещалась в изголовье погребенного у торцевой стенки. Там же укладывались и керамические сосуды. Названная деталь обряда — устройство жертвенника или выбор места для положения закланной жертвы (его части) и посуды в изголовье погребенного — нередко наблюдается в погребальном обряде Дагестана позднеалбанского времени (6, с. 49).

В двух женских погребениях (1 и 2) и в детском погр. 6 в изголовье были уложены и пряслица (соответственно 3, 7 и 1 экз.). Обычным в женских погребениях выступают зеркала, которые были обнаружены у таза, в области живота. Судя по месту находок зеркал, оставшимся на них следах тонкой ткани и наход-

кам рядом предметов поясной гарнитуры, они, очевидно, носились в мешочках, подвешенных к поясу. Наличие пряслиц и зеркала предстает характерным признаком женского погребения. Учитывая это, детское погр. 6, в котором были найдены пряслица и обломок зеркала, вероятно, следует признать принадлежащим девочке. Возможно, принцип пола распространялся не только на взрослых, но и на детские погребения. Не исключено также, что положение кистей рук на таз — характерная черта женских погребений.

Присутствие в могилах части жертвенного животного, обломка зеркала (погр. 6), фрагмента браслета (погр. 1), фрагмента стеклянного сосуда (погр. 4) указывают на существование правила «pars pro toto». С ним, очевидно, был связан обычай порчи инвентаря, который помимо вышеназванных фактов подтверждается найденными обломками ножей (погр. 1, 4), обломанной туалетной ложечки (погр. 6), пружины от фибулы (погр. 5), отделенных и разорванного щитков от пряжек (погр. 2, 5, 6), свернутых браслета (?; погр. 5) и ухвертки (?; погр. 6). Наглядно этот обычай представлен на примере керамики: в каждом погребении один из сосудов несет следы древнего повреждения — отбивался венчик (или часть его) или пробивалось отверстие в тулове, что находит аналогию в погребальных памятниках Дагестана албанского времени (3, с. 85). Об этом же обычае свидетельствует находка в погр. 4 наверхия-диска, отломанного от рукояти меча и положенного у основания клинка. Идентичный пример порчи меча отмечен в кургане № 3 могильника Абганеры позднесарматского времени на Нижнем Дону (7, с. 72—73; цит. по: 8, с. 112).

Выразительной чертой погребального обряда, наблюдаемой в детских погребениях, является захоронение только головы ребенка в сопровождении богатого инвентаря. В этой детали обряда, как нам представляется, нашло отражение широко распространенное у древних понятие о голове как вместилище души, олицетворении личности человека (3, с. 48—49; 6, с. 83). Вместе с тем данные погребения (наряду с другими подобными), противопоставляемые безынвентарным захоронениям черепов при центральных погребениях, еще раз подтверждают вывод о принадлежности последних социально-зависимой группе общества (военнопленные, рабы) и о существовании ритуала человеческих жертвоприношений в погребальном обряде населения Дагестана албанского времени (3, с. 49; 6, с. 83).

Среди других деталей погребального обряда отметим положение в могилу кусочков кремня (погр. 4, 6), охры (погр. 4), низки бус в изголовье (погр. 4—6) и на грудь погребенного (погр. 3), бронзового наконечника стрелы — амулета (?) (погр. 6). Эти микродетали обряда встречаются, хоть и спорадически, на территории как Дагестана, так и сопредельных областей. В частности, бронзовые наконечники стрел скифского типа находили в погребениях первых вв. н. э. Зеленоморского кургана (погр. 24),

*. Возможно, в погребениях 1, 3 и 4 плиты перекрытия не сохранились.

*. Вероятно, жертвенное животное было положено и в погр. 3, но данная часть могильной ямы оказалась разрушена традицией под стеной цитадели.

могильника Самтавро (9, табл. XXX, 15), Подкумского могильника (погр. 14; 10, с. 151, рис. 22, 14); куски кремня или кремневые ретушеры-огнива — в погребениях Карабудахкентского № 1 (погр. №№ 38, 80; 11, с. 182, 193, рис. 19, № 371, рис. 33, №№ 106, 107), Таркинского (погр. 19; 12, с. 236), Ленинкентского (13, с. 146, рис. 26, 22), Подкумского (погр. 7, и 11; 10, с. 155), Паласа-сыртского (кург. № 16; 4, рис. 3, 16) и др. могильников.

Интерес представляет и такая деталь обряда, как положение кинжала (с боковыми вырезами у пяты клинка) у правого плеча погребенного, рукоятью к ногам (погр. 4). А. М. Хазанов, исследуя условия находок оружия в погребениях сарматского времени, обратил внимание на то, что именно такие кинжалы (тип 5) на Северном Кавказе, как правило, клали у головы погребенного (8, с. 116), а в склепе № 1 Инкерманского могильника (Крым) он был найден в абсолютно идентичном положении (14, с. 295). Такое же, как и в погр. 4, расположение аналогичного оружия наблюдалось в погр. 11 зихского могильника Сопино V—VI вв. (30, с. 96, рис. 2, 1, с. 104, рис. 10, 2, 5). Очевидно, эти параллели носят не случайный характер, но в настоящее время мы не в состоянии судить о происхождении и смысловой нагрузке этой детали обряда, как, впрочем, и некоторых других вышеприведенных. Они могут свидетельствовать об общности многих культурных традиций — от элементов обряда до его основополагающих черт — у населения Северного Кавказа от Прикубанья до Дагестана и, несомненно, их сравнительно-историческое изучение требует специального исследования. Передатчиками этих традиций, как представляется, могли выступать кочевые племена Северного Кавказа.

В представленных погребениях Дербентского могильника проявляются обрядовые черты, которые возникли под влиянием погребального культа сарматских племен, оседавших на территории Приморского Дагестана и вступавших в тесные политические, экономические, культурные, этнические контакты с местным населением (15, с. 49—50; 16). К таким чертам обряда можно отнести вытянутое на спине труположение, положение кистей рук на тазе, сведенные коленные суставы погребенных, использование в качестве жертвенного животного мелкого рогатого скота и положение в могилу части жертвы и рядом жертвенного ножа, положение в могилу зеркал и кусков кремня, обычай порчи инвентаря, положение низки бус в стороне от погребенного. Контакты с сарматскими племенами, а через их посредство и с другими, нашли отражение и в инвентаре погребений (сюльгама, шестилостная пряжка, лучковая фибула, ажурная подвеска, оружие, различные виды бус). Возможно, что сарматское влияние нашло отражение в способе крепления и ношения оружия; наглядно представленном в погр. 4. Как свидетельство культурных импульсов сарматских племен может рассматриваться легкая деформация на хорошо сохранившихся черепах в погр. 1 и 4, известная

также в захоронениях Хабадинского могильника (13, с. 119) и Буйнакского кургана (31, с. 59).

Общность выявленных погребений прослеживается не только в погребальном обряде, но и в инвентаре: керамике, украшениях, орудиях труда, туалетных принадлежностях. Наиболее ярко это единство наблюдается в общих типах поясных пряжек, гривн, зеркал.

Открытые погребения представляют одну хронологическую группу, хорошо укладывающуюся в рамки II—IV вв., и совершенны были они, очевидно, в течение относительно узкого временного промежутка. На такую датировку прежде всего указывают поясные пряжки, обнаруженные в каждом погребении (всего 24 экз.). Это наиболее многочисленные круглорамчатые безщитковые и с простейшими щитками круглой, овальной, прямоугольной формы пряжки, широко распространенные в позднесарматское время (II—IV вв.) и особенно в IV—V вв. (17, с. 117, 132; 18, с. 15—16). Такой датировке не противоречат и зооморфные пряжки сугубо местного производства (погр. 2, 3, 5), находящиеся адалогии, в частности, среди материалов Урцекского могильника, где они датируются концом II — началом V в. (19, с. 219—222), и бронзовые зеркала с центральной петлей и простым рельефным орнаментом из концентрических окружностей, получившие распространение с середины — конца II в. н. э.

В предложенные хронологические рамки укладывается и другой показательный инвентарь: сюльгама и шестилостная пряжка из погр. 6 (11, рис. 4, № 177, 33, № 64, 37, № 26, 40, №№ 65, 107, 108; 17, с. 131, 134; 20, рис. 6, 13, 15), поясные наконечники простой формы из погр. 2 и 4 (17, с. 135; 20, рис. 7, 1), лучковая подвязная фибула (11, рис. 40, № 62; 12, рис. 17, 3; 21, с. 48), оружие из погр. 4, а именно меч без перекрестия с плавным переходом от клинка к рукояти и с халцедоновым навершием диском (8, с. 17, 21; 22, с. 154, 155, 164, 166; 23, табл. 2, 1), кинжалы с прямым перекрестием (8, с. 17; 23, табл. 2, 7, 3, 37) и с боковыми вырезами у основания клинка (8, с. 17; 17, с. 127; 22, с. 159; 23, табл. 2, 2, 3, 5, 6; 3, 35, 36). Подтверждают предложенную дату и наборы бус, в частности стеклянные грушевидные из погр. 1 (24, с. 72), гагатовые в виде топориков из погр. 2 и 4 (24, с. 19), янтарные грибовидные из погр. 3 (24, с. 25), характерные для этого времени.

К III—IV вв., помимо названных выше предметов, относятся и другие находки из погребений могильника, которые были распространены на территории Дагестана и являются предметами местного производства. Это: небольшие бронзовые подвески в виде бычьих голов, конусовидные и пирамидальные с прорезьями, литая фибула арбалетного типа с полусферическим щитком и утолщениями на концах.

Исследованные погребения Дербентского могильника стоят в одном хронологическом ряду с погребениями Буйнакского

кургана, Цыйшинского, Калкинского, поздними комплексами Таркинского, Карабудахкентских, Хабардинского, Урцекских могильников, с которыми имеют много общих черт в материальной и духовной культуре, представленной в них.

Выявленные погребения представляют интерес в плане их социальной интерпретации, изучения социальной дифференциации и стратификации местного общества.

Все захоронения сопровождал относительно богатый и выразительный инвентарь, количество и качество которого может свидетельствовать о высоком имущественном и социальном положении погребенных. Прежде всего, следует обратить внимание, что в представленных женских погребениях, помимо обычного погребального инвентаря (бусы, керамика), присутствуют зеркала, выступая их специфическим признаком. Причем зеркала встречаются в различных сочетаниях с другими предметами. Например, в погр. 1 при погребенной были обнаружены зеркало, 2 пряжки, серьги, брошь и низка из 23 бусин (стекло, паста, сердолик). В погр. 2 сопутствующий инвентарь чуть представительней, хотя здесь и отсутствуют серьги: зеркало, 5 пряжек (из которых 2 массивных зооморфных), лунница и низка с многочисленным бисером и 13 бусинами (гагат, стекло). Особым богатством выделяется погр. 3, при котором, кроме зеркала, 6 пряжек и низки из многочисленных бус (паста, янтарь, стекло, гагат, сердолик), находились бронзовые гривна, браслеты, перстень и отдельно положенное на грудь умершей ожерелье из крупных бус и подвесок. Последние (в особенности, гривны и перстни), как и зеркала, сопровождающие далеко не каждое женское погребение рассматриваемого времени на территории Дагестана, выступают социальными символами — явление широко распространенное в древних обществах. Помимо суммарного, количественного состава погребального инвентаря, отмечающего имущественное положение, эти предметы подчеркивали прижизненный высокий социальный статус их хозяев.

Также и в мужском погр. 4, сопровождавшемся длинным мечом и двумя массивными кинжалами (помимо обычного инвентаря), количество и состав оружия могут указывать на место и роль погребенного в обществе, в военной организации, на его принадлежность, очевидно, к всаднической прослойке.

Особо следует остановиться и на социальной интерпретации детских погребений. Параметры их могильных ям сходны со взрослыми погребениями, уступая последним немного в длине. Состав же и количество погребального инвентаря весьма представительны и не уступают таковому взрослых погребений. Отметим наличие в обоих детских погребениях шейных гривн. Инвентарь, сопровождающий погребенных детей, подчеркивает, как представляется, не их возраст, а их социальный статус. В этих погребениях наглядно видно, что общественное положение ребенка было обусловлено его принадлежностью к конкрет-

ному социальному слою, а не возрастом, и определялось сословно-правовым рангом его родителей, который, очевидно, передавался по наследству.

Все рассмотренные погребения в аспекте их социальной интерпретации принадлежат, по всей видимости, представителям одного социального слоя. Вместе с тем, концентрация на одном участке различных по половозрастному принципу, но близких по богатству погребального инвентаря захоронений может служить указанием на территориальное выделение на некрополе Дербента групп погребений, принадлежащих членам общества, которые занимали при жизни высокое социальное положение, представляли одну сословно-правовую категорию и, возможно, были связаны родственными узами.

Рассматривая настоящие погребальные памятники, как отражающие существовавшую объективную социальную реальность, можно констатировать, что они свидетельствуют о глубокой социальной дифференциации и стратификации дербентского общества позднеалбанского времени, характеризуют его как общество раннеклассовое с уже существующим сословно-правовым делением и принципом наследования. На это указывает весь комплекс археологических материалов Дербента албанского времени, констатирующий значительные сдвиги в социально-экономическом развитии местного общества в этот период (25, с. 86—94, 105—107; 26, с. 129—135, 139; 27, с. 22—34). Об этом свидетельствует и упоминание в надписи в Пайкули (не ранее 293 г.) правителя (xwaday) Дербента (Дзора), прибывшего вместе с царями маскутов, Иберии, Мугана, Сикана и другими владетелями ко двору шаханшаха Нарсе (28, bl. H—3; 29, с. 53—54):

1. Гаджиев М. С. К изучению исторической топографии памятников албанского времени Южного Дагестана // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1986—1987 гг. Махачкала, 1988.
2. Кудрявцев А. А. К вопросу о социальной стратификации и дифференциации в дербентском обществе албанского времени // Там же.
3. Гаджиев М. С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I—VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
4. Гмыря Л. Б. Паласа-сыртский могильник: (по материалам раскопок 1981—1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
5. Гмыря Л. Б. К этнической интерпретации погребений Паласа-сыртского могильника // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Орджоникидзе, 1986.

6. Гаджиев М. С. К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени. // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
7. Рыков П. С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. ИВИК. Саратов, 1931. Т. IV.
8. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
9. Апхазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси, 1972. Груз. яз.
10. Абрамова М. П. Подкумский могильник. М., 1987.
11. Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.
12. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. // МИА. 1951. № 23.
13. Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
14. Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. Вып. IX.
15. Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. Дагестан и сармато-аланский мир (к проблеме контактов и взаимовлияний) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988.
16. Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. Историческая роль Дербента во взаимоотношениях кочевых и оседлоземледельческих народов Кавказа: Тез. докл. (в печати).
17. Абрамова М. П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
18. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки // САИ. М., 1979. Вып. Е 1—2.
19. Маммаев М. М. Зооморфные пряжки Урцекского могильника // СА. 1970. № 4.
20. Маммаев М. М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // УЗ ИИЯЛ. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1969. Т. 19. Кн. 2.
21. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д — 30.
22. Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
23. Петренко В. А. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н. э. — IV в. н. э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблема хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
24. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г 1—12.
25. Кудрявцев А. А. Древние поселения на дербентском холме: (досасанидский период формирования исторической топографии Дербента) // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
26. Кудрявцев А. А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
27. Гаджиев М. С. Ремесла и промыслы Дербента албанского времени // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.

28. Humbach H., Skjarvo P. O. The Sasanian Inscription of Paikuli. Part 2. Wiesbaden. 1980.

29. Касумова С. Ю. Южный Азербайджан в III—VII вв. Баку, 1983.

30. Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

31. Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС II—III вв.
НА ПОСЕЛЕНИИ ГАНЗИР (Табасаран)**

Поселение Ганзир, выявленное в 1973 г. А. А. Кудрявцевым и датированное албанским временем, расположено в предгорном Табасаране у восточной окраины покинутого и разрушенного сел. Ганзир и занимает территорию площадью 3—4 га на высоком, овальной формы отроге хребта Гюннар. При исследованиях 1986 г. в восточной части поселения был открыт погребальный комплекс, включающий захоронения в каменном склепе, погребения частей жертвенных животных и погребальный костер (1, с. 7—8).

Перекрытие склепа находилось на глубине — 0,32—0,66 м от современной дневной поверхности и состояло из трех крупных плит толщиной 9—13 см и пяти плит среднего размера толщиной 6—10 см (рис. 1; 2). Яма для сооружения склепа была вырыта в культурном слое и частично в материке. С этой же целью склон отрога был эскарпирован и снивелирован, при этом высота эскарпа составила более 1 м при ширине ок. 3 м. Склеп ориентирован продольно остью по линии ССЗ—ЮЮВ, перпендикулярно склону. При строительстве склепа были возведены две продольные стенки, сооруженные из плитчатого камня средних размеров (18×20×6 см, 24×26×10 см, 36×24×8 см, 40×28×12 см, 52×32×12 см, 72×?×12 см) без связующего раствора в высоту на 0,4—0,6 м (4—6 рядов кладки). Длина западной стенки 2,3 м, восточной — 2,2 м. Внутренние размеры склепа составляют 2,3×0,85 м. Южная поперечная стенка у склепа отсутствует, т. к. этой стороной склеп (торцы продольных стенок) упирается в эскарпированный срез плотного материка. С северной стороны находился вход (лаз) в склеп, прикрываемый овальной плитой размерами 84×45×5—6 см, положенной наклонно. В период бытования склепа вход в него, очевидно, не был скрыт и находился на древней дневной поверхности. Позднее со смывом и оплывом культурного слоя вниз по склону вход в склеп оказался засыпанным. Дно склепа находилось на глубине — 0,42—0,54 м от перекрытия и было тщательно выровнено и утрамбовано.

Заполнение склепа представляло рыхлый серый грунт мелкой консистенции. В заполнении в основном на глубине 0,2—0,3 м от перекрытия склепа обнаружены: пряжка-сольгама (рис. 3, 80), 21 гагатовая (рис. 3, 29, 30, 36, 38, 41, 42, 51, 52, 56, 73—75),

5 сердоликовых (рис. 3, 59, 62, 67, 72), 4 стеклянных (рис. 3, 46, 66, 68) и 3 пастовых бусины (рис. 3, 45, 55, 59).

На уровне дна склепа расчищен костяк погребенного очень плохой сохранности, от которого сохранились костный тлещ и частично берцовые кости и кости черепа (фрагмент нижней челюсти и кусочки затылочных костей). По сохранившимся *in situ* костям определяется поза погребенного — он был положен вытянуто на спине, головой на ЮЮВ (рис. 2). Слева от изголовья погребенного, вплотную у западной стенки склепа, обнаружено

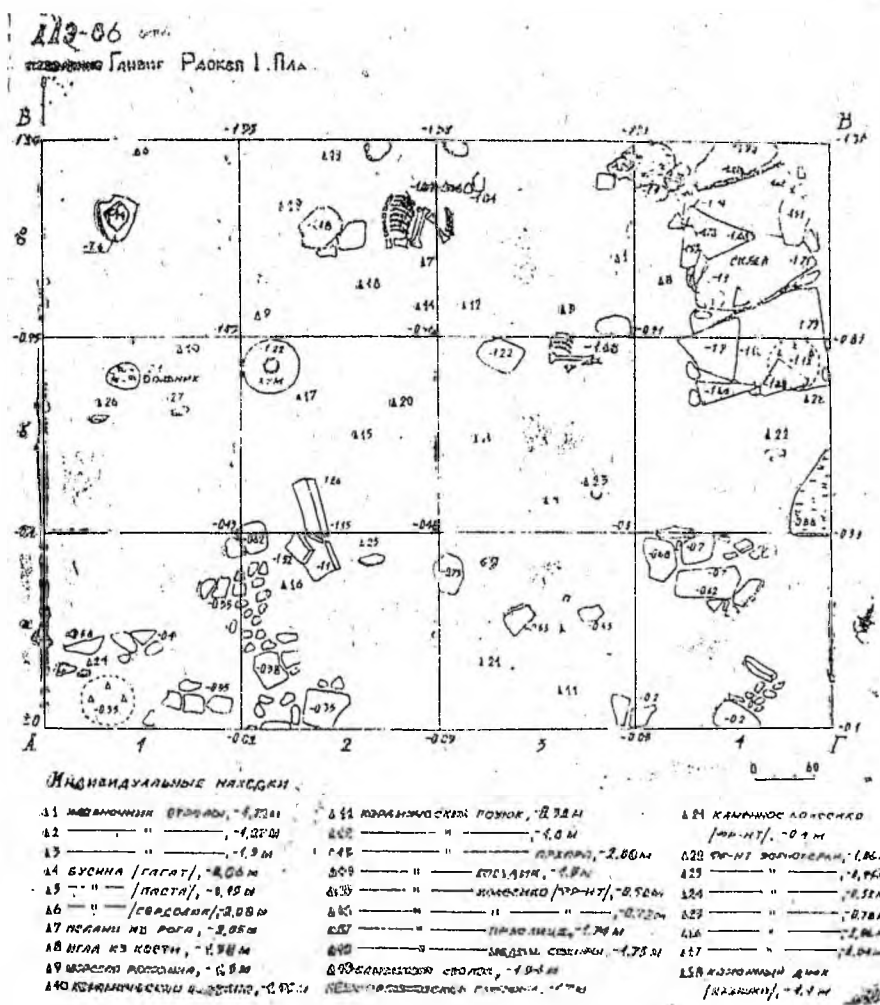

Рис. 1. План раскопа

скопление человеческих костей* — кости рук, ног, ребра, лопатка, позвонки, тазовые кости, лежавших без анатомического порядка и принадлежавших женщине 28—38 лет. Слева от грудной части погребенного, вплотную у западной стенки склепа, обнаружено небольшое скопление костей (4 кости) пожилой женщины, лежавших без анатомического порядка; здесь же лежали кости птицы (голубя или курицы) и по одной кости конечности крупного рогатого скота и оленя. Справа от изголовья погребенного, вплотную у восточной стенки склепа, было расчищено небольшое скопление человеческих костей, из которых 6 костей принадлежали женщине и 9 костей — ребенку (девочка?) 10—12 лет. По всей видимости, выявленные скопления костей принадлежат раннее погребенным в склепе. На это указывает их положение, а также обнаруженная кость взрослого человека, найденная в засыпке могильной ямы над плитами перекрытия. Очевидно, при положении в склеп последнего умершего кости предыдущих погребенных были частично вынуты, частично сдвинуты к стенкам склепа.

Под костным тленом и фрагментами затылочных костей черепа основного погребения обнаружен наконечник копья, положен-

4А-86 Глинян Склеп Плян

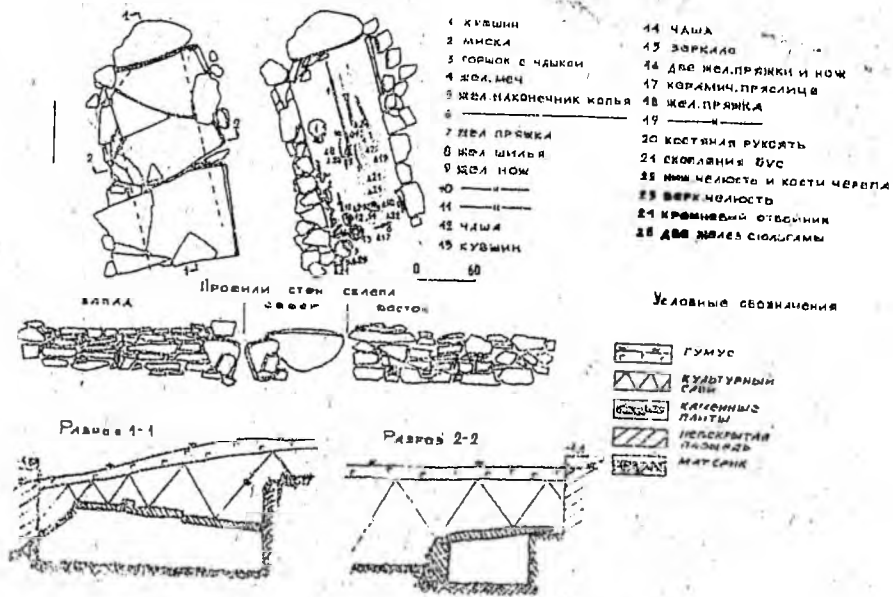

Рис. 2. Склеп. План, профили стен и разрезы

ный поперек склепа (рис. 4. 1). Рядом с ним ближе к южной части склепа лежало керамическое пряслице (?) (рис. 3, 82). Слева от изголовья погребенного, на боку, лежала чаша на ножке (рис. 5, 2), рядом с ней — скопление бус (57 гагатových, рис. 3, 4; 5 стеклянных, рис. 3, 9, 10, 19, 20), 2 пряжки (рис. 3, 86, 87) и ножичек с согнутым лезвием (рис. 3, 90). В юго-западном углу склепа обнаружен лежавший на боку горшок (рис. 5, 5) с миниатюрной чашечкой внутри его, которая оказалась почти полностью рассыпавшейся (рис. 5, 3). Здесь же, но несколько ближе к изголовью при расчистке найден кувшин (рис. 5, 7), положенный вертикально в углу в небольшую яму, так, что верх его горловины находился на уровне дна погребения. Контуры ямы, которая частично заходила и под кладку южного конца западной стенки склепа, проследить не удалось. Здесь же в яме, ближе к стенке склепа и частично под кладкой стенки, обнаружены связка бус, включавшая 31 гагатovou (рис. 3, 1—4), 27 сердоликовых (рис. 3, 5—7, 12—14, 22—24), 8 стеклянных (рис. 3,

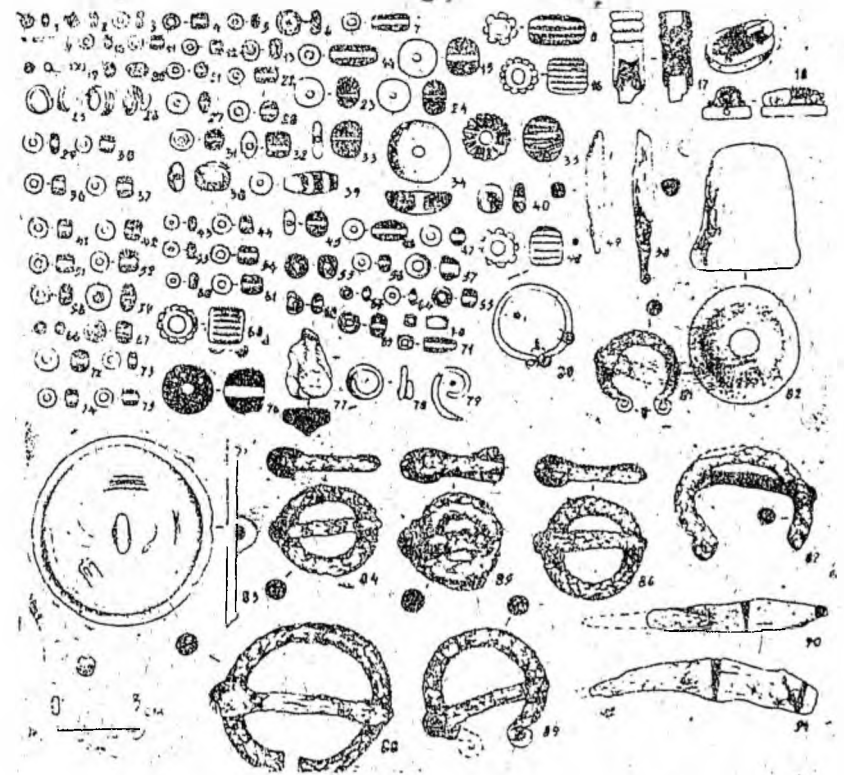

Рис. 3. Погребальный инвентарь

* Все определения костных остатков произведены к. б. н. К. Н. Золотовым, за что приношу ему искреннюю признательность.

8, 16, 27, 28, 33, 34), 3 пастовых (рис. 3, 35, 38, 39), хрустальную (рис. 3, 32), каменную (рис. 3, 15) бусины, плакетка со львом (рис. 3, 18), две медных спиральных подвески (рис. 3, 78, 79), две сьюлгамы (рис. 3, 81, 89), а также череп (шейные позвонки, обе челюсти, лицевые и лобные кости, осколки плохо сохранившейся черепной коробки), принадлежавший женщине 50—55 лет.

В области груди погребенного была обнаружена пряжка (рис. 3, 85), немного ниже, ближе к животу, — скопление бус (17 гагатовых, рис. 3, 4; 6 сердоликовых, рис. 3, 5; 14 стеклянных, рис. 3, 46, 47, 57, 63—65, 69—71). Еще две пряжки (рис. 3, 84, 88) лежали на уровне пояса погребенного. Между берцовыми костями обнаружены пастовая бусина (рис. 3, 76) и кусок кремня (рис. 3, 77).

Слева от погребенного, вдоль левой конечности, был положен длинный меч (рис. 4, 5). У рукояти меча, по обе ее стороны, лежали два ножа (рис. 4, 1, 2); слева от рукояти — поломанный надвое наконечник копья с куском древка во втулке (рис. 4, 3);

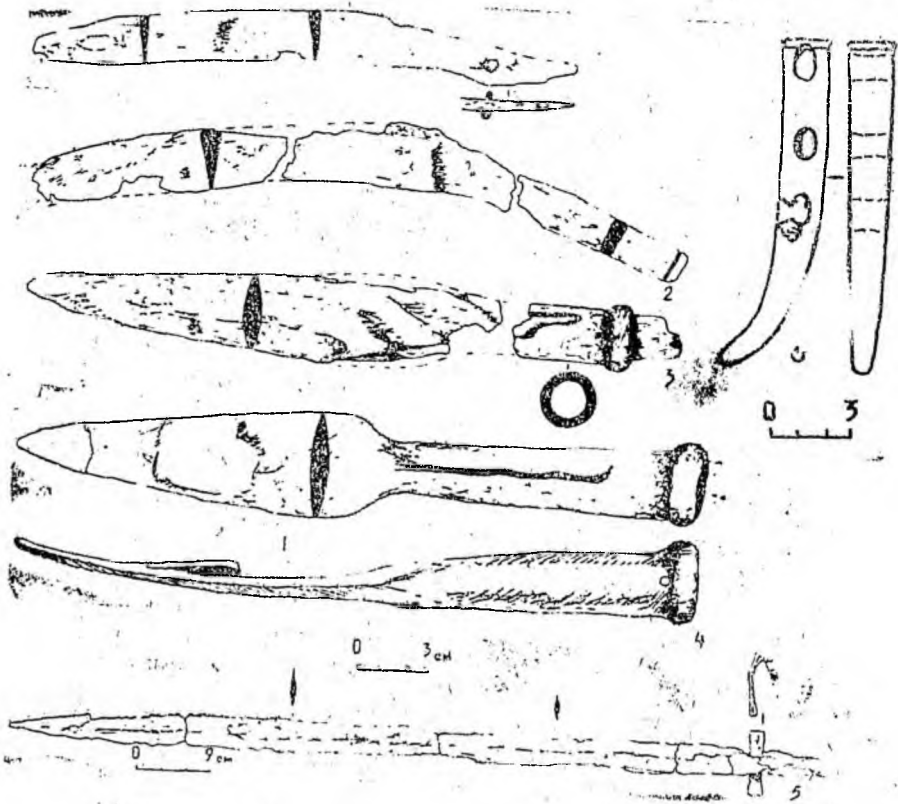

Рис. 4. Погребальный инвентарь

справа от лезвия меча, ближе к перекрестию, был положен ножичек (рис. 3, 91). Рядом с наконечником копья, ближе к западной стенке склепа, найдены фрагменты трех (?) железных шильев с деревянными ручками (рис. 3, 49, 50) и костяная рукоять шила (рис. 3, 17).

На уровне берцовых костей погребенного, вплотную у западной стенки склепа, стоял кувшин (рис. 5, 6), а на уровне груди также вплотную к западной стенке, между сдвинутыми к стенке костями, лежала положенная на ребро миска (рис. 5, 4). Еще одна чаша на ножке (рис. 5, 1) найдена под костным тленом погребенного, в области груди.

В заполнении склепа и на уровне погребения встречены мелкие древесные угольки. В области пояса погребенного найден небольшой кусочек извести, два кусочка лежали у изголовья, возможно, не являющиеся ритуальными предметами в данном случае.

Справа от входа в склеп на уровне нижней отметки входной плиты обнаружены остатки костра в виде пятна (рис. 1) толщи-

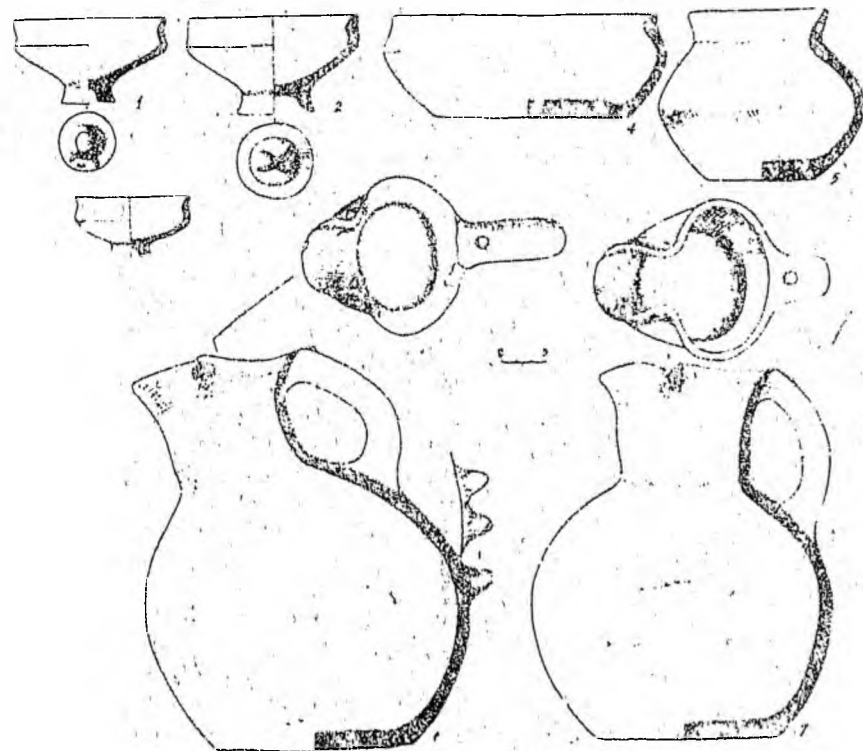

Рис. 5. Погребальный инвентарь

ной 2—3 см, овальной формы (41×52 см) с прокаленной землей и золой.

Очевидно, к захоронению в склепе имеет отношение погребение части жертвенного животного (передняя половина туловища лошади), обнаруженное в 2,3 м к западу от склепа (рис. 1). Могильная яма погребения лошади не прослежена. Возможно, с этим погребением связан найденный рядом псаллий из рога (рис. 4, 6). К описанному погребальному комплексу, очевидно, относится и найденная на расстоянии 1 м к западу от склепа левая передняя четверть лошади (рис. 1).

Погребальный инвентарь склепа представлен керамикой, предметами вооружения, украшениями, орудиями труда, туалетными принадлежностями.

Керамика представлена двумя кувшинами, тремя чашами, миской и горшком. Все они имеют черную или серую лощеную поверхность и хорошо отмученное, без заметных примесей тесто серого или коричневого цвета.

Кувшин с ойнохоевидной горловиной, смещенной немного набок (рис. 5, 6). По обе стороны слива пуговичные налепы. В верхней части ручки, у венчика, — такой же налеп. Ниже ручки, в месте наибольшего расширения тулова, — два сосцевидных налепы, расположенных горизонтально. Размеры сосуда: высота — 27,5 см, высота наибольшего расширения тулова — 10,5 см, высота горловины — 9 см, диаметр дна — 13,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова — 23 см, диаметр горловины — 9 см, диаметр венчика — 11 см.

Кувшин с ойнохоевидной горловиной (рис. 5, 7). В верхней части ручки — пуговичный налеп. Размеры кувшина: высота — 26 см, высота наибольшего расширения тулова — 9,5 см, диаметр горловины — 9 см, больший диаметр венчика — 12,5 см, меньший диаметр венчика — 11 см, диаметр наибольшего расширения тулова — 21 см, диаметр дна — 13 см.

Чаша на кольцевой ножке с прямыми стенками и немного вогнутым бортиком (рис. 5, 1). Размеры чаши: высота — 5,8 см, высота бортика — 1,8 см, высота ножки — 1,7 см, диаметр устья — 10,5 см, диаметр нижней части бортика — 10,7 см, диаметр ножки — 4 см. На кольцевой ножке с внутренней стороны сделан знак в виде двух насечек, между которыми расположены две точки. Такой же знак сделан на ручке чернолощеного кувшина, обнаруженной в культурном слое раскопа.

Чаша на кольцевой ножке с немного округлыми стенками и чуть вогнутым бортиком (рис. 5, 2). Размеры чаши: высота — 6,5 см, высота бортика — 2 см, высота ножки — 2 см, диаметр устья — 11,7 см, диаметр нижней части бортика — 12,1 см, диаметр ножки — 5,5 см. На внутренней стороне ножки расположен врезной знак в виде косога креста.

Чашечка на кольцевой ножке с округлыми стенками и немного вогнутым бортиком и утолщенным отогнутым наружу венчиком

(рис. 5, 3). Размеры: высота чашечки — 4,3 см, высота бортика — 1,5 см, высота ножки — 1,5 см, диаметр устья — 8 см, диаметр нижней части бортика — 8 см, диаметр ножки — 3,2 см.

Миска с загнутым внутрь бортиком и утолщенным наружу, чуть раздвоенным венчиком (рис. 5, 4). Размеры миски: высота — 7 см, высота бортика — 2,4 см, диаметр устья — 18 см, диаметр бортика — 19,8 см, диаметр дна — 13,5 см.

Горшок с биконическим туловом и утонченным, отогнутым наружу высоким венчиком (рис. 5, 5). Размеры горшка: высота — 11,5 см, высота венчика — 2 см, высота наибольшего расширения тулова — 5 см, диаметр устья — 9,5 см, диаметр отверстия — 7,2 см, диаметр дна — 7,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова — 14,3 см.

Керамический материал склепа находит широкие аналогии на памятниках Дагестана албанского времени. Это прежде всего относится к столь характерным черно- и серолощеному кувшинам с ойнохоевидной горловиной, представленным практически на всех памятниках Дагестана этого периода. Кувшин с несколько смещенной горловиной типологически близок серолощеному кувшину из погребального комплекса I—II вв. Дербентского могильника (2, с. 132; рис. 4, 50); чаши на ножке, аналогичные найденным в склепе, происходят из погребений первых вв. н. э. Урцекского № 2 (3, рис. 6, 3) и Карабудахкентского № 3 (4, с. 212, 213, рис. 38, № 87) могильников.

Предметы вооружения представлены железными мечом и двумя наконечниками копий. Меч обоюдоострый, с уплощенно-линзовидным в сечении клинком, длиной 104 см, с рукоятью и перекрестием (тип 1 по А. М. Хазанову) (5, с. 17). Длина клинка — 90 см, ширина — 3,5—4 см. Рукоять плоская, длиной 13 см, шириной 2—2,5 см. Перекрестие прямое, слегка расширенное к концам, в плане овальное; длина перекрестия 8 см, ширина 1,3—1,8 см (рис. 4, 5).

Наконечник копья (рис. 4, 4), найденный под изголовьем погребенного, имеет длинную (13 см) втулку и листовидное уплощенно-овальное в сечении перо (длиной 15,2 см). На конце втулки утолщение — кольцо и узкое отверстие для крепления древка. Кончик пера обломан; в склеп наконечник положен, очевидно, без древка.

Наконечник копья (рис. 4, 3), обнаруженный у пояса погребенного, найден в двух фрагментах (перо и часть втулки), имел листовидное уплощенно-овальное перо (длиной 19,5 см) и, по всей видимости, короткую (до 6 см) втулку. На конце втулки кольцо для упора и остатки обломанного древка.

Орудия труда, обнаруженные в склепе, представлены железными ножами (2 крупных и 2 малых), шильями и керамическим пряслицем (?).

Нож с кривой спинкой (рис. 4, 1) длиной 22 см и расположенным под углом к лезвию черешком для рукояти, сохранившаяся

длина лезвия 17 см. Ширина лезвия 2 см. На черешке сохранилась железная шпонка для крепления рукояти.

Нож с кривой спинкой (рис. 4, 2) с черешком подпрямоугольной формы. Ширина лезвия 2,5 см, сохранившаяся длина лезвия 19 см, черешка — 7,5 см.

Два небольших ножичка имеют также кривую спинку и длину соответственно 9 см (рис. 3, 90) и 8 см (рис. 3, 91).

Шилья сохранились частично и имеют круглое сечение диаметром 3—4 мм. Два шила имели деревянные ручки, от которых остался тлен (рис. 3, 49, 50), и одно — круглую костяную, гофрированную на конце диаметром 1,1 см, и длиной ок. 4 см (рис. 3, 17).

Серолощенное керамическое пряслице (?) имеет конусовидную форму с плоским основанием и округленным верхом (рис. 3, 82). Высота пряслица 4,5 см, диаметр основания 4—4,2 см.

Туалетные принадлежности представлены единственной находкой биметаллического зеркала круглой формы диаметром 6,6—6,8 см с центральной петлей и валиком по краю (рис. 3, 83). На оборотной стороне видны слабые рельефные линии, напоминающие орнамент.

К принадлежностям одежды относятся пряжки и привески.

Пряжки представлены двумя видами: круглорамчатые (4 экз.) и пряжки-сюльгамы (4 экз.). Круглорамчатые пряжки все железные, изготовлены из круглого в сечении прута. Язычки железные. Три пряжки имеют диаметр ок. 3,5 см (рис. 3, 84—86) и одна — ок. 6 см (рис. 3, 88). Пряжки-сюльгамы также изготовлены из круглого в сечении прута. Найдена (в заполнении) одна бронзовая сюльгама (диаметром ок. 3 см) с железным язычком (рис. 3, 80). Железные сюльгамы имели диаметры 3 см (рис. 3, 81), 4,5 см (рис. 3, 89) и 5 см (рис. 3, 87). На некоторых пряжках остались следы ткани простого плетения.

Привески (4 экз.) в один, полтора и два оборота изготовлены из тонкой бронзовой проволоки круглого сечения и имеют диаметр 1—1,3 см (рис. 3, 25, 26, 78, 79).

Бусы представлены 207 экземплярами. Из них 126 экз. гягатовых бус цилиндрической и уплощенно-цилиндрической формы (рис. 3, 1—4, 29, 30, 36, 37, 41, 42, 51, 52, 56, 73—75). Сердоликовые бусы (39 экз.) имеют уплощенно-цилиндрическую, цилиндрическую и эллипсоидную форму (рис. 3, 5—7, 12—14, 22—24, 40, 59, 62, 67, 72). Стекланные бусы (32 экз.) из прозрачного и непрозрачного стекла голубовато-зеленого, синего, коричневого, сиреневого, изумрудного цвета, а также бесцветные. Они имеют ребристо-цилиндрическую, округлую, округло-цилиндрическую, удлиненно-четырнадцатигранную форму (рис. 3, 8, 16, 27, 28, 33, 34, 46, 47, 57, 63, 64, 66, 68—71). Найдены одна бусина в форме узкой длинной пронызи (рис. 3, 9), две бусины с внутренней позолотой боченковидной и многочленной формы (рис. 3, 19, 20), три бусины с внутренней серебряной прокладкой уплощенно-ци-

линдрической формы (рис. 3, 10, 65, 69) и одна полосатая бусина округло-цилиндрической формы (рис. 3, 39). Пастовые бусины представлены семью экземплярами (рис. 3, 35, 38, 55, 58, 45, 76), из которых одна округло-ребристая (рис. 3, 35), одна глазчатая (рис. 3, 58), две мозаичных (рис. 3, 55, 76). Обнаружена также плакетка со львом из голубой египетской пасты (рис. 3, 18). По одной бусине представлены хрустальная (рис. 3, 32) и каменная (рис. 3, 15).

Представленный комплекс погребального инвентаря и, прежде всего, наиболее узкодатирующие предметы — железные круглорамчатые пряжки, железные и бронзовая с железными иглами и мелкими волютами сюльгамы, меч с прямым перекрестием, зеркало, набор бус, плакетка и, наконец, керамический материал (в особенности, чаши на ножке) — дают возможность отнести функционирование склепа к II—III вв. н. э. Указанные и другие предметы, составляющие погребальный инвентарь ганзирского склепа, находят широкие аналоги среди материалов памятников Дагестана и Северного Кавказа позднесарматского времени.

Часть инвентаря в склепе, а именно зеркало, пряслице, одна-две чаши на ножке, миска, часть бус, две пряжки и ножичек с согнутым лезвием, судя по их местоположению, могут быть отнесены к инвентарю ранее погребенных в склепе 2—3 женщин и ребенка. Последним в склепе был захоронен мужчина-воин. С ним, видимо, связаны захоронения частей двух лошадей, обнаруженные рядом со склепом. Очевидно, к погребению воина имеет отношение и захоронение головы женщины в специально сделанной яме в углу у южного торца склепа. Туда же, в яму, были положены кувшин, пояс (две пряжки-сюльгамы) и ожерелье из разнообразных бус. Предположение, что женский череп, помещенный в яму, мог принадлежать одной из ранее погребенных в склепе, вероятно, следует исключить. На это может указывать то, что костные остатки ранее погребенных, обнаруженные у стен склепа, были разрознены и не имели анатомического порядка, т. е. были потревожены и частично собраны после распада тканей. В яме же вместе с черепом зафиксированы и шейные позвонки, что, очевидно, исключает перезахоронение или обряд вторичного погребения и может указывать на факт человеческого жертвоприношения. Безынвентарные захоронения отдельных человеческих черепов (отсеченных голов), сопровождающие центральные погребения, известны в албанское время на территории Дагестана — этой черте погребального обряда автор посвятил специальную статью (6, с. 44—58). Наряду с ними известны индивидуальные захоронения человеческого черепа в сопровождении богатого инвентаря (Бежтинский, Дербентский могильники) (6, с. 49; 7, с. 54—61)*, в которых нашло широко распространен-

* См. также статью А. А. Кудрявцева и М. С. Гаджиева в настоящем сборнике.

ное у древних представление, о голове как «вместилище души» (8, с. 83).

Обращает внимание, что центральное погребение склепа принадлежит, судя по инвентарю, мужчине-воину, очевидно, всаднику, а отдельно захороненный череп — женщине. В этом факте можно видеть отражение видоизмененного на местной почве обычая умерщвления жены или наложницы при похоронах мужа или господина, известного у многих индоиранских народов и проникшего в дагестанскую среду в сарматское время (6, с. 50; 8, с. 83). Реально представить похоронный ритуал, отраженный в ганзирском склепе и других подобных погребальных памятниках, невозможно. Но позволительно предположить, что здесь мы имеем дело с разновидностью зороастрийского погребального обычая, когда тело выставлялось, а голова, как олицетворение человеческой личности, помещалась в погребальную камеру. В подкрепление этой догадки о существовании в Дагестане вариаций зороастрийского обряда погребения можно сослаться на сиртчикий склеп (Табасаран) рубежа н. э. и склеп IV—V вв. Буйнакского кургана, в которых зафиксировано устройство погребальных полок для помещения на них умершего (9, с. 55—57; 10, с. 64), на сообщения Страбона (XI, 11, 8), Евсевия (I, 4) и Порфирия (IV, 21) о каспиях*, выставлявших трупы на съедение птицам и зверям, Ибн Русте (X в.) о поклонении населения Серира (Авария) «сухой голове» (11, с. 49), ал-Гарнати (XII в.) о жителях Зирихгерана (Кубачи), практиковавших обряд расчленения и очищения костей от мягких тканей (12). Напомним также о женских терракотовых статуэтках с отбитыми головами и конечностями, которые происходят из погребальных памятников античного времени Северного Азербайджана (13, с. 78; 14, с. 23; 15, с. 124) и Южного Дагестана (16; 17, рис. XII, 15—20).

В материалах ганзирского склепа нашли отражение многие характерные для албано-сарматского времени Дагестана и других сопредельных областей черты погребального обряда. Такие, например, как устройство погребального костра, порча инвентаря, помещение части вместо целого, положение в могилу куска кремня и др. Здесь представлена и такая микродеталь обряда, как положение под голову погребенного оружия (наконечник копья). Эта черта погребальной обрядности находит редкие аналогии в памятниках Дагестана этого времени: в погр. 9 Дербентского могильника наблюдалось помещение под голову погребенного небольшой чашечки, наполненной бусами и с кремневым ретушером (2, с. 131); в Урцекском некрополе в коллективной грунтовой могиле 1 под головами погребенных находились нако-

* Сведения ряда античных (Страбон, Помпонию Мела, Дионисий Периегет и др.) и древнеармянских (Агатапелос, «Ашхарацуйц») авторов предоставляют возможность локализации каспиев (или их части) к северу от албанов, в прибрежной и предгорной зонах Северо-Восточного Кавказа.

нечник стрелы и бронзовая подвеска (погр. 11); бусы и два наконечника стрел (погр. 12), бусы и железный нож (погр. 14), а в склепе 1 под черепом ребенка (погр. 3) обнаружены бусина и нож (19, с. 40—41, 53).

Исследованный склеп входит в круг подобных погребальных сооружений Дагестана, ставших вновь известными в албанское время и получивших распространение в раннем средневековье (8, с. 81; 10, с. 64—66; 18, с. 39—43). Наряду с общими чертами, он имеет и отличительную конструктивную особенность, редко встречаемую среди памятников такого рода. Эта особенность — отсутствие торцевой стенки, роль которой выполняет вертикально экскарпированный материковый склон. Подобный прием, обусловленный, очевидно, местными почвенными условиями и строительной традицией, сохранялся на протяжении всего времени бытования склеповых сооружений и на заключительном этапе представлен на Аркаском могильнике (X—XII вв.).

В заключение целесообразно остановиться на той типологической и методологической ошибке в определении вида погребального сооружения, а именно склепа и каменного ящика, которая наблюдается в дагестанской (и не только) археологии. В конечном счете она приводит к неверным историческим выводам и наблюдениям, наиболее наглядно представленным в статье О. М. Давудова (9, с. 49—70). Автор в определении типа погребального каменного сооружения исходит не столько из его конструктивных особенностей, сколько из такой (немажорной) черты погребального обряда, как количество погребенных в данном сооружении. В результате автор смешивает и идентифицирует два различных (хотя генетически и связанных) типа погребальной конструкции и к склепам относит как таковые, так и каменные ящики, в которых наблюдаются остатки нескольких и более погребенных (9, с. 59—60). Итогом этого являются неверные выводы О. М. Давудова: «Эти склепы (албанского и раннесредневекового времени. — М. Г.) по конструкции и размерам аналогичны погребальным сооружениям Дагестана скифского и предскифского времени (каменным ящикам)» (9, с. 59). И далее: «В каменных ящиках Талгинского, Кабартыкутанского и Мискинбулакского могильников, как правило, встречаются одиночные и парные захоронения. Иными словами, мы наблюдаем факт постепенного использования каменных ящиков для коллективных захоронений. Из этого следует, что *подземные склепы албанского и раннесредневекового времени Дагестана — это усовершенствованные каменные ящики предшествующего времени*» (выделено мной. — М. Г.) (9, с. 60). Между тем методически верным, на наш взгляд, будет в основу классификации погребального сооружения класть их конструктивные особенности. В этом случае следует исходить из определенных, что *каменный ящик* — это погребальная конструкция подпрямоугольной формы, стенки которой возведены из четырех или более вертикально поставленных

плит и прикрыты сверху одной или несколькими плитами, а *склеп* — это погребальная конструкция подпрямоугольной формы*, стенки которой возведены из камней в несколько ярусов и прикрыты сверху несколькими плитами. Естественно, в каждом типе существуют вариации, как и промежуточная, изредка встречающаяся форма «склеп-ящик». И ящики, и склепы могли использоваться для одиночных, парных, коллективных погребений и для последующих подзахоронений. Материалы археологии Дагестана убедительно демонстрируют это.

15. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. н. э.). Баку, 1985.
16. Пикуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 145.
17. Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
18. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
19. Котович В. Г. и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 49.

1. Гаджиев М. С. К изучению исторической топографии памятников албанского времени Южного Дагестана // Тез. докл. науч. сес. посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1986—1987 гг. Махачкала, 1988.

2. Кудрявцев А. А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

3. Котович В. Г. Альбом к Отчету о работе Приморской археологической экспедиции в 1964 г. // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 42-а.

4. Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.

5. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

6. Гаджиев М. С. К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

7. Пикуль М. И. Археологические памятники I тыс. н. э. северо-западной части Нагорного Дагестана: (Отчет об археол. разведках 2-го горного отряда экспедиции ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1956 г.) Ч. II // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 169.

8. Гаджиев М. С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I—VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.

9. Давудов О. М. Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.

10. Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1978.

11. Ибн Рустэ. Книга драгоценных камней / Пер. Н. А. Караулова // СМОМІК. Тифлис, 1903. Вып. XXXII.

12. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.

13. Ашурбейли С. Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья // Тр. Музея истории Азербайджана. Баку, 1956. Т. I.

14. Геюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.

* Для раннебронзовой эпохи Дагестана характерны круглоплановые склепы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
ЗЕЛЕНОМОРСКОГО И МАНАСКЕНТСКИХ КУРГАНОВ

В 1985, 1986, 1988 гг. на территории Ленинского (сельского) района, у пос. Манаскент и сел. Зеленоморск (1; 2; 3), проводились археологические исследования курганных могильников. В 1985 г. эти работы велись (Манаскент, Зеленоморск) Дагестанской экспедицией, а в 1986 г. (Зеленоморск) — отрядом Дагестанской экспедиции ИА АН СССР. Приморский археологический отряд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1988 г. возобновил раскопочные работы на недоисследованном Зеленоморском кургане. Всего за эти годы раскопано 38 погребений эпохи средней бронзы (Манаскент) и 64 погребения албано-сарматского времени: 10 — Манаскент (1, л. 2, 3, 9, 10, 13, 14, 16, 24, 26, 27), остальные — Зеленоморск (1, л. 34—39; 2; 3).

Некоторые сведения и анализ материалов Зеленоморского и Манаскентских курганов даны в публикациях (4, с. 10, 11; 5, с. 153, 154; 6, с. 122, 123; 7, с. 56, 57; 8, с. 5, 6; 9, 13 с.; 10, с. 6; 11, с. 106—114).

Целью нашей статьи является публикация новых, неизвестных ранее предметов вооружения из погребений Зеленоморского и Манаскентских курганов. В основном анализируемая категория вооружения, предметов защиты и конского снаряжения встречается впервые не только на территории Приморского Дагестана, но и всего Северо-Восточного Кавказа. Данная категория предметов вооружения наглядно показывает проникновение от кочевых сарматских племен в местную материальную культуру албанских племен на рубеже до н. э. и н. э. отдельных видов оружия, и, видимо, военной тактики, связанной с использованием этих видов оружия. Сказанное не отрицает и наличие собственно местных типов вооружения, которые были переняты от кавказских племен кочевыми сарматскими племенами, которые вошли в компонент сарматской культуры. Таким образом, изучение предметов вооружения Приморского Дагестана показывает влияние и взаимовлияние кочевого и оседлого миров в албано-сарматское время.

Предметы вооружения. Наконечники стрел (рис. 1, 1—36). В двух погребениях Манаскента (16 экз.) и одиннадцати погребениях Зеленоморска (80 экз.) найдено 96 наконечников стрел.

В Манаскенте они встречены (рис. 1, 1—7) в кургане № 2 (погр. 4 — 10 экз. и погр. 7 — 6 экз.), в Зеленоморске — в отдельных комплексах и разрушенных погребениях (рис. 1, 8—10) — 5 экз.). В некоторых женских погребениях Зеленоморска они встречены

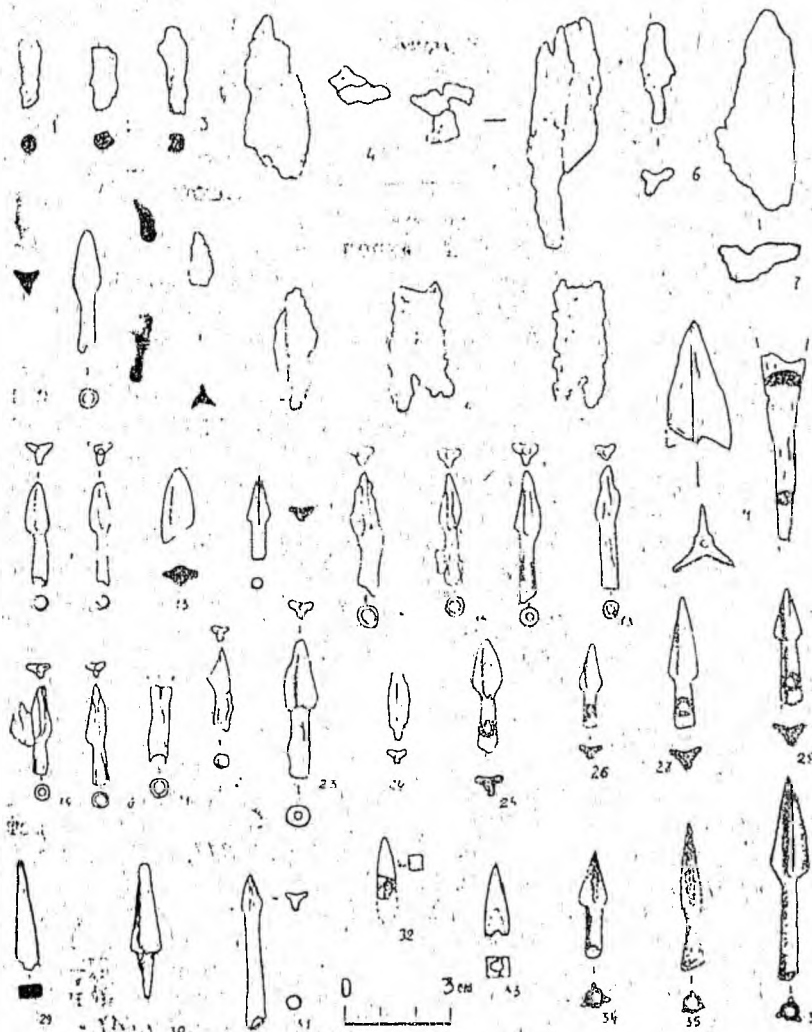

Рис. 1. Наконечники стрел из погребений Манаскентских (1—7) и Зеленоморского (8—36) курганов:

1—5 — погр. 4 (кург. № 2); 6—7 — погр. 7 (кург. № 2); 8—10 — разр. погр.; 11 — погр. 18; 12 — «погр. 20» (тризна), погр. 22; 13 — погр. 24; 14 — погр. 25; 15—23 — погр. 26; 24 — погр. 28; 25 — погр. 29; 26—30 — погр. 37; 31 — погр. 50; 32—36 — погр. 54; 1—12, 14—31, 34—36 — железо; 13 — бронза; 32, 33 — кость.

в единичных экземплярах (погр. 24, 25, 28, 29, 50), из которых один — обломок бронзового наконечника стрелы (погр. 24). Один — железный массивный наконечник стрелы найден в мужском погребении 18, один — на месте тризны («погр. 20»), два экземпляра железных втульчатых трехлопастных наконечника стрелы — в погребении 22. В погребениях 26, 37, 54 обнаружено соответственно 9, 15, 42 наконечника стрелы. Характерно, что все они сосредоточены у плюсны ног, и вместе с тем в этих погребениях (погр. 37 и 54) найдены колчаные крючья или фрагменты удила (погр. 26). Интересно отметить, что в мужском погребении 26 правое верхнее ребро человека пробито стрелой, застрявшей в кости. Данный наконечник стрелы аналогичен найденным в колчанном наборе этого же погребения.

Изготовлены наконечники стрел в большинстве случаев (90 экз.) из железа, встречаются костяные (5 экз.). В единичном экземпляре представлен обломок бронзового наконечника стрелы.

Наконечники стрел Манаскента и Зеленоморска представлены несколькими типами.

Тип I. Бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с продольными валиками посредине (рис. 1, 13). От этого наконечника стрелы сохранилась только заостренная верхняя часть пера. Определить его параметры, в том числе и втулку, не представляется возможным. Сохранившиеся размеры: $2,1 \times 0,6$ см. Обломок наконечника стрелы арханчкий, скифского типа. В погребении 24 он использован вторично, в качестве культового предмета, чему подтверждением, видимо, является то, что он найден на грудных костях погребения женщины.

По исследованиям М. П. Абрамовой, в сарматской культуре Южного Приуралья и Нижнего Поволжья бронзовые втульчатые наконечники стрел вытесняются железными втульчатыми со II в. до н. э. (12, с. 62).

Тип II. Костяной четырехгранный наконечник стрелы с опущенными жальцами внутренней втулкой (рис. 1, 32, 33). Размеры наконечника стрелы $1,2 \times 0,7 \times 0,7$ см. Стрелы этого типа встречаются в Карабудахкенте (13, с. 189, рис. 19, № 311, 348, 394; с. 213, рис. 38, № 51, 95; с. 215, рис. 39, № 127), Урцеки (14, рис. 55, 1—20), Тарки (15, с. 230, рис. 17, 12), Ленинкенте (16, с. 147, рис. 26, 1) в погребениях албано-сарматского времени. При исследовании разрушенного погребения близ Бавтугая (II—III вв. н. э.) возле правого бедра обнаружен четырехгранный наконечник стрелы, выточенный из кости (16, с. 148, рис. 29, 4). Однако, судя по рисунку в книге (16, с. 153, рис. 29, 4) и Отчете (17, л. 119, табл. 24, 2), костяной наконечник стрелы был трехгранный.

Тип III. Железный втульчатый наконечник стрелы с тремя лопастями, срезанными под тупым углом к стержню (рис. 1, 1—10, 12, 14—23, 25—28, 31, 36). Некоторые наконечники стрелы имеют одинаковую длину пера и втулки (от 1,5 до 3 см), у других

длина втулки немного больше длины пера; встречаются экземпляры, у которых соотношение длины пера и втулки равно 1:3. Наиболее мелкие экземпляры стрел имеют длину 2,5—3,5 см, крупные — 4—6 см.

Стрелы данного типа встречены в Сумбатлинском могильнике (18, с. 116), в Чечено-Ингушетии (19, с. 198, рис. 23), Кабардино-Балкарии, в Нижне-Джуглатском могильнике (20, с. 23), Чегемском кургане (21, рис. 4, 5, 6, 34; рис. 5, 12, 13; рис. 6, 24—26, 57; рис. 8, 41, 42) в погребениях II—I вв. до н. э.

Железные втульчатые наконечники стрел на Северном Кавказе появляются в скифский период и становятся господствующей формой стрелкового оружия в сарматское время, вплоть до I в. н. э., когда последние вытесняются черешковыми наконечниками (20, с. 23; 22, с. 68).

Тип IV. Крупный железный наконечник стрелы с тремя лопастями, срезанными под острым углом к стержню (рис. 1, 11). Найден в погребении 18. Наконечник стрелы, судя по железному фрагменту, видимо, был втульчатым. Аналогии нам не известны.

Анализ инвентаря погребения 18 позволяет датировать его концом II — началом III в. н. э.

Тип V. Железный черешковый наконечник стрелы с тремя лопастями, срезанными под прямым углом (рис. 1, 24, 30). Подобные наконечники стрел широко представлены в погребениях №№ 4, 13, 17, 23, 27 (I в. до н. э. — I в. н. э.) и погр. № 27 (II—III вв. н. э.) Таркинского могильника (15, с. 261, рис. 17, 4; с. 262, рис. 18, 1), Карабудахкентского могильника № 3 (погр. № 5) в погребении II—III вв. н. э. (13, с. 213, рис. 38, № 94; с. 215, рис. 39, № 126; с. 216, рис. 40, № 32), а также найдены среди материалов Сумбатлинского (18, с. 123, табл. V, 12), Хабадинского (23, с. 149, табл. VIII, 4) могильников, на Аракском поселении (16, с. 149, 151).

Данный тип наконечника стрелы имеет многочисленные аналогии в материалах первых веков н. э. на Северном Кавказе (24, с. 137, рис. 18, 4, 5).

Тип VI. Железный наконечник стрелы четырехгранной (?) формы (рис. 1, 29) из погребения 37 найден в единственном количестве. Сохранился частично. Его размеры: $3,2 \times 0,7 \times 0,4$ см. Аналогии нам неизвестны.

Небольшие железные и костяные наконечники стрел, выявленные в Манаскенте и Зеленоморске, предназначены для легкого лука. Небольшое количество (1—2 экз.) наконечников стрел помещалось в женских погребениях. Оружие клала в женские могилы, что прослежено в памятниках Дагестана (Тарки). Аналогичные явления встречаются и в сарматских погребениях Поволжья I в. до н. э. — I в. н. э. (например, в курганах №№ 31 и 47 Суловского могильника). Подобные примеры справедливо рассматриваются как отдаленные пережитки матриархата у сарматов Поволжья (26, с. 100—121; 26, с. 180).

Названные мелкие трехлопастные наконечники стрел являются типичными образцами сарматских стрел, характерных для II в. до н. э. — III в. н. э.

Как мы отмечали выше, наконечники стрел, вышедшие из употребления обломок бронзовой стрелы скифского типа, или отдельные экземпляры мелких втульчатых стрел могли использоваться в качестве культовых предметов. Так, железный втульчатый наконечник стрелы найден среди предметов в погребальной тризне, темное пятно которой было первоначально обозначено как «погребение 20».

Находка массивного наконечника стрелы (тип IV), хотя и единственного, свидетельствует о существовании, использовании не только тяжелого лука, но и железного защитного доспеха, что подтверждается остатками доспехов из Зеленоморска. Крупные железные и костяные черешковые наконечники стрел характерны для гуинского времени (IV—V вв. н. э.). Появление тяжелого лука в IV—V вв. н. э. может подтвердить не только наличие крупных наконечников стрел. Оно свидетельствует и об изменениях социального порядка, появлении более мощного защитного доспеха, а также об изменениях в самой тактике ведения боевых действий как конного, так и пешего рода войск.

Колчаные крючки (рис. 2, 1—3) найдены в погребениях 13

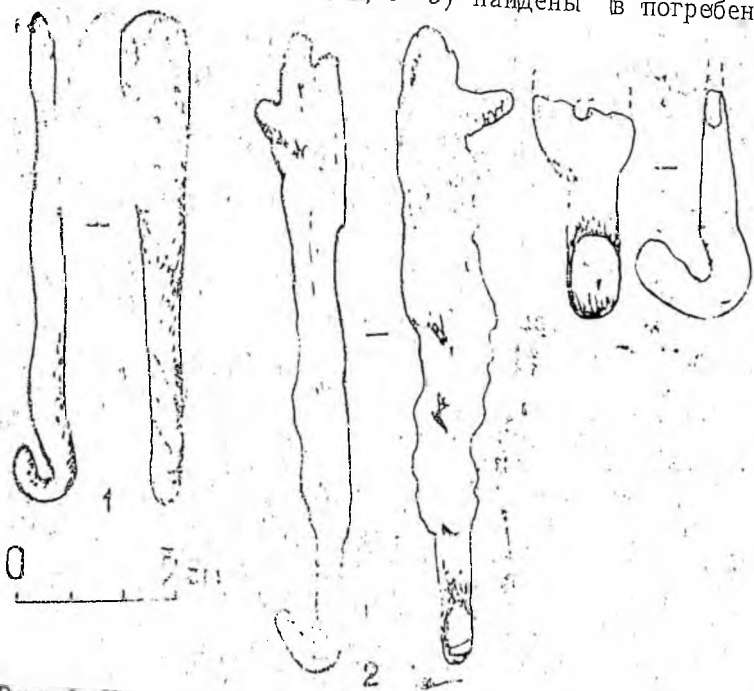

Рис. 2. Колчаные крючки из погребений Зеленоморского кургана: 1 — погр. 54; 2 — погр. 37; 3 — погр. 13; 1—3. — железо

(рис. 2, 3), 37 (рис. 2, 2), 54 (рис. 2, 1) и в разрушенном (1985 г.) погребении Зеленоморского кургана. — 4 экз. Вместе с ними находили железные и костяные наконечники стрел.

Тип I. Железный крючок от колчана (рис. 2, 3), изготовленный из овального в сечении прута. Его нижний конец согнут, верхний уплощен (сохранился частично) и закруглен. На нем имеется сквозное отверстие в середине, с помощью которого, по видимому, крючок прикреплялся к поясу. Размеры крючка: длина сохранившаяся 5,7 см, диаметр сечения 1 см, диаметр верхней раскованной стороны около 2 см. Найден у правой ноги погребения 13, напротив коленной чашечки. В разрушенном погребении (1986 г.) Зеленоморского кургана встречен обломок колчанного крючка аналогичной формы. Его сохранившаяся длина 5 см, диаметр круглого сечения на месте излома 1 см, в конце крючок заострен. В 1980 г. в ходе охранных раскопок (Гмыря Л. Б., Салихов Б. М., Атаев Г. Д.) у пос. Ленинкент Кировского р-на г. Махачкалы в каменной гробнице был найден подобный обломок колчанного крючка. Он железный, сохранился на длину 2,2 см, в сечении круглой формы. Датируется зеленоморский колчаный крючок по комплексу погребения 13 II в. до н. э. — I в. н. э.

Тип II. В погребении 37 Зеленоморского кургана над кистью правой руки костяка (ближе к внутренней стороне) лежал длинный колчаный крючок с округлым расширением в верхней части, с поперечной перекладной на корпусе (рис. 2, 2). Длина крючка около 12 см, длина перекладки более 2 см (сохранившаяся).

В Дагестане фрагмент аналогичного железного крючка найден в могиле № 8 (II в. н. э.) Сумбатлинского могильника (18, с. 123, табл. V, 3). Зеленоморский образец, судя по комплексу вещей из погребения 37, датируется I—II вв. н. э. Подобные колчаные крючки в Кабардино-Балкарии встречены в погребениях II—I вв. до н. э. (21, с. 197, рис. 10, 3; рис. 15, 16).

Тип III. Железный колчаный крючок удлиненной формы, слегка раскован, расширен и у верхней стороны овально закруглен. На нем два небольших сквозных отверстия (9×1,7×0,3 см). Найден в погребении 54 (рис. 2, 1), между ногами, у коленных чашечек. Напоминает крючок из погребения 57 Чегемского кургана-кладбища (21, с. 196, рис. 12, 32) и II тип нижнеджулатских колчаных крючков без перекладки (20, с. 42). Зеленоморский колчаный крючок из погребения 54 датируется I—II вв. н. э.

Колчаные крючки не характерны для местных племен Северного Кавказа скифского времени. Широкое распространение колчаных крючков у северных степных племен, в том числе у сарматов на савроматском и прохоровском этапе (27, с. 35, 36, рис. 10; 28, с. 35, табл. 20, 1—10), позволяет связывать наличие единичных экземпляров таких крючков, найденных в степных районах Предкавказья (Бажиган, Хасавюрт) (19, с. 17, 21, рис. 4 и 6, 2), Комарова — в районе Моздока (см. материалы раскопок

М. П. Абрамовой, 1970 г.), с влиянием северных культур. В предгорных и степных районах Северного Кавказа... на рубеже и в первых веках нашей эры применялись железные крючки (20, с. 24).

Таким образом, в последних двух столетиях до нашей эры колчаные крючки становятся частым атрибутом северокавказских погребений.

Мечи и кинжалы (рис. 3, 1, 2).

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием, прямым перекрестием, уплощенно-линзовидным клинком в сечении и заостренным концом.

В погребении 30 Зеленоморского кургана найден железный меч с кольцевым навершием (рис. 3, 2). Общая сохранившаяся длина меча 62 см, длина рукояти 9,2 см, толщина наибольшая 2,4 см, в сечении линзовидной формы. Длина перекрестия 6,5 см, ширина 0,8 см, ширина лезвия меча около 5 см. Сохранились остатки деревянных ножен с фигурным вырезом у перекрестия. Кольцевое навершие ручки 3,5×3,5 см, имеет на себе остатки материала грубого плетения.

Обломок ручки меча с кольцевым навершием происходит из слоя Карабудахентского могильника № 3 (кв. IX, штык 7, № 45) (13, с. 218). Аналогичные мечи найдены в погребении № 9 II в. н. э. Сумбатлинского могильника (18, с. 123, табл. V, 7), из каменной гробницы № 4 Калкнинского могильника III—V вв. н. э. (20, с. 172, рис. VII, 8). Подобный меч найден в погребении № 24 Бехтинского могильника (30, с. 163, рис. 26, 2), относящегося к более раннему времени (О. М. Давудов), где господствуют изделия, характерные для памятников Кавказа скифского и античного времени (18, с. 120). Такой меч найден в грунтовом захоронении № 2 Моздокского могильника (раскопки 1935 г.) (19, с. 77, 78). Два меча с кольцевым навершием обнаружены в погребениях 16 и 73 Чегемского кургана (21, рис. 8, 1, рис. 14, 4). Особенно много их в па-

мятниках сарматского времени (31, с. 71, рис. 27, 8). Мечи и кинжалы этого типа, окончательно сформировавшись к III в. до н. э., основное распространение получают в сусловское время. Начало массового же их распространения на Северном Кавказе А. М. Хазанов относит к I в. до н. э. (32, с. 10; 21, с. 194, 195). Таким образом, мечи и кинжалы с кольцевым навершием появляются в сарматских памятниках Поволжья и Приуралья с III в. до н. э., однако их господство в сарматской культуре падает на I в. до н. э. — II в. н. э. (25, с. 103; 33, с. 149, 150; 12, с. 61). Этим же временем (I в. до н. э. — I в. н. э.) датируется зеленоморский меч (погр. 30),

В разрушенных погребениях Зеленоморского кургана найден фрагмент четырехугольного штыря — обломка от рукояти железного меча или кинжала размером 2,2×1,8 см (2, л. 11).

При проведении мелиоративных работ и укладке железобетонного лоткового канала в районе Зеленоморска (сентябрь 1984 г.) Зеленоморский курган был разрезан по центру*, задето и разрушено погребальное сооружение из массивных каменных блоков и отдельных камней (каменная гробница или склеп). Среди прочего материала из погребения извлечен** «железный меч с прямым перекрестием. Рукоять меча изготовлена из золота, как и ножны, и украшена вставками из красных камней» (сердолик, гранат?). Меч утерян. На месте разрушенного погребения нами подобран фрагмент обоюдоострого меча, в сечении уплощенно-линзовидной формы. Сохранившаяся длина фрагмента 12 см, ширина лезвия 4—4,5 см (рис. 3, 1). Подобные размеры (имеется в виду ширина меча) стандартны для мечей и кинжалов Дагестана первой половины первого тысячелетия н. э. (Калкни, Хив).

Наконечники копий (рис. 4, 1, 2) найдены в погребениях Зеленоморска.

Тип I. Железный втульчатый наконечник копья узколистной формы (рис. 4, 1). Найден в погребении 39. Его длина 24,5 см, длина пера 12 см, диаметр втулки 2 см. Датируется, по комплексу вещей из погребения 39, II в. до н. э. — I в. н. э.

Тип II. Железный втульчатый наконечник копья широколистной формы (рис. 4, 2). Длина наконечника копья из погребения 48—25 см, длина втулки 8 см. По всей длине пера проходит грань, на конце втулки — зажимное кольцо и отверстие для гвоздя. Сохранился и железный гвоздь с остатками дерева внутри втулки. Датируется II в. до н. э. — I в. н. э.

* Сведения об этом поступили от Ю. О. Курбанова и А. В. Ахмедова, жителей сел. Зеленоморск.

** Меч был взят «для передачи в музей» Бекбулатовым Наби (Ленинский (сельский) р-н, сел. Параул), крановщиком ПМК-10. Сведения эти сообщены Д. У. Рамазановым — директором совхоза «Манаскентский», А. Курбановым, К. Чамсутдиновым — бульдозеристом совхоза «Манаскентский», А. М. Ашуриловым — учителем истории Манаскентской средней школы и др.

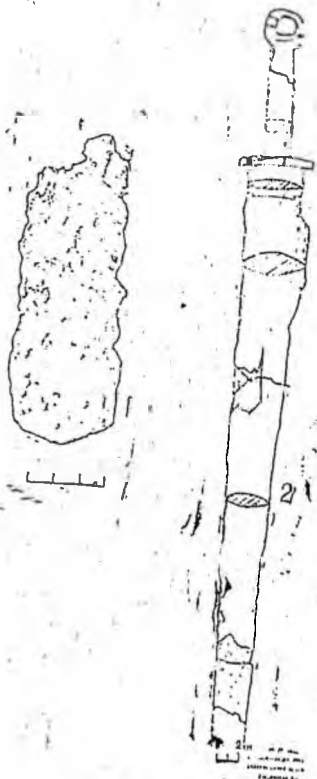

Рис. 3. Мечи и кинжалы из погребений Зеленоморского кургана:
1 — разр. погр.; 2 — погр. 30;
1—2 — железо

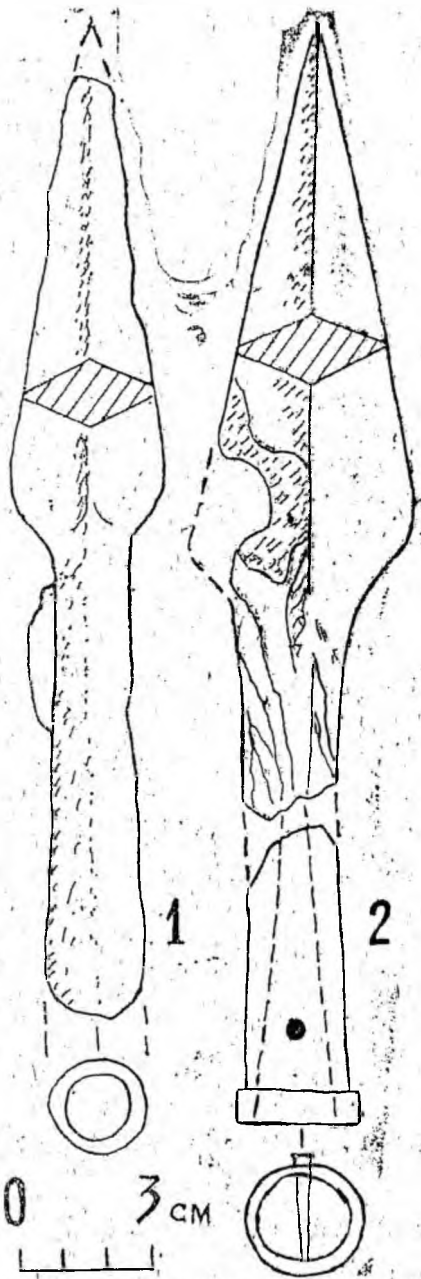

Рис. 4. Наконечники копий из погребений Зеленоморского кургана: 1 — погр. 39; 2 — погр. 48; 1—2 — железо.

В Дагестане, в памятниках албано-сарматского и ранне-средневекового времени, железные наконечники копий найдены во многих памятниках (Маджалис, Калкни, Тарки, Андрейаул, Хив, Карабудахкент, Сумбатль, Буйнакск) (29, с. 171).

По общему мнению специалистов, копья из сарматских погребений в целом близки к наконечникам копий, в тех или иных вариантах, бытовавших на довольно обширных пространствах Восточной Европы и Северного Кавказа, причем с последними они обнаруживают особое сходство. Уже в сарматское время в Поволжье и Приуралье появляются копья, несомненно, заимствованные с Кавказа (32, с. 44, 45).

Топор (секира, долото, стамеска, тесло, мотыга — так по-разному интерпретируется одна и та же находка в публикациях различных авторов) был найден справа стопы погребения 12 Зеленоморского кургана. В Отчете нами отмечалось, что он условно отнесен к названному погребению, при этом приводились соответствующие доводы в пользу данного положения (2, л. 18).

Железный топор (рис. 5) с двумя выступами на верхней части имеет следующие размеры: длина 13,5 см, ширина наибольшая 4,3 см, толщина около 2 см.

Аналогичный топор найден в Урцексах (14, рис. 49, 9).

Такая находка в Чечено-Ингушетии найдена в погребении

конца IV—III вв. до н. э. у станицы Мекенской (19, с. 189, рис. 11). Обломок железного топора находится среди вещей из захоронения III в. до н. э. в г. Грозном (19, с. 195, рис. 18). В. И. Долбежковым в 1898 г. у с. Пседахи (Чечено-Ингушетия) обнаружено подобное изделие в погребении III в. до н. э. Единственный экземпляр железного топора, найденный в погребении № 4 Чегемского кургана (Кабардино-Балкария), находится в фрагментарном состоянии и сказать что-либо о его форме не представляется возможным (21, с. 198).

Подобный предмет с прямым лезвием укреплялся в расщепе деревянной рукояти. Сходное орудие известно из скифского могильника «Частые курганы» под Воронежем, из раскопок Мазараки у хутора Поповки близ Аксютинцев (34, с. 30, 31, рис. 16, 2). Датируется началом V в. до н. э. Такой железный топор с закраинами так называемой «пальштабовидной формы» — обычная находка на территории Скифии и близлежащих областей (кажется, самый поздний случай отмечен в Никопольском кургане (19, с. 41). Железные топоры известны в памятниках последних веков до н. э. в Прикубанье (Северский курган; Семибратное городище и Краснодарский могильник на Почтовой улице) (35, с. 24; 36, с. 44).

Зеленоморский топор также, видимо, датируется III в. до н. э.

Доспехи. Кольчуга (рис. 6, 21, 22). Из разрушенных погребений Зеленоморска и Манаскента происходят фрагменты железной кольчуги. Фрагмент кольчуги из Зеленоморска размером 8×4 см со спекшейся поверхностью имеет внешний диаметр колец 1 см, толщина колец 0,3 см (2, рис. 7, 19, 20). На поверхности фрагментов железной кольчуги следы спекшейся ткани.

Таким же образом изготовлена кольчуга из Калкни — из колец диаметром около 1 см (урцекская и верхнечириуртовская — 1,4—1,6 см).

Рис. 5. Топор-секира из погребения Зеленоморского кургана: 1 — погр. 12; 2 — железо.

Изготавливалась кольчуга почти везде одинаково, хорошо известна технология ее изготовления. Остатки кольчуг найдены во многих албано-сарматских и раннесредневековых памятниках Дагестана (Уллуая, Карабудахкент, Андрейаул, Урцеки, Сардаркент, Верхний Чирюрт, Куркли, Уркарах, Хуштада, Бежта, Ботлих, Верхний Каранай, Тлярата) (См. библиографию работ — 29, с. 172).

В последние годы остатки кольчуг найдены в местности Куртликья у сел. Сутбук (А. Д. Магомедов), в Хиве, Карагане, Дербенте, Львовском 7. Наибольшее количество находок кольчуг в Дагестане позволяет судить о наличии древних местных центров производства этого вида доспеха. Такими центрами производства оружия позднее стали Амузги, Харбук, Кубачи, Шиназ и др.

Панцирь (рис. 6, 1—20). Доспех воина, а возможно и коня (?), был панцирным. Найдено более 250 фрагментов панцирных пластинок. Панцирь состоял из отдельных четырехугольных пластинок шириной 2,2 см и длиной (сохранившаяся) до 5 см. Верхняя часть этих пластинок была прямоугольной, трапециевидной или закругленной. Нижний край пластинок прямоугольный или закругленный. На верхней части — 5 сквозных отверстий. Из них 1 — в центре, по бокам — 2, один над другим. Железные пластинки соединялись друг с другом с помощью узких кожаных полос-нитей. Пластинки панциря, соединяясь друг с другом, перекрывали место соединения нижележащей пластинки с вышележащей.

Некоторые панцирные пластинки из железа отличаются друг от друга по форме и размерам. Они широкие (ширина 2,1—2,4 см), длина (сохранившаяся) 6,5 см, с закругленными углами. Ближе к закругленным углам имеются сквозные отверстия для скрепления пластинок друг с другом. Широкая сторона некоторых из этих пластинок плавно вогнута.

В Дагестане обломки крупных массивных железных пластин подквадратной формы, быть может, принадлежности панциря (?), найдены в каменной гробнице I—III вв. н. э. в урочище Цархи-Гоцо, у сел. Тидиб Советского района (37, л. 56, рис. 36, 12—14, 16, 17), в Ленинкенте (г. Махачкала). В слоях IV — нач. VI в. н. э. цитадели городища Таргу встречены железные бляшки от панциря с одним или двумя отверстиями для крепления (38, с. 78, рис. 12, 2, 5).

Аналогичные панцирные пластинки найдены в Кубанской области, Северной и Центральной Азии в комплексах II в. до н. э. — V в. н. э. Панцири из чешуйчатого набора были в употреблении и у греков, и у римлян, и у варваров. По мнению Э. Э. Ленц, «наша броня (из Кубанской области. — В. С.) должна быть приближена к чешуйчатым панцирям катафрактариев, входивших со II века по Р.Х. в состав римской армии и упоминаемых в разных ее стоянках» (39, с. 129, 130).

Как у скифских, так, вероятно, и у персидских панцирей в наборе чешуек, когда каждая из них перекрывалась частично соседними чешуйками сверху и сбоку, закругленный угол выступал наружу, а противоположный был скрыт. Все чешуйки типа 1 имеют отверстия вдоль верхнего края. Обычно их три, но бывает и два. Изредка встречаются два ряда по три отверстия, еще реже — по четыре или пять. Иногда добавляется по одному отверстию в нижней части чешуйки. Все без исключения известные персидские чешуйки относятся к доспеху чешуйчатого типа, т. е. металлические чешуйки пришиваются за верхний край к мягкой основе. Настоящий чешуйчатый панцирь — явление довольно позднее и редкое на древнем Востоке (40, с. 96, 97). По М. В. Горелику, «пластинка имеет отверстия только сверху, реже — еще и в

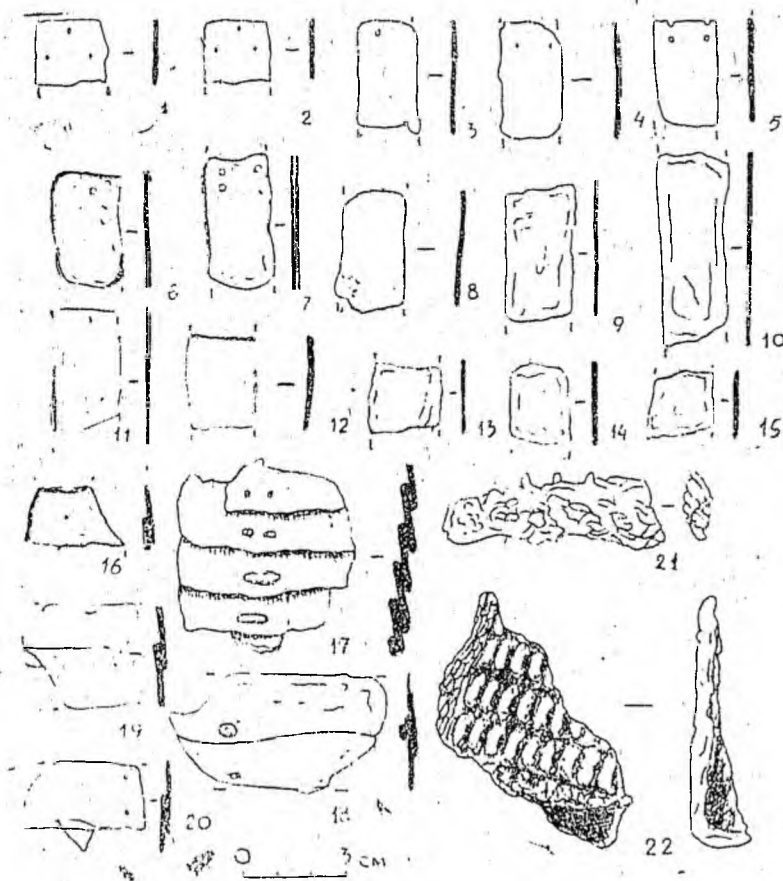

Рис. 6. Доспехи. Кольчуга и панцирь из погребений Зеленоморского и Манаскентского курганов: 1—22 — разр. погр.; 1—22 — железо

средней части, и крепится к основе лишь верхней половиной, что позволяет делать нахлесты очень большой глубины, так что пластинки могут везде лежать в 2—3 слоя. Именно этот способ крепления называется чешуйчатым. Пластинки в таких панцирях обычно гораздо меньшего размера, что при отмеченном способе крепления придает доспеху исключительную гибкость, но, как отмечается всеми исследователями, значительно увеличивается вес» (40, с. 97). Зеленоморские панцири (имея в виду и конский панцирь) — ламелярные доспехи. В этом случае пластины соединялись непосредственно между собой при помощи шнурков, продеваемых сквозь отверстия пластин. Очень раннее появление и исключительная популярность ламелярного доспеха на Востоке были прекрасно показаны Б. Тордеманом, и его правота подтверждается все новыми данными (40, с. 97).

Конское снаряжение (рис. 7, 1—4). Принадлежности конского снаряжения отсутствуют в погребениях Манаскента и редки в погребениях Зеленоморска. Они представлены удилами (погр. 26, 39) и псалями (погр. 39), а возможно, как уже отмечалось выше, конским защитным панцирем.

Удила (рис. 7, 1, 4). Фрагмент железного удила (рис. 7, 1), в сечении круглой формы, был найден в погребении 26 вместе с костями лошади. Определить его форму невозможно. Комплекс погребения 26 датируется II в. до н. э. — I в. н. э.

Кроме того, фрагменты железных двуколычатых удил найдены в погребении 39 (рис. 7, 4).

Псалии (рис. 7, 2, 3). Вместе с удилами в погребении 39 были железные пропеллеровидной формы псалии (2 экз.) с двумя отверстиями посредине.

Аналогичные удила в Дагестане найдены в Калкни (29, с. 173, рис. VI, 16). Эти одноколыча-

тые удила, состоящие из двух звеньев, схожи с верхнечирюртовскими, найденными в комплексах V в. н. э. (41, с. 81). Подобные удила встречены в захоронениях III—I вв. до н. э. в г. Орджоникидзе (19, с. 196, рис. 20). Датируются наши находки II в. до н. э. — I в. н. э. Подобные пропеллеровидные псалии впервые встречены на территории Дагестана; они не характерны для древнего населения Приморского Дагестана.

Местоположение предметов вооружения, доспехов и конского снаряжения в погребениях может в некоторых случаях указывать на способ их ношения.

Анализ показывает, что из-за плохой сохранности костяков погребений нет данных о наличии названной категории погребального инвентаря в девяти случаях (погр. 2, 3, 5, 6, 9, 11, 14, 17, 17-а — 16,65%). Рассматриваемый погребальный инвентарь отсутствует в 30 погребениях: 10 мужских (погр. 1, 7, 15, 23, 27, 35, 36, 42, 43, 47 — 18,5%), 13 женских (погр. 4, 8, 10, 16, 21, 31, 38, 40, 41, 46, 49, 52, 53 — 24,05%) и 7 детских (погр. 19, 32, 33, 34, 44, 45, 51 — 12,95%).

В Манаскенте предметы вооружения отсутствуют в 8 погребениях албано-сарматского времени (80%). Таким образом, вооружение представлено только в 15 погребениях Зеленоморска, что составило 27,75%, и только в 2 погребениях Манаскента — 20% общего количества погребений. При суммарном подсчете предметы вооружения Зеленоморска и Манаскента составляют более 1/4 части (26,52%) общего количества погребенных (64 погр.).

Наконечники стрел. Обломок бронзовой стрелы (1 экз.) скифского типа (погр. 24) обнаружен на правых грудных ребрах женского погребения.

Крупная железная трехлопастная стрела (погр. 18) острием вниз найдена на стопе левой ноги мужского погребения, а под локтевым сгибом левой руки этого же погребения найдена отломанная втулка (?) данной стрелы. На месте проведения тризны был найден один железный трехлопастный наконечник стрелы. Ниже колена, с внешней стороны левой ноги (погр. 22), обнаружены два экземпляра стрел, тогда как в погребении 25 наконечник стрелы лежал острием вниз с внутренней стороны правой ноги, ниже коленной чашечки. С внутренней стороны правой ноги погребения 26 — восемь железных втульчатых стрел. Они лежали компактно, остриями вниз, у плюсны. С внешней стороны голени и плюсны правой ноги погребения 28 найдена сильно поврежденная железная трехлопастная стрела вместе с другими культовыми сосудами, гальками и т. п. предметами. У стопы правой ноги погребения 29 найдена одна железная стрела. Справа от костей голени и плюсны ноги погребения 37 найден комплект спекшихся между собой в колчане (истлея) наконечников стрел. Из этих 15 стрел одна стрела черешковая, трехлопастная, у другой сохранился только четырехгранный (?) в сечении железный наконечник. Под локтевым сгибом правой руки погребения

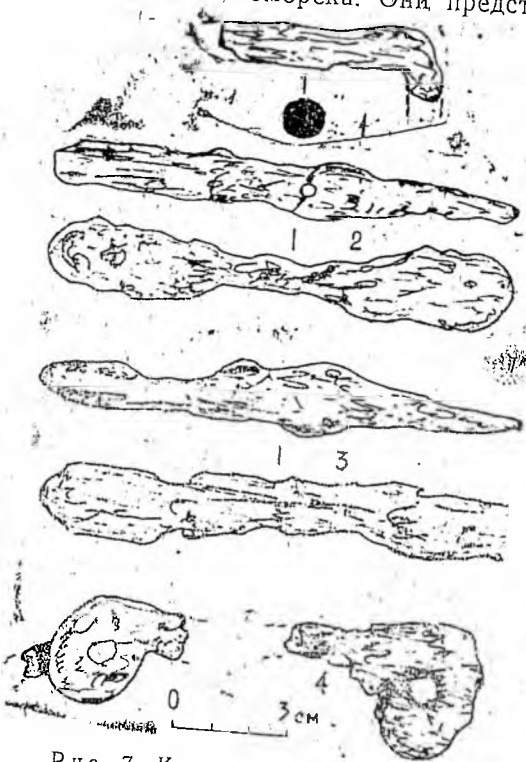

Рис. 7. Конское снаряжение. Удила и псалии из погребений Зеленоморского кургана: 1 — погр. 26; 2—4 — погр. 39; 1—4 — железо

бения 50 найдена железная втульчатая трехлопастная стрела. Ближе к стопе правой ноги снизу находилась аналогичная железная стрела (1 экз.); а между плюснами ног, ближе к левой ноге остриями вниз лежали в колчане (истдел) спекшиеся стрелы (40 экз.), из которых 35 — железные втульчатые трехлопастные, 5 — костяные, четырехгранные с опущенными жальцами и внутренней втулкой.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что наконечники стрел применяли в погребальном обряде с ритуальными целями (погр. 24, тризна, погребение 29). В основном это относится к женским погребениям. С этими целями использовались и вышедшие из употребления наконечники стрел. В остальных случаях стрелы располагались у ног, остриями вниз, у правой стопы или колена (погр. 25, 26, 28, 29, 37, 50) или у левой (погр. 18, 29, 50). Иногда они располагались под локтевым сгибом левой (погр. 18) или правой (погр. 50) руки.

Колчаные крючки находились с внешней стороны у правого колена погребения 13 и между коленями погребения 54. Аналогичный обломок крючка происходит из разрушенного в 1985 году погребения. В первом случае (погр. 13) железные наконечники стрел не были выявлены, тогда как их в погребении 54 было 40 экз.

Колчаный крюк значительной длины и с боковой переключной найден над кистью правой руки погребения 37. Колчаны, следовательно, подвешивались к поясу у правой ноги.

Железный меч (погр. 30) с кольцевым навершием и прямым перекрестием находился с внутренней стороны левой ноги.

Как известно, у скифов мечи, как правило, находились в могиле справа от погребенного и лишь в отдельных случаях — слева. Такое положение мечей характерно и для сарматских погребений на сарматской и прохоровской стадии (26, с. 179). В нашем случае зеленоморский меч был немного выдвинут из деревянных ножен, верхний край которых фигурно вырезан. Единственная находка не позволяет делать какие-либо обобщения.

Наконечники копий. В одном случае железный наконечник копья найден у голени правой ноги (погр. 39), в другом — правее головы (погр. 48). Закономерно в данном случае, что эти наконечники клали справа от туловища и острием вверх. Наконечник копья узколистной формы расположен ниже другого. Видимо, массивный наконечник копья имел более длинное древко. Отличался он и по конструктивным особенностям (зажимное кольцо, гвоздь для более прочного соединения втулки копья с древком).

Железный топор (условно отнесенный к погребению 12) также найден справа от костей стопы.

Доспехи. Остатки кольчуги и панциря найдены вне погребения. Фрагмент панцирной пластинки (погр. 30), найденный справа от тазобедренных костей, обнаружен на месте перекопа. Отнесение к погребению 30 условно.

Конское снаряжение. Обломки удила (погр. 26) найдены ниже правой ноги костяка вместе с костями лошади. Удила двухколычатой формы и псалии пропеллеровидной формы (погр. 39) обнаружены правее плюсны и стопы правой ноги.

Анализ местоположения предметов вооружения в погребениях Зеленоморского и Манаскентских курганов может указывать и на способы ношения и расположения отдельных категорий оружия. В ходе погребального ритуала оружие (как и некоторый другой инвентарь, в частности керамика) использовали с ритуальными, культовыми целями. Такую роль могли играть вышедшие из употребления вследствие неполной их сохранности вещи (обломок бронзового наконечника стрелы). Железо, предметы из железа (мечи и кинжалы) несли большую ритуальную нагрузку в идеологических представлениях древнего населения Дагестана. Вопрос этот рассматривался в литературе (42, с. 145—155).

Не случайным представляется нам выдвигание железного меча из деревянных ножен в погребении 30 Зеленоморского кургана. Кроме прочих смысловых нагрузок, не отражает ли этот прием постоянную готовность воина к любым неожиданностям судьбы.

Таких неожиданностей в жизни населения Приморского Дагестана албано-сарматского времени было, наверное, немало. Наглядным подтверждением этому является наличие застрявшей железной стрелы в ребре грудной клетки костяка из погребения Зеленоморского кургана.

Найденные в Зеленоморске и Манаскенте железные трехлопастные наконечники стрел — не редкость среди комплексов сарматского времени Дагестана, Северного Кавказа, юга нашей страны.

Некоторые категории вооружения последних веков до н. э. носят явно кавказский облик (здесь и ниже разрядка наша. — Б. С.). Это наконечники копий, не характерные для сарматских племен, а также наконечники стрел (26, с. 179). В то же время необычны для сарматских памятников костяные втульчатые наконечники стрел, найденные в Зеленоморском кургане, Таркинском и других могильниках Дагестана, Чечено-Ингушетии (Алхан-Юрт и т. д.). Костяные втульчатые наконечники стрел — местный кавказский элемент, вошедший в сарматскую культуру Предкавказья от аборигенных племен (Виноградов В. Б.).

Анализ местоположения наконечников стрел позволяет предположить наличие колчанов для них. В исследуемое время имелись колчаны в виде длинной коробки, соединенной с футляром для лука. Данный тип колчана отличается от скифского и приближается к сарматскому. Другим типом колчана является колчан в виде кожаного мешочка. Колчаны данного типа крепились к поясу при помощи крючьев. Подобные колчаны и крючья представлены в лесостепном Алтае довольно широко (43, с. 146).

Возможно, что вышеуказанные типы колчанов были распространены на территории Приморского Дагестана албано-сарматского времени. Отсутствие деревянного тлена остатков колчанов в погребениях Зеленоморска и Манаскента позволяет предположить, что они изготовлены из кожи. Налучья и гориты из дерева выявлены ранее на территории Горного Дагестана. Так, под погребением № 10 Хабдинского могильника, датируемым М. И. Пиккуль I—III вв. н. э., к западу от коня лежали остатки деревянного налучья сегментовидной формы, окрашенного в красноватые тона. Возле него найдена бронзовая пряжка, на поверхности которой замечена голубая лапа (23, с. 146). М. И. Пиккуль дает ее подробное описание. В одном из погребений найдена половина деревянного горита. От него остался деревянный тлен желтовато-красного тона. Общая длина налучья — около 1,20 м, ширина — не более 0,20 м. На крае налучья сохранилась замыкавшая его овальная пряжка со следами украшавшей ее голубой массы (23, с. 150, табл. XI 11).

Кроме того, наличие в массовом количестве мелких втульчатых наконечников стрел может свидетельствовать о широком использовании легкого лука. Сказанное не может послужить основанием для доказательства отсутствия тяжелого лука. Подтверждением этому может быть наличие крупного наконечника стрел, остатки панциря и кольчуги. Бытование тяжелого лука на территории Приморского Дагестана, видимо, можно отнести к концу II — начала III в. н. э. Все это и другие данные позволяют говорить о наличии как пещего, так и конного рода войск и связанной с ним определенной тактики ведения боевых действий. Отметим документированное наличие у названных родов войск и такого вида предметов вооружения, как лук и стрелы, мечи и кинжалы, копья и топоры. Кроме того, можно выделить наличие двух типов доспехов албано-сарматского времени на территории Приморского Дагестана. Возможно, кроме кольчуги и панциря, существовал еще один из видов доспехов, а именно комбинированный. Тем не менее появление панциря в албано-сарматский период — первый и наиболее ранний случай. Все это, видимо, объясняется, определенными преимуществами кольчуги.

Многочисленность и разнообразие панцирных пластинок свидетельствует о том, что они предназначены для тяжеловооруженного воина-катафрактария.

В VI—V вв. до н. э. в Средней Азии, Северном Причерноморье и Италии появляются новые конские доспехи, состоящие из налбника и нагрудного панциря. В конце V—IV вв. до н. э. в их состав добавляются попоны из полотна и набедренники, одновременно защищавшие и всадника, и коня. Эти доспехи прослеживаются до II в. до н. э., а затем усложняются. Уже, по-видимому, в тяжелой коннице последних Ахеменидов применялась попоны, усиленная железными пластинками. Она преобладает, главным образом, на Востоке, вплоть до III—IV вв. (44, с. 34). Видимо,

подобного типа попоны, усиленная железными пластинками, была в Зеленоморске. В том же массивном погребальном сооружении, кроме прочих предметов погребального инвентаря, имелись фрагменты костей черепа животного и отдельные кости конечностей. По определению специалиста (М.-Ш. С. Анаев), они, вне сомнения, принадлежали коню. Косвенным подтверждением этому может служить находка 125 фрагментов железных панцирных пластин (до начала раскопочных работ), в том числе и крупных, происходящих, возможно, от конского панциря. Кроме сплошной металлической попоны, доспехи включали налбник-маску и нашейный щиток. Утяжеление доспехов, естественно, требовало создания специальной породы лошадей, способной в боевых условиях выдерживать тяжесть доспехов и массу закованного в латы седока. Такая порода, очевидно, была выведена в позднепарфянский период, а затем распространена по всему античному миру (44, с. 34). Видимо, имела она распространение и на территории Дагестана. Судя по определению остеологического материала Карацанского могильника № 2 (погребение III—IV вв. н. э. в каменном ящике № 1), здесь обнаружены «кости боевого коня переднеазиатского происхождения» (Золотов К. Н. Отчет ... за 1979 г.).

Однако ввиду малой подвижности панцирной конницы уже с III—IV вв. начинается модификация конской брони, призванная повысить мобильность тяжелой кавалерии, причем наблюдается стремление максимально сохранить защитные свойства конских доспехов (44, с. 34).

Сведения письменных источников подтверждают данные археологии. Согласно Страбону албанские племена «...сражаются и пешими и на конях, в легком вооружении и в панцирях, подобно армянам. Войска они выставляют больше, чем иберы. Они вооружают 60 000 пехоты, 22 000 всадников — с каковыми силами выступили на борьбу с Помпеем», и далее: «Албаны сражаются дротиками и луками, имеют панцири, большие щиты и шлемы из звериной кожи, подобно иберам» (45, с. 219, 220).

Анализ предметов вооружения Дагестана из погребений Зеленоморского и Манаскентских курганов албано-сарматского времени свидетельствует об их богатстве и разнообразии, подтверждает нестабильность обстановки региона в указанное время, развившуюся в увеличении предметов вооружения среди погребального инвентаря. Сами предметы вооружения, стандартизация их размеров и типов, указывают на наличие определенных центров их производства, с одной стороны, и на сарматский, а позднее и гуннский, т. е. кочевнический, облик большинства категорий вооружения, — с другой стороны. Следует отметить, что предметы вооружения типично кочевнического облика могли быть изготовлены на месте. Так, железные втульчатые наконечники стрел некоторыми исследователями связываются с местным этносом (26, с. 180). Этому не противоречат богатые традиции из-

готовления оружия в древнем Дагестане и в последующее время. Наличие панциря, доспехов для защиты коня может свидетельствовать о существовании тяжеловооруженных воинов-катафрактариев, что также видно и на примере Калкинского могильника III—V вв. н. э. (29, с. 168).

Аналогичная картина наблюдается и в памятниках Азербайджана (Мингечаур). По свидетельству Страбона, Аппиана и других античных авторов, в составе населения древней Кавказской Албании II в. до н. э. — II в. н. э. отмечаются военная и имущественная знать (цари, жрецы), рядовые члены общины и т. д. (46, с. 61).

1. Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Шишлина Н. И. Отчет о работе Дагестанской экспедиции в 1985 г. // РФ ИИЯЛ. 1986. Ф. 3. Оп. 3. Д. 627.
2. Салихов Б. М. Отчет отряда Дагестанской экспедиции ИА АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 году // РФ ИИЯЛ. 1987. Ф. 3. Оп. 3. Д. 678.
3. Салихов Б. М. Отчет Приморского археологического отряда Института ИЯЛ Дагфилнада АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1988 г. // РФ ИИЯЛ. 1989. Ф. 3. Оп. 3. Д. 680.
4. Салихов Б. М. Исследование памятников сарматского времени на территории Ленинского района // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.
5. Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Шишлина Н. И. Работы Дагестанской экспедиции // АО 1985 года. М.: Наука, 1987.
6. Державин В. И., Малышев А. А., Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Сударев Н. И. Работы Дагестанской экспедиции // АО 1986 года. М.: Наука, 1988.
7. Салихов Б. М. Предметы вооружения из погребений Зеленоморского и Манаскентских курганов // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, 19—22 апр. 1988: Тез. докл. Махачкала, 1988.
8. Салихов Б. М. Новый памятник культуры Дагестана албано-сарматского времени // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1986—1987 гг. Махачкала, 1988.
9. Салихов Б. М. Беречь память веков. Махачкала, 1989.
10. Исследование Зеленоморского кургана-кладбища // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИИЯЛ в 1988—1989 гг. Махачкала, 1990.
11. Салихов Б. М., Якубов М. А. Музыкальный инструмент из Зеленоморского кургана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
12. Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. // СА. 1959. № 1.
13. Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.
14. Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг. // РФ ИИЯЛ. 1970. Ф. 3. Оп. 3. Д. 316.
15. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. // МИА. 1951. № 23.
16. Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
17. Пикуль М. И. Отчет о работе III Бавтугайского отряда Дагестанской археологической экспедиции 1958 года // РФ ИИЯЛ. 1959. Ф. 32. Оп. 1. Д. 16.
18. Давудов О. М. Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
19. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Грозный, 1963. Т. VI.
20. Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972.
21. Кереев Б. М. Чегемский курган — кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2.
22. Абрамова М. П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
23. Пикуль М. И. Хабдинский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.
24. Анфимов Н. В. Место-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951, № 23.
25. Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
26. Абрамова М. П. Некоторые особенности погребений III—I вв. до н. э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
27. Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов // МИА. 1961. № 101.
28. Мошкова М. Т. Памятники прохоровской культуры. САИ — Д 1—10. М., 1963.
29. Салихов Б. М. Калкинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
30. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
31. Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана по раскопкам 1954—1955 гг. // МИА. 1960. № 78. Т. II.
32. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
33. Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
34. Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом: (Раскопки Воронеж, учен. архив. комиссии (1910—1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII.
35. Смирнов К. Ф. Северский курган // Труды ГИМ. М., 1953. Вып. XI.
36. Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Труды ГИМ. М., 1947. Вып. XVII.
37. Котович В. Г. Отчет о работе I-го Горного отряда ДАЭ в 1967 г. // РФ ИИЯЛ. 1968. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26.

38. Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
39. Ленц Э. Э. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // ИАК. СПб., 1902. Вып. 4.
40. Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. 1982. № 3.
41. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983.
42. Давудов О. М. К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Махачкала, 1978.
43. Артамонов М. И. Сокровища саков // Памятники древнего искусства. М.: Искусство, 1973.
44. Никоноров В. П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. М., 1985. Вып. 184.
45. Страбон. География. Гл. V. Ср. XI, 3, 3. Перевод В. В. Латышева; Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.
46. Ионе Г. И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием // КСИИМК. 1955. Вып. 60.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ДРАКОН В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ ДАГЕСТАНА*

К числу распространенных зооморфных сюжетов средневекового декоративно-прикладного искусства Дагестана относится образ дракона. Изображение этого мифологического полиморфного существа представлено на изделиях мелкой металлопластики раннесредневековой эпохи — на литых бронзовых зооморфных браслетах VI—VII вв. из Урцекского могильника и на пряжках VIII—X вв. из Ботлихского могильника (рис. 1, 1, 2). Несомненные концы этих украшений оформлены в виде голов драконов с раскрытыми пастьми. Несмотря на условность и обобщенность изображений, они трактованы довольно живо и выразительно.

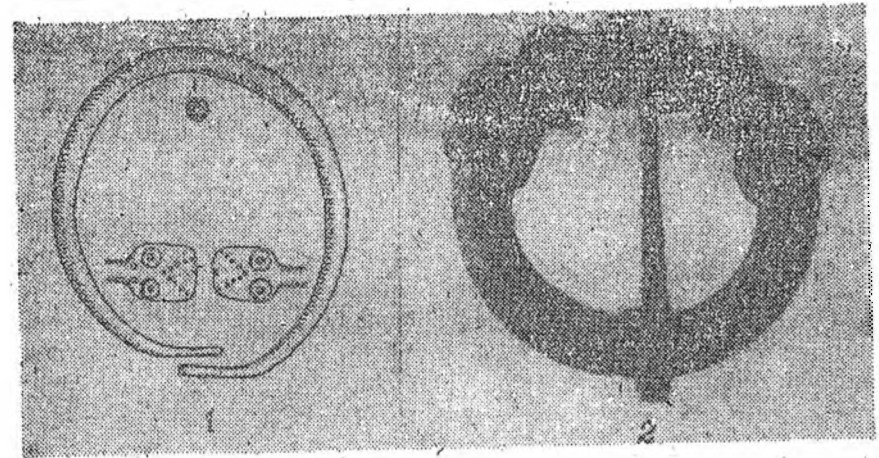

Рис. 1. Зооморфные металлические изделия из раннесредневековых памятников Дагестана:

- 1 — бронзовый браслет из Урцекского могильника VI—VII вв.;
2 — бронзовая пряжка из Ботлихского могильника VIII—X вв.

* Настоящая статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного 21 апреля 1988 г. на XV Крупновских чтениях. См.: Маммаев М. М. Образ дракона в средневековом искусстве Дагестана // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988. С. 81—82.

В несколько иной иконографической интерпретации моделированы изображения фантастических чудовищ — драконов на бронзовой гривне VIII—X вв., случайно найденной в Цумадинском районе (44, рис. 56). Массивный литой желобчатый обруч гривны завершается на концах объемно моделированными, двумя одинаковыми головками драконов. Удлиненные морды их вытянуты вперед, сильно раздутые ноздри в виде миндалин нарочито подчеркнуты. Рельефными выступами обозначены большие выпуклые глаза. Так же четко выделены оттянутые назад и прижатые к голове уши. Над лбом показаны уплощенным рельефным валиком роговидные элементы, суживающие концы которых огибают уши. В облике драконов, в экспрессивной подаче деталей мастером умело подчеркнута свирепость. Обломок аналогичной гривны с головками драконов на концах был найден в Бежтинском могильнике (1, с. 143, рис. 18—11). Фигуры драконов на перечисленных изделиях выполняли, вероятно, функцию оберега.

В период развитого средневековья, особенно в XIV—XV вв., образ дракона становится одним из популярных сюжетов лагестанского камнерезного искусства. На каменных рельефах XIV—XV вв. из сел. Кубачи изображение дракона представлено в различных композиционных воплощениях. В сюжетной композиции оно высечено на одном из оконных тимпанов (от него сохранились лишь 2 части), хранящемся ныне в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (2, табл. 72). Дракон, который преследует оленя, имеет извивающееся кольцом змеиное туловище, орнаментально трактованное птичье крыло, короткие когтистые передние лапки, широко оскаленную пасть с подчеркнуто острыми зубами и высунутым длинным жалом (рис. 2). Остроконечные уши прижаты к голове, грива передана рельефными завитками. Дракон настигает убегающего от него оленя и пытается схватить его за зад.

Голова оленя с длинными ветвистыми рогами резко повернута назад, в сторону преследующего его дракона. Ноги оленя сильно выброшены в беге вперед и назад.

Композиция с драконом, преследующим оленя, удачно и мастерски вписана в полукруг, окаймляющий тимпан.

Фигуры дракона и оленя, данные в высоком рельефе, тщательно проработаны, фон изображений подвергнут специальной декоративной отделке путем точечной обработки, что придает композиции выразительность и контрастность.

Снизу, параллельно описанной композиции, вдоль полукруга располагается узкая полоска, заполненная орнаментальным мотивом типа вьюнка — волнистого стебля, от которого попеременно, влево и вправо отгибаются ветки, завершающиеся стилизованными головами драконов с разинутыми пастьми, острыми зубами и высунутыми жалами. Головы драконов здесь трактуются как узорные декоративные элементы. В таком виде они встречаются и среди отдельных орнаментальных композиций ряда

других кубачинских каменных рельефов (2, табл. 43—45; 3, илл. 29—33). Так, изображение головы дракона с оскаленной зубастой пастью, высунутым длинным жалом, остроконечными и слегка обращенными вперед ушами нанесено на переднюю правую лопатку барельефной профильной фигуры льва с отбитой головой, находящейся в прошлом в кладке стены жилого дома П. Булгарова в нижнем квартале сел. Кубачи (2, табл. 53). В таком же подчеркнута свирепом виде трактованы изображения голов драконов, представляющие концы хвостов грифонов, воспроизведенных рельефно на горизонтальных бортиках кубачинского бронзового котла XIV—XV вв., так называемого закрытого типа, хранящегося ныне в Государственном Эрмитаже (4, табл. V, 9—11; 44, рис. 79).

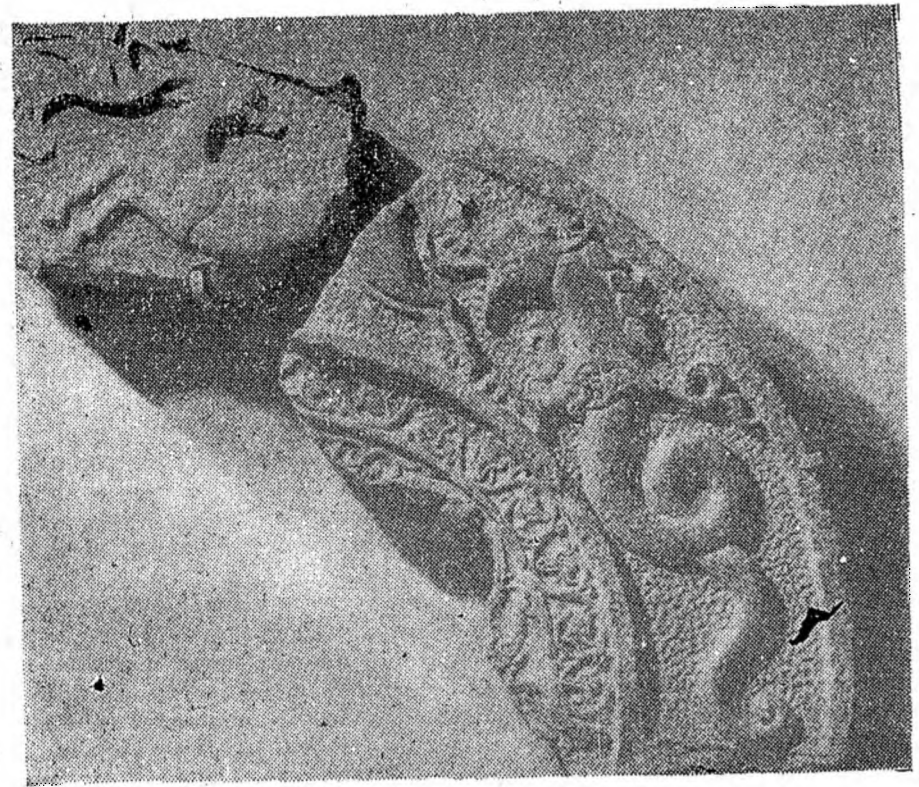

Рис. 2. Части каменного тимпана XIV—XV вв. из сел. Кубачи со сценой нападения дракона на оленя. ГЭ.

Другое изображение дракона в сюжетной композиции высечено на кубачинском рельефе XIV—XV вв., тоже находящемся в Государственном Эрмитаже (2, табл. 63): на камне четырехугольной формы (42×43,5 см) в плоском рельефе воспроизведена сцена борьбы льва с драконом (рис. 3). У последнего спирально закрученное гибкое змеиное туловище извивается между ногами льва, а голова с хищным оскалом зубастой пасти и высунутым жалом тянется к львиной морде.

В напряженной позе орнаментально трактованного льва, раскрытой пасти, круто выгнутой шее, во всем его грозном облике заметна могучая сила и, судя по всей сцене схватки, можно предположить ее драматический исход.

Рельефное изображение одиночного дракона, заключенного в фигурную рамку, представлено на камне четырехугольной

Рис. 3. Каменный рельеф XIV—XV вв. из сел. Кубачи со сценой борьбы льва с драконом, ГЭ.

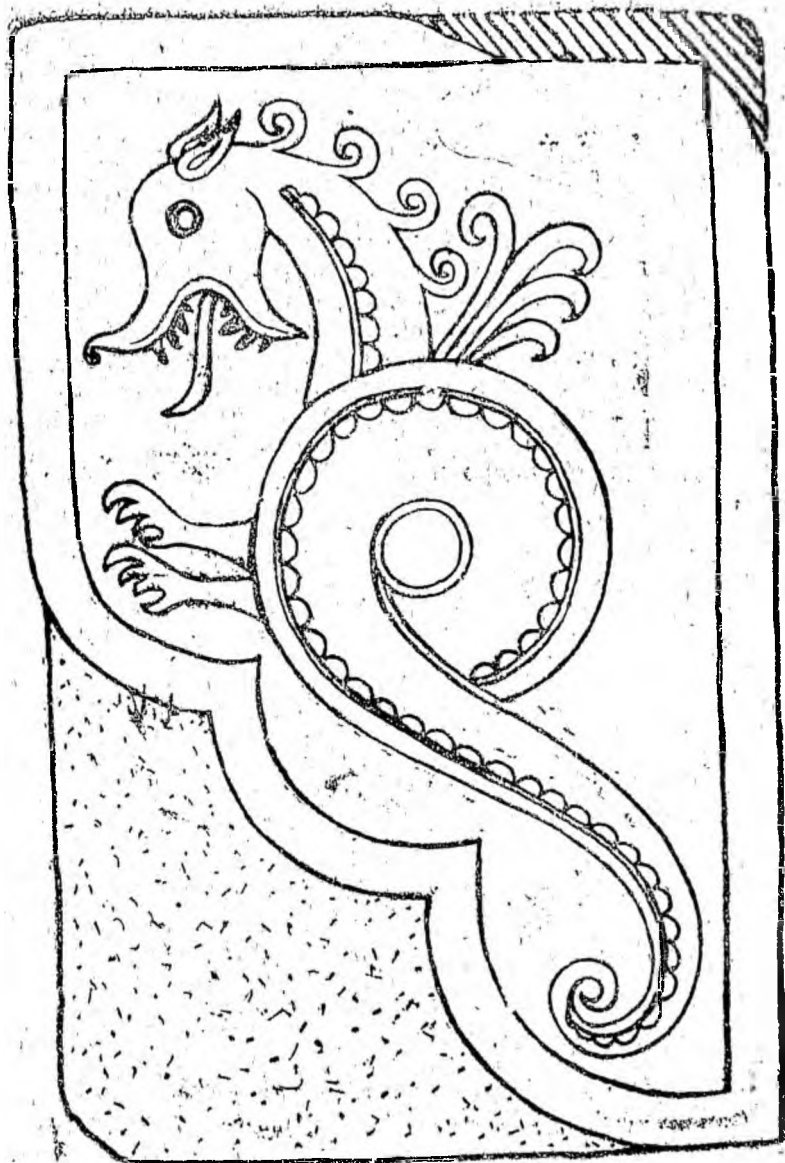

Рис. 4. Изображение дракона на камне в стене жилого дома Шахаева Ш. из сел. Кубачи XIV—XV вв.

формы, вставленном между окнами второго этажа в южной стене жилого дома Шахаева Ш. (рис. 4) в среднем квартале сел. Кубачи (5, с. 51—52). По стилю и трактовке деталей изображения — коротких когтистых лап, декоративно трактованного крыла, широко раскрытой пасти, спирально закрученного туловища и т. д. оно близко изображению дракона на описанном выше тимпане. Не исключено, что данное изображение дракона входило вместе с другими не сохранившимися теперь изображениями (рельеф в настоящее время находится не на первоначальном месте)* в сюжетную композицию.

Второе изображение одиночного дракона, выполненное барельефно, представлено на большом (1,40×0,55 м) четырехугольном каменном блоке (рис. 5), обнаруженном в кладке стены старого жилого дома М. Булгарова в нижнем квартале сел. Кубачи (5, с. 51—52). Оно было найдено в 1980 г. при ремонте дома уложенным в кладку стены изображением внутрь. Голова дракона и хвост отсутствуют — они высечены на других камнях. Ноги дракона сбиты, изогнутое туловище его (длиной более 1 м), а также бедро и лопатка проработаны орнаменталь-

Рис. 5. Каменный рельеф с изображением дракона (голова и хвост отсутствуют), найденный в стене дома М. Булгарова в сел. Кубачи. XIV—XV вв.

* По сообщению местного информатора Г.-М. Кишева (102 года в 1981 г., рельеф с драконом и другие рельефы, вставленные в кладку стен дома Ш. Шахаева, в конце XIX в. были взяты из развалин так называемых «Хала хьулбе» (Большие дома) — сооружений дворцового типа, принадлежавших общественным органам местного самоуправления. О них см.: 6, с. 179—180; 7, с. 25—34, рис. 13—19, табл. I—III.

ными завитками. Контур спины отмечен, как и у дракона на камне в стене Ш. Шахаева, рельефными полукруглыми фестонами, передающими, вероятно, чешую. Фон изображения подвергнут декоративной точечной обработке. Изображение дракона на рассматриваемом рельефе по стилю и технике исполнения близко изображениям драконов на отмеченных выше рельефах. Вместе с тем оно отличается от них монументальностью форм и более пластической трактовкой. Определить его первоначальное местоположение весьма трудно, вероятно, он входил в комплекс декоративного убранства кубачинских общественных домов дворцового типа «Хала хьулбе» (Большие дома), включающих здания «Чиналла хьал» (Чинальский дом) и «Гулалла хьал» (дом членов «союза неженатых») — выдающихся архитектурных сооружений (6, с. 179—180; 7, с. 25—34, рис. 13—19, табл. I—III), богато и нарядно отделанных каменными рельефами и, вероятно, резным деревом. Возможно, что оно служило таким же оберегом-апотропеем, могучим и грозным стражем дома, как и изображения драконов на тимпане портала мечети XIV в. на городище Анау близ г. Ашхабада в Туркмении (8, с. 125—129), а также изображения драконов на средневековых воротах Халеба и Багдада (8, с. 128, илл. 21).

Несколько отличаются от описанных характером трактовки и композиционного решения изображения двух драконов на северовосточной стороне саркофагообразного надгробия из сел. Калакорейш (10, с. 114, рис. 8). Они высечены на кромке надгробия в центре фризообразной многочастной композиции. Драконы показаны со сплетенными в узел змеиными туловищами и обращенными друг к другу головами с широко раскрытыми пастьми.

Аналогичным образом, с перевитыми в узел змеиными туловищами, но с обращенными в разные стороны головами (они сбиты) воспроизведены драконы на кубачинском каменном рельефе XIV—XV вв. (рис. 6), находящемся теперь в историко-этнографическом музее Даггосуниверситета им. В. И. Ленина.

Композиция с драконом помещена ниже рельефного профильного изображения бегущего вправо оленя (голова сбита).

Как видно из сделанного выше обзора, в средневековом камнерезном искусстве Дагестана изображение дракона получило широкое распространение, особенно в мифологии, фольклоре (откуда он перешел во многие литературные произведения средневековья (9, с. 98—99, 113—114, илл. 82—101; 11, с. 372—375; 12, с. 161—162; 13, с. 394), в традиционных верованиях и в искусстве многих народов мира. Он прошел множество стадий своего развития от хтонических культов до пережиточного фольклора, пока не выродился в декоративный мотив (14, с. 121).

Следует отметить, что образ дракона особой популярностью пользовался в традиционных верованиях, мифологии и искусстве Китая (15, илл. 11, VI—VII, 26, 29, 100, 102; 16, с. 37, 169—184), а также в сопредельных с ним странах Азии. Причем в Китае

желтый дракон в одиночном изображении в прошлом являлся государственным гербом (8, с. 125).

Дракон и ныне служит одним из кабалистических знаков восточного календаря, согласно которому он выступает носителем доброго начала, удачи и благополучия.

Наиболее характерными для образа дракона являются, как это проследжено Я. В. Чесновым (17, с. 59—71), такие особенности как: 1) очень широкое распространение в обширных хронологических и территориальных (географических) рамках; 2) наибольшая популярность среди других синкретических существ — грифонов, единорогов, сфинксов, василисков (змеептиц) в мифологии, фольклоре и народном изобразительном искусстве;

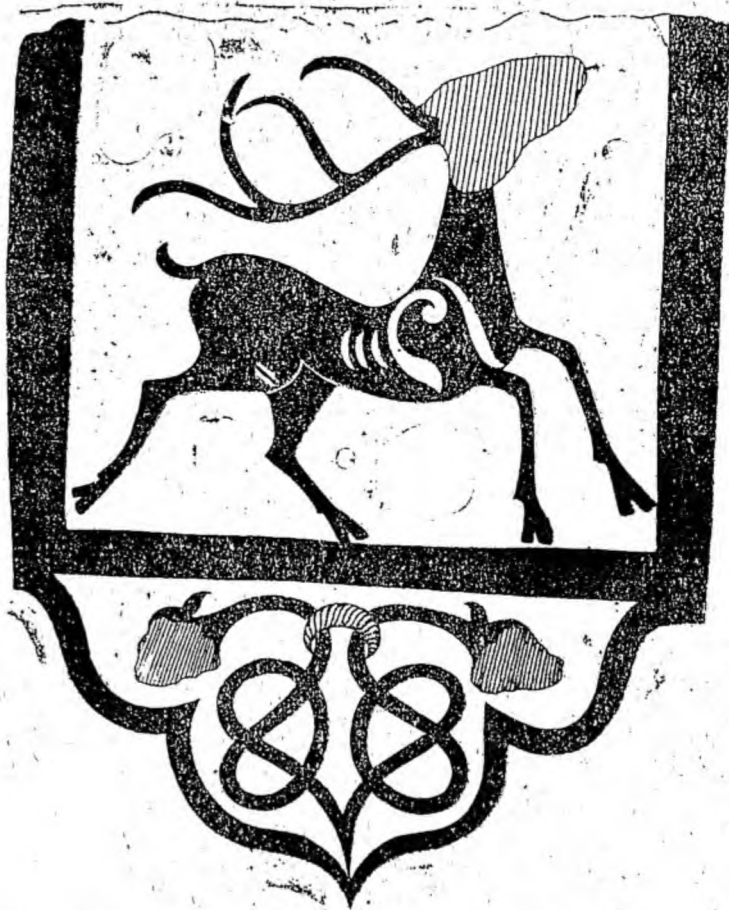

Рис. 6. Рельеф XIV—XV вв. из сел. Кубачи с изображением оленя и дракона. Музей ДГУ.

3) максимальное выражение синкретичности образа, в котором объединены черты многих существ (в китайской традиции, например, 9 существ).

Сложный и причудливый образ дракона в мифологии, фольклоре и народном изобразительном творчестве был связан с образом змеи, также хорошо известным в декоративно-прикладном искусстве Дагестана периода раннего средневековья (18, с. 44—45).

В изображении дракона на средневековых кубачинских каменных рельефах прослеживаются черты, общие для языческой «драконологии» (14, с. 121) — соединение в одном образе характерных признаков зверя, птицы и рептилии. Вместе с тем в трактовке этого фантастического существа, в передаче деталей и всего облика отчетливо видны местные специфические особенности его иконографии. Очевидно, образ дракона связан с распространенным в мифологии, фольклоре и верованиях дагестанских народов, в том числе у кубачинцев, образом аждахи, иногда ассоциировавшийся с образом змеи, выступавшей, с одной стороны, как оберег-охранитель, с другой стороны — как враждебное человеку демоническое существо (19, с. 175, 180—181; 20, с. 9—46; 21, с. 5). Именно как оберег-охранитель, с одной стороны, и как враждебное человеку демоническое существо, воплощающее темные, злые силы — с другой, осмысливается семантика образа дракона в средневековом искусстве Кавказа (22, с. 79, 80, 102), Средней Азии (8, с. 125—129; 23, с. 16—27), Древней Руси (14, с. 120) и других историко-культурных регионов.

Анализ изобразительного материала позволяет считать, что древние мифологические представления дагестанских народов, как и многих народов мира, пронизаны идеей извечного антагонизма добра и зла, непрекращающейся борьбы света и мрака. Эта же идея лежит, вероятно, в основе сюжета преследования оленя драконом на описанном выше тимпане. В средние века были распространены сказания об извечной борьбе между оленем (олицетворявшем свет, солнце — 24, с. 170—174)* и змеем или драконом (олицетворявшими темные, злые силы): «Когда олень видит нору змеи, он наполняет рот водой, и извергая ее в отверстие норы, заставляет своего врага выйти из убежища. Затем он топчет змею копытами и поедает ее» (27, с. 263).

Изобразительные сюжеты на эту тему известны в средневековом искусстве Византии (27, с. 263—266). А на серебряном блюде IX—X вв. эрмитажного собрания, найденном в бывшей Вятской губернии, представлена сцена нападения дракона на оленя (27, с. 266, илл. 377) (с ней семантически сопоставима сцена преследования драконом оленя на кубачинском рельефе),

* Характерно, что в древнем и средневековом искусстве Дагестана изображения оленя очень часто сопровождают солярные символы-знаки солнца, см.: 25, рис. 5—7, 6—24; 26, рис. 16, 32.

в которой заключена, как полагает В. П. Даркевич, та же дуалистическая идея постоянной борьбы света и мрака (27, с. 264).

Иное изобразительное воплощение и композиционное решение той же идеи антогонизма полярно противоположных сил представлено на рассматриваемом выше кубачинском рельефе сценой борьбы льва с драконом, где лев выступает олицетворением солнца, света, а дракон — темных и злых сил.

Сюжет на данном рельефе семантически аналогичен сюжетам терзания орлом или грифоном змея или змеевидного дракона, хорошо известным в средневековом искусстве Византии, Греции, Болгарии и других стран, представленным в миниатюре, в живописи (фрески), поливной керамике, художественном металле XI—XIII вв. (27, с. 192—194, 263, 266, илл. 299—300, 376). Орлы и грифоны на них, олицетворяя все светлое и доброе, выступают могучими победителями темных и злых сил, воплощением которых выступали змеи или змеевидные драконы.

Дуализм, характерный для древнейшего мифотворчества вообще (13, с. 408—409; 28, с. 288—289; 29, с. 101—102; 30, с. 19—20), впоследствии нашел особенно яркое проявление в религиозной системе зороастризма. В священной книге зороастрийцев «Авесте» (29, с. 286—292; 31, с. 337—348) — сборнике религиозных гимнов и эпических сказаний иранских народов — главным сюжетом является вечная борьба доброго бога Ахура-Мазды и злого бога Ангро-Майнью, в которой отразилась первобытная мифологическая концепция двух братьев-близнецов—врагов, генетически связанная с дуализмом фратрий (родов) у первобытных народов.

Дуалистическая концепция зороастризма нашла отражение и в произведениях искусства стран Ближнего Востока — в настенной живописи (фрески III в. н. э. в Дуре-Европос в Сирии), сасанидской глиптике, тореитике и наскальных рельефах (32, с. 243—253).

Столкновение противоположностей, антогонизм добра и зла древние люди подмечали в окружающей их действительности — в природе и в социальной жизни. Представления, развившиеся на почве осмысления всего этого и «переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией» (33, с. 122), нередко воплощались в причудливые мифологические образы, олицетворявшие борьбу добра и зла, света и тьмы.

В религиозно-мифологических представлениях образ дракона, как и змея, очень часто связывался с плодородием и водной стихией (23, с. 25; 28, с. 294, 305; 34, с. 254—255). Чудовищная змея-аждаха в мифологических представлениях и в фольклоре кубачинцев изображается то трехглавой, то семиглавой, заграждающей воды (источники). Е. М. Шиллинг отмечает, что «кубачинцам не чужды были в прошлом представления... о чудовищном змее «аждаха», заграждающем воды». Пословица гласит:

«Как аждаха, захватила воду, так люди захватили вещи» (6, с. 14).

В устном творчестве аварцев, даргинцев и других народов Дагестана дракон также изображается живущим у воды (19, с. 87—88, 91—95, 107—111; 35, с. 95, 100—101; 36, с. 18). В аварских сказках, например, поселившийся у источника огромный девятиглавый дракон аждаха, «из глаз которого сыпались крупные искры, из ноздрей клубами шел дым, а из рта вырывалось пламя», лишь раз в год допускает людей к воде, за что каждый раз ему отдавали самую красивую девушку (19, с. 91—95).

В лезгинских легендах и верованиях дракон выступает живущим в водоеме и не допускающим людей к воде, отчего люди и погибают от жажды (37, с. 104; 38, с. 82—83).

Довольно распространенным сюжетом дагестанских сказок, связанных с этим мифологическим драконом, является борьба героя с чудовищем, пожирающим людей. Г. П. Снесарев отмечает, что образ дракона, требующего человеческих жертв, — явление универсальное, распространенное у народов, у которых трудно даже заподозрить генетическую общность или наличие в прошлом культурных взаимовлияний (39, с. 31).

Хотя образ аждахи — чудовищного дракона мифологических представлений дагестанских народов, так же как у среднеазиатских народов, у азербайджанцев, татар, бшкир и др., близок к авестийскому образу (о чем говорит и само название «аждаха» — Ажи Дахака «Авесты» (23, с. 293; 39, с. 31—32), генетически он восходит, вероятно, к образу семиглавой змеи, известному в древнейшей мифологии народов Кавказа (40, с. 20).

Иллюстрацией, показывающей распространенность этого образа в древнейших мифологических представлениях кавказских народов, является, как это установлено еще Л. П. Семеновым (41, с. 58), графическое изображение на одном из бронзовых топоров начала I тыс. до н. э., найденном в памятниках кобанской культуры в Северной Осетии. Оно воспроизводит сцену борьбы вооруженного луком человека с семью змеями (40, с. 22, рис. 23—25).

Позднейшим воплощением в искусстве Дагестана мифологического и фольклорного сюжета борьбы героя с многоглавым драконом и освобождения плененной чудовищем девушки является рельефная композиция, высеченная на камне XIX в. из сел. Кубачи (2, с. 73—74, табл. 93), хранящемся ныне в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Это свидетельствует о том, что реликты древнейших мифологических представлений долго сохранялись в фольклоре, а в народном изобразительном искусстве веками бытовавшие в народе фольклорные сюжеты и мотивы нашли яркое образное воплощение.

Живучесть в народной среде вплоть до наших дней мифологическо-фольклорного мотива победного сражения героя-драконоборца иллюстрирует также сюжеты, выгравированные на оваль-

ном подносе и на кувшине серебряного коньячного сервиза* работы кубачинских мастеров Г.-М. Багатырова и А.-К. Омарова (рис. 7). На центральном поле подноса в фигурном медальоне в технике гравировки с чернью изображена сцена борьбы вооруженного мечом юноши с огромным драконом с извивающимся чешуйчатым туловищем, длинным змеиным хвостом, мощными когтистыми лапами, разинутой зубастой пастью с высунутым жалом. Она умело и мастерски включена в орнаментальную композицию. Две аналогичные сцены в той же технике изображения и на тулове кувшина — слева и справа от носика. Все эти сцены воспринимаются как сказочные фольклорные мотивы благодаря условности и своеобразной декоративной трактовке персонажей — юноши и дракона.

Сервиз этот, как и многие другие высокохудожественные изделия из серебра с изобразительной тематикой, навеянной сюжетами и образами средневековых каменных рельефов и бронзовых котлов, созданные народными художниками РСФСР кубачинскими мастерами Р. Алихановым, Г.-Б. Магомедовым и другими, служит наглядным свидетельством плодотворности творческого

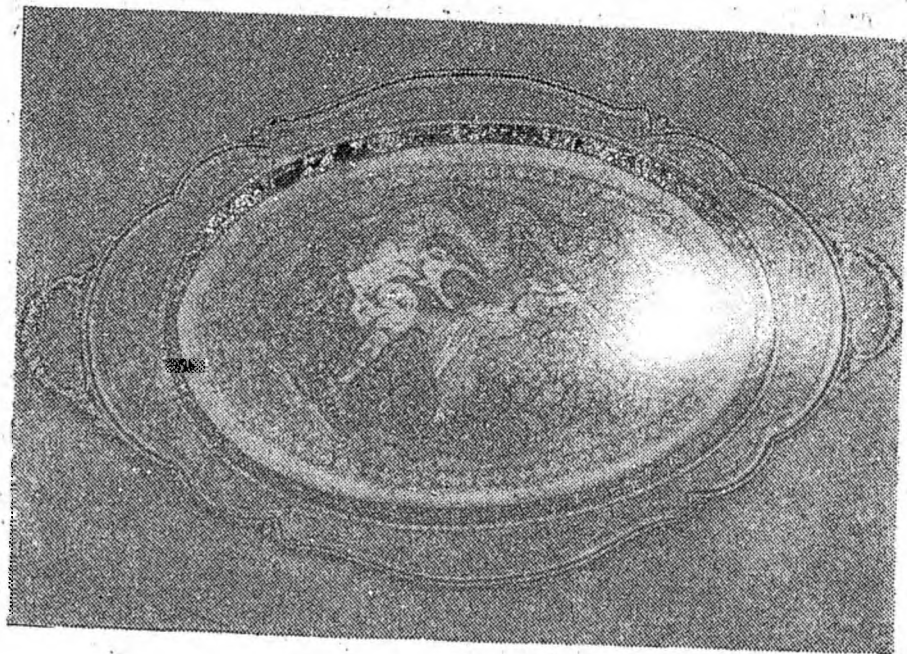

Рис. 7. Серебряный поднос сервиза работы кубачинских мастеров Г.-М. Багатырова и А.-К. Омарова. 1973 г.

* Сервиз изготовлен в 1973 г. на Кубачинском художественном комбинате. Местонахождение сервиза в настоящее время неизвестно.

использования фольклорных сюжетов в современном декоративно-прикладном искусстве и так же, как и обращение к фольклорному наследию, к истокам народного творчества (42, с. 82—85; 43), является процессом плодотворным в деле обогащения литературы, поэзии, музыки, хореографии, театра и других видов искусства.

1. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
2. Башкиров А. С. Искусство Дагестана: Резные камни. М., 1931.
3. Искусство Кубачи: Альбом / Авт.-сост. А. Иванов. Л., 1976.
4. Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962.
5. Маммаев М. М. Исследование памятников средневековой скульптуры // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: (Тез. докл.). Махачкала, 1982.
6. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: Историко-этногр. этюды. М.; Л., 1949.
7. Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. М.; Л., 1935.
8. Пугаченкова Г. А. Драконы мечети Анау // СЭ. 1956. № 2.
9. Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана. М., 1974.
10. Маммаев М. М. О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.
11. Фирдоуси А. Шахнаме. Т. 1. М., 1957.
12. Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976.
13. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1.
14. Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М., 1964.
15. Арапова Т. Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л., 1977.
16. Юань Ке. Мифы древнего Китая / Перев. с кит., послесл. Б. Л. Рифтина. М., 1987.
17. Чеснов Я. В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.
18. Маммаев М. М. Змея и скорпион в раннесредневековом прикладном искусстве Дагестана // IX Крупновские чтения: (Тез. докл.). Элиста, 1979.
19. Аварские народные сказки / Сост., пер. и примеч. Д. Атаева. М., 1972.
20. Сказки и басни, собранные и переведенные с аварского Айдемир Чиркеевским // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.
21. Сказочные самоцветы Дагестана / Сост., пер., коммент. А. Назаревича. Махачкала, 1975.
22. Якобсон А. Л. Очерк истории зодчества Армении V—XVIII вв. М.; Л., 1950.
23. Беленицкий А. М., Мешкерис В. А. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. 1986. № 3.
24. Окладников А. П. Олень — Золотые рога. М.; Л., 1964.

25. Атаев Д. М., Марковин В. И. Петрография горной Аварии // Учен. зап. ИИЯЛ. Сер. ист. Махачкала, 1964. Т. XIV.
26. Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
27. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975.
28. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
29. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
30. Шахнович М. И. Мифы о сотворении мира. М., 1969.
31. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
32. Тревер К. В. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма // ТОВЭ, Л., 1939. Т. I.
33. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. В 2 т. М., 1976. Т. I.
34. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
35. Даргинские сказки / Пер., предисл. и примеч. М.-З. Османова. М., 1963.
36. Даргинские народные песни / Сост. З. Магомедов, Ф. Алиева. Махачкала, 1970. (Даргин. яз.).
37. Трофимова А. Г. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов южного Дагестана // Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1966. Вып. II.
38. Гаджиев Г. А. Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков. Махачкала, 1984.
39. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
40. Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900.
41. Семенов Л. П. Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос. Дзауджикау, 1945.
42. Гамзатов Г. Г. Художественное наследие и современность. Махачкала, 1982.
43. Народные традиции в современном профессиональном искусстве Дагестана. Махачкала, 1984 (см. статьи Г. А. Султановой, М. И. Магомедовой-Чалабовой, Б. Н. Магомедгаджиевой, З. А. Гейбатовой-Шолоховой, М. А. Коркмасовой, А. М. Умахановой).
44. Маммаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989.

МОГИЛЬНИК У СЕЛ. ДУРАНГИ *

Могильник находится в 500 м к востоку от проселочной дороги, идущей из селения Дуранги в Апти (Буйнакский р-н). Его отделяет по прямой от сел. Дуранги 3 км, а от с. Апти, расположенного от него к С-В, — не менее 3 км.

Могильник расположен на северном склоне небольшой возвышенности, слева от дороги. С севера его ограничивает глубокий обрыв, куда выходит родник и пещера. Протяженность могильника по линии В-З более 50 м.

Могильник состоит из каменных склепов с очень массивными плитами перекрытия. Два из них, выходящие своими перекрытиями на поверхность и доступные для исследования, были раскопаны. Земля, перекрывавшая склепы, состояла из толстого слоя гумуса (25 см), ниже которого залегал песок до самого каменистого основания скалы.

Склеп № 1 (гл. 1, 13 м от поверхности до дна могилы) имеет в плане форму вытянутого прямоугольника, ориентированного с ЮЗ на СВ. Его перекрытие состояло из пяти массивных плит, положенных поперек могилы, параллельно друг другу. Их размеры 110 (115) × 50 (40) см при толщине не менее 10 см. Две плиты перекрытия сохранились полностью, остальные три были разбиты. За южным краем могилы было много небольших по размеру плит, составляющих как бы продолжение перекрытия, но уже вне могилы. Они лежали в три яруса, причем наиболее массивные плиты составляли верхний ярус, а наиболее мелкие — нижний (рис. 1).

Внешние размеры склепа 2,46 × 1,10 м. Стены склепа сооружены из хорошо пригнанных друг к другу плит, положенных в пять ярусов, причем нижний ярус составлен из массивных и крупных плит, верхний — из более мелких плит. Внутреннее пространство склепа имело размеры 2 × 0,55 (0,60) м., высота стен 0,70 м.

Склеп построен на каменистом основании скалы. Его дно густо обмазано глиной. Здесь оказался погребенным один чело-

* Настоящая статья является извлечением из текста отчета М. И. Пикуль за 1959 г. (1, с. 69—89; 2, табл. XXXVII—XIV). Материалы к изданию подготовлены Л. Б. Гмыря.

век. Он лежал вытянуто, на спине, головой на запад. От позвонков, ребер и таза остался едва заметный тлен.

Инвентарь при погребенном был немногочислен. Справа от черепа в южном углу склепа стоял маленький красноглиняный кувшин, севернее его лежало пряслице. По обе стороны черепа обнаружены две мелкие височные привески кольцевидной формы с граненой бусиной на конце (рис. 3, 2). На предплечьях рук находились браслеты (рис. 5, 3), а на груди лежала треугольная привеска с полусферическими выступами (рис. 4, 2).

Череп посыпан угольками. В ногах найдено несколько обломков красноглиняного и сероглиняного сосудов с лощеной поверхностью.

Судя по расколотым плитам перекрытия, отсутствию некоторых частей скелета можно предположить, что погребение ограблено.

Склеп № 2. Располагался на 1,5 м глубже склепа № 1, в 2 м к западу от него. Он был перекрыт слоем грунта толщиной 60 см., дно склепа находилось на глубине 1,60 м от поверхности.

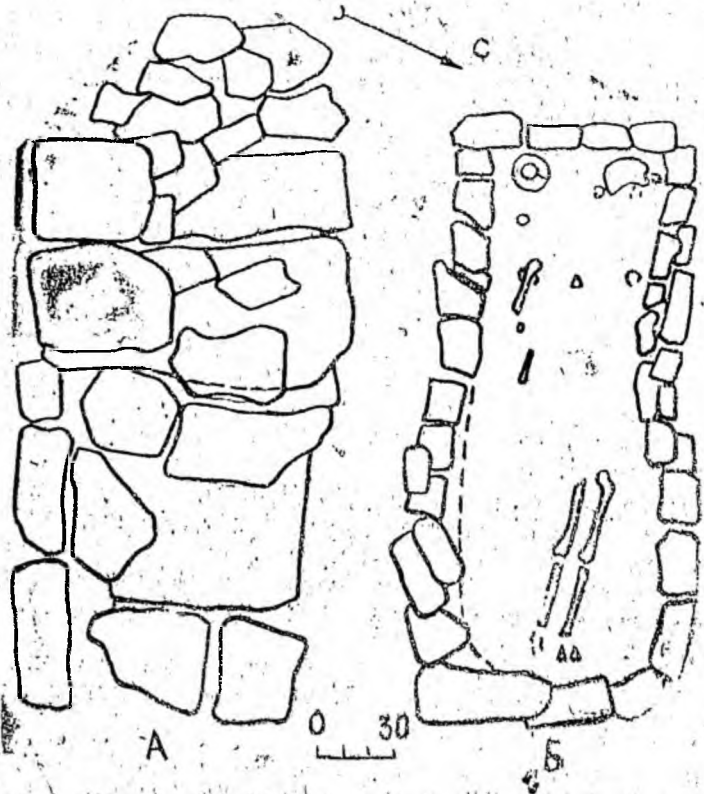

Рис. 1. Могильник у с. Дуранги. План каменного склепа № 1

Склеп № 2 имел в плане прямоугольную форму. Северо-восточная часть склепа перекрыта несколькими мелкими плитами, уложенными поперек могилы, параллельно друг другу. Юго-западная половина склепа перекрыта массивной плитой размером 1,60×1×0,17 м. (рис. 2). Плиты перекрытия слегка оббиты. Внешние размеры склепа составляли 2×1,5 м, ориентация — с СВ на ЮЗ. Внутренние размеры могилы 2×1,10×1 м.

Продольные стены склепа сооружены из оббитых плит, положенных насухо в шахматном порядке: в 10 ярусов по высоте, 8—10 по длине и в 1 ряд по ширине. Та же конструкция была и у поперечных стенок, сохранившихся на высоту 8 рядов.

В этом каменном склепе оказалось коллективное погребение четырех человек.

На глубине 0,50 м от перекрытия находились кости самого позднего погребения. Умерший был погребен в полусидячем положении, с вытянутыми ногами, спиной к западной стене склепа, лицом на восток. Правая рука лежала вдоль туловища. Нижняя челюсть упала и находилась справа от плечевой кости. Позвонки и ребра были разбросаны. В первоначальном положении находилась только нижняя половина туловища.

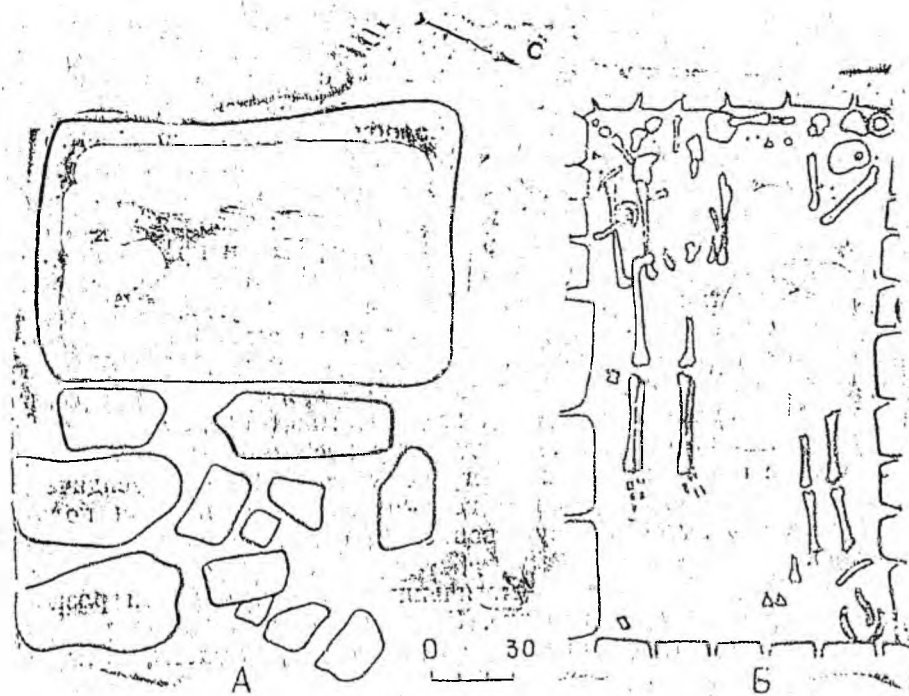

Рис. 2. Могильник у с. Дуранги. План погребения № 2

Инвентарь, сопровождавший погребенного № 1, состоял из конского зуба, лежащего вместе с фрагментом керамики у восточной стенки склепа, и еще одного фрагмента керамики.

Остальные три скелета находились на дне могилы, на глубине 0,98—1 м от каменного перекрытия склепа.

Кости второго скелета располагались прямо под скелетом № 1, ближе к Ю-З углу могилы. Если положение первого скелета указывает, что он был положен в полусидячем положении, то расположение нижних конечностей второго говорит о том, что он был посажен вплотную к западной стене, но также с вытянутыми ногами. Лицо его было обращено на В. In situ находились тазовые кости и бедренные, по обе стороны от них — плечевые. Зубы обнаружены в Ю-З углу и там же, еще ниже, череп. Слева от костей находилась его вторая половина. Остальные кости были плохой сохранности и превратились в тлен.

При погребенном имелся инвентарь — украшения и предметы туалета. Справа от него, в юго-западном углу могилы, лежали: зеркальце, бронзовая ложечка, шейное украшение на кожаном ремешке из спиралек и граненых бус, массивный граненый браслет, бусы. Вдоль западной стены склепа стояло три сосуда.

В Ю-З углу также лежали друг на друге две массивные височные привески с 14-гранной бусиной на конце, множество бус из стекла и пасты, халцедоновая печать с неясным выгравированным изображением, бронзовое коромысло от весов и железная пряжка от пояса. Все это было обильно посыпано углем.

Кости третьего скелета находились в северо-восточном углу склепа. Погребенный был помещен в сидячем положении, лицом к Ю-В. От него сохранилось несколько костей: тазовая кость, по обе стороны от нее оба бедра, несколько ребер и правая плечевая кость, находившаяся около западной стены склепа. Череп лежал на костях таза. Около таза было много угля. Инвентарь состоял из трех кувшинов, находившихся за спиной погребенного, браслета, лежавшего на правой лучевой кости. Поблизости обнаружено пряслице и три миниатюрные привески в виде руки. В области таза и левого бедра находилось много бус.

Четвертый погребенный находился у восточной стены склепа. Положение его тождественно погребенному № 1 — полусидячее, с вытянутыми ногами. Лучше всего сохранилась нижняя половина туловища. Череп отсутствовал. При нем не оказалось инвентаря.

Погребальный инвентарь могильника близ с. Дуранги разнообразен по своему назначению. Здесь имеется бытовая утварь (глиняные сосуды), украшения, орудия труда, амулеты, печатка и предметы туалета.

Керамика. Глиняные сосуды обычно располагались вдоль стены могилы. Они довольно характерны как по форме, так и по способу отделки внешней поверхности. Это была преимущественно

но красноглиняная посуда, покрытая тонким слоем темно-красной и оранжево-красной ангобы, поверхность ее залощена. По-видимому, слишком сильный обжиг и недостаточно толстый слой ангобы на поверхности сосуда являлись причиной весьма плохой сохранности сосудов, вернее, их поверхности, в результате чего местами краска облупилась и обнажилась желтая глина, содержащая небольшое количество примеси шамота. Глиняное тесто хорошо отмучено.

Красноглиняная керамика представлена одноручными кувшинами с широким горлом цилиндрической формы и приземистым туловом. Форма корпуса и ширина днища определяли такие разновидности сосудов: а) приземистые, с широким днищем и биконической формой тулова (рис. 8, 4); б) с округлым и высоким цилиндрическим горлом (рис. 8, 1); в) стройные, с биконической формой корпуса (рис. 8, 5); г) кувшин крупных размеров, с округлым туловом и высоким горлом и чуть отогнутым наружу венчиком. Носик такого сосуда сжат с боков (рис. 8, 3).

Эти сосуды не имели орнамента, за исключением последней разновидности, украшенной по низу шейки резным елочным орнаментом, парой пуговичных выступов, помещенных по обе стороны водосливного носика. На ручке данного сосуда имелась тамга в виде перекрещенного трезубца.

Особняком стоит кувшинчик, отличающийся от других своей миниатюрностью, суженным кверху горлом, наличием сосцевидных выступов на тулове и ручке. Поверхность его покрыта красной ангобой и хорошо залощена. Изнутри горло покрыто густой ангобой светло-желтого цвета. Обжиг хороший и равномерный. Лощение было полосами (рис. 8, 2).

Помимо красноглиняной имелись фрагменты сероглиняной керамики, которая отличалась хорошим качеством лощения. Тесто такой керамики было почти без примесей шамота, подкладка сосудов светлая. К сожалению, можно только предполагать, что это черепки от кувшинов, поскольку такой керамики имелось весьма немного и фрагменты были от боковых стенок сосудов.

Украшения в склепах очень разнообразны: браслеты, головные булавки, пуговицы, височные привески, а главное, бусы от ожерелий.

Самыми многочисленными украшениями были бронзовые массивные браслеты с несомкнутыми концами. Отличительная особенность таких браслетов — расширения на концах и в середине. Одни из них (а таких было немного) приближались к пластинчатым и имели сегментовидной формы сечение (рис. 5, 3), другие выполнены из граненого прутка, ромбовидного в сечении (рис. 5, 1). Имелись также овальные в сечении браслеты, превосходящие другие по количеству (рис. 3, 4). Помимо бронзовых, имелся только один экземпляр железного браслета, форма которого иная — с змеевидными головками на несомкнутых, по-видимому, концах (рис. 3, 9).

Височные привески довольно типичны. Это были прутковые полукольца с граненой бусиной на одном из концов в виде куба со срезанными углами. В некоторых деталях они отличались друг от друга. Из верхнего склепа происходила пара височных колец, миниатюрных по размерам. У каждого из них бусина на конце стержня была более резкой огранки.

Большинство височных привесок из нижележащего склепа очень массивны, со стертymi гранями бусин (рис. 4, 5; 5, 5).

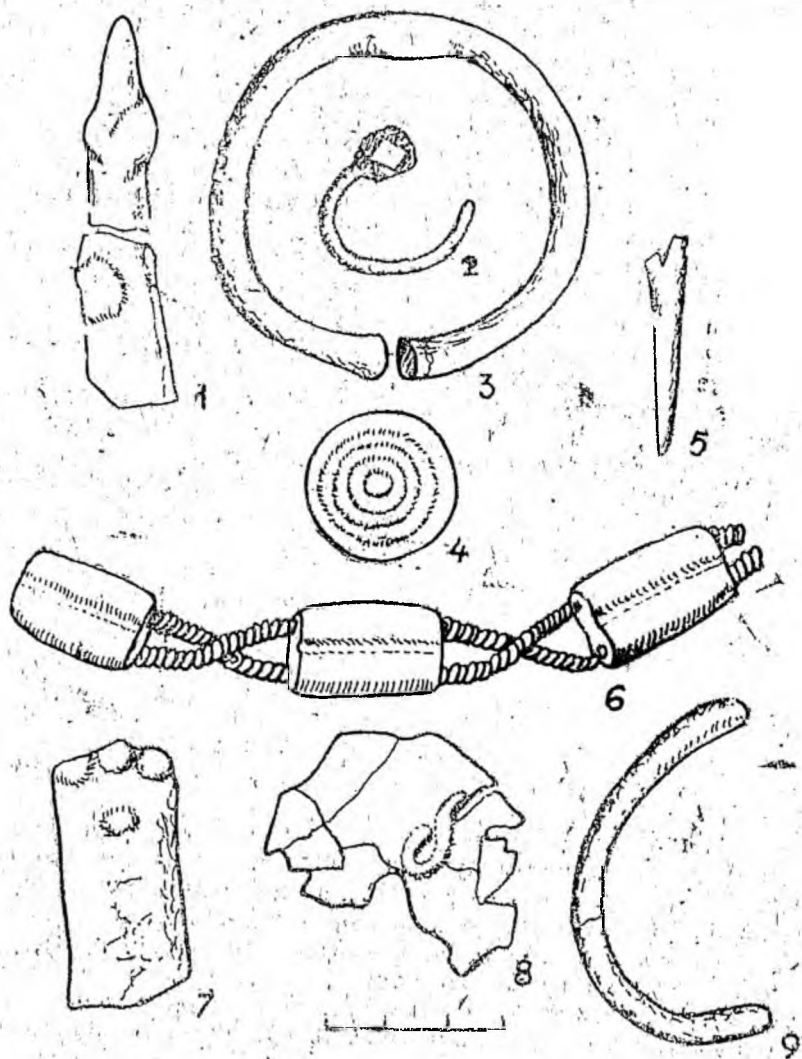

Рис. 3. Могильник у с. Дуранги. Инвентарь:
2, 3 — склеп № 1; 1, 4—9 — склеп № 2

И лишь один экземпляр привесок имел что-то вроде ложной гайки у места соединения бусины со стержнем. Но все височные привески подобного рода были отлиты вместе с бусиной.

От головной булавки сохранился один железный стержень с частью раскованного навершия, в котором имелось отверстие (рис. 3, 5).

Следует упомянуть нагрудное украшение треугольной формы с тремя парами роговидных выступов на каждом конце (рис. 4,

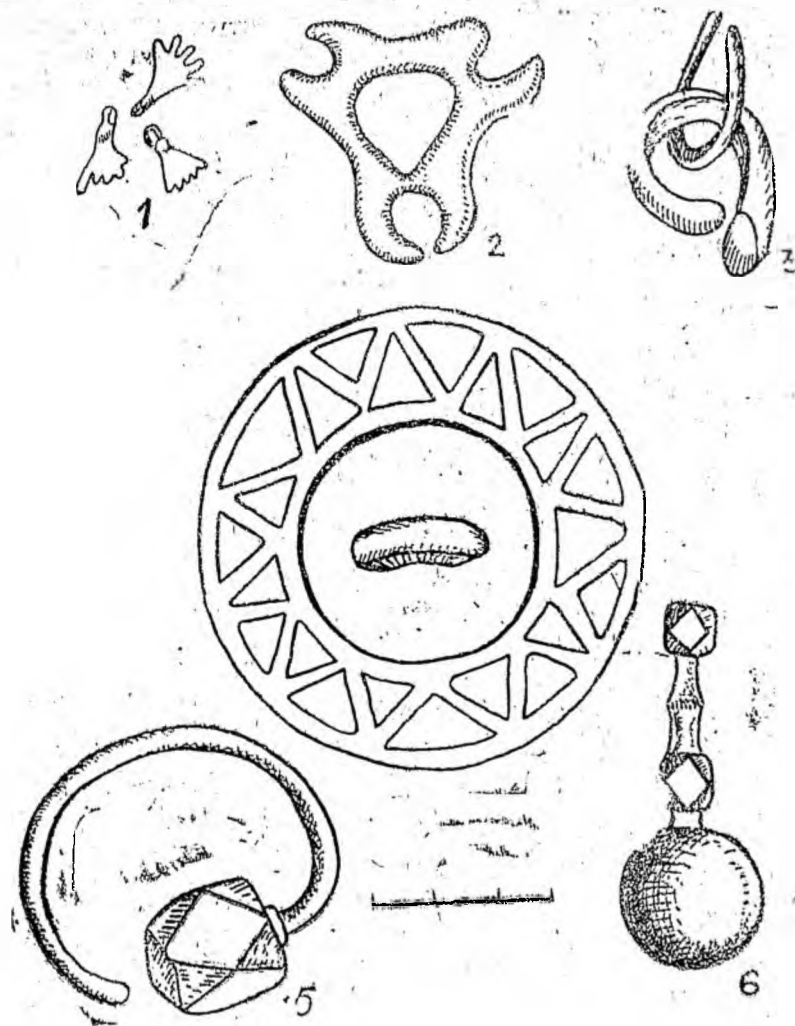

Рис. 4. Могильник у с. Дуранги. Инвентарь:
2 — склеп № 1; 1, 3—7 — склеп № 2

2) и шейное украшение. Последнее довольно массивно и оригинально по форме. Оно состояло из чередующихся между собой бронзовых плоских прямоугольных разделителей с желобком посередине и перекрещенных спиралек, нанизанных на тонкий кожаный ремешок или шнурок (рис. 3, б).

Следует упомянуть и о перстне, согнутом из овального в сечении прутка, у которого один заходящий расплющенный конец был моделирован в форме головки без особой детализировки глаз, ушей и рта (рис. 4, в).

Осталось неясным предназначение тонкой круглой пластинки, видимо, набивной, если судить по выбитым выпуклинам вокруг внешнего края. Очевидно, она являлась лицевой стороной деревянного или костяного предмета, ибо слишком незначитель-

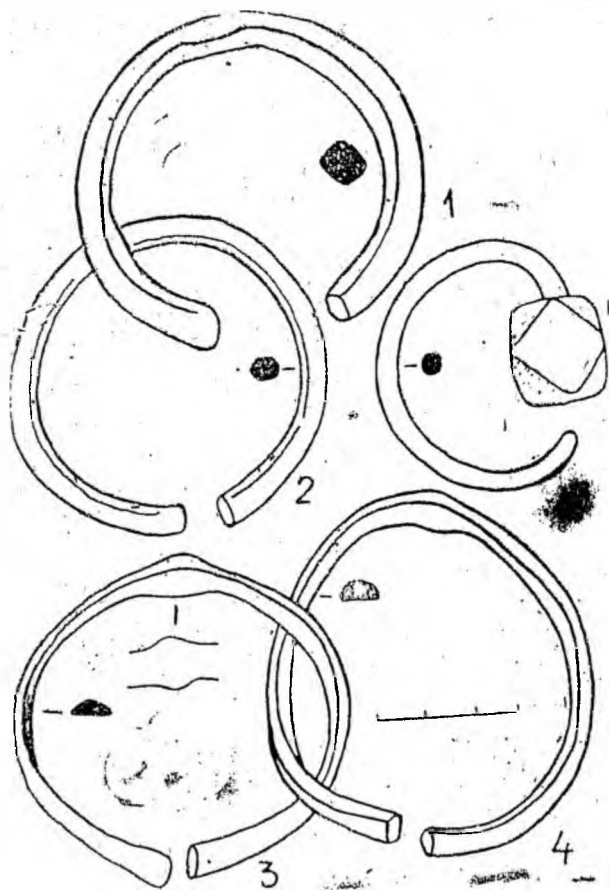

Рис. 5. Могильник у с. Дуранги. Инвентарь:
1—5 — склеп № 2

Рис. 6. Могильник у с. Дуранги. Инвентарь:
1—27 — склеп № 2

ная толщина этого листика исключала его использование в качестве самостоятельного предмета и скорее указывала на его прикладное назначение (рис. 3, 8).

Во втором склепе с. Дуранги находилось большое количество бус, которые разделены нами на:

Каменные: 1) Гагатовые шаровидной формы довольно крупных размеров (рис. 6, 26) и мелкие той же формы (рис. 6, 25). Помимо них, из гагата сделан разделитель восьмерковидной формы (рис. 6, 27). Таких бус было очень незначительное количество.

2) Сердоликовые оранжево-красных тонов: шаровидные (рис. 7, 1, 14), восьмидольчатые биконической формы (рис. 7, 20), бочонковидные (рис. 7, 13), восьмигранные бипирамидальные (рис. 7, 12), привеска грушевидной формы (рис. 7, 11). Всего 17 экз. Две бусины шаровидной и коробко-цилиндрической фор-

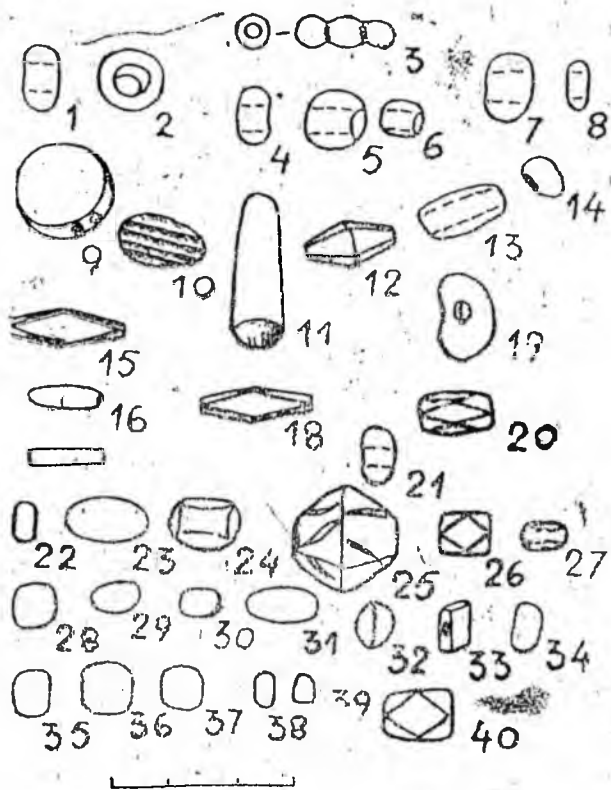

Рис. 7. Могильник у с. Дуранги. Инвентарь:
1—41 — склеп № 2

мы выполнены из яшмового сердолика сургучных тонов (рис. 7, 7, 8). Имелась одна бусина цилиндрической формы из сердолика розового цвета (рис. 7, 2).

Шлифовка сердоликовых бус хорошая, сверление одностороннее. Представляют исключение две восьмидольчатые бусины, поверхность которых грубо огранена иным способом, чем другие, в результате чего поверхность была не ровной, а вогнутой. Но подобная обработка не была типична для остальных.

Янтарные: две бусины неправильной овально-уплощенной и цилиндрической формы с большим отверстием для нанизывания (рис. 7, 19).

Пастовые: 1) Одноцветные, выточенные из мучнистой пасты и окрашенные в желтые, голубые, белые, зеленые и синие тона (23 экз.).

Они имели цилиндрическую, биконическую, 14-гранную, восьмигранную и округлую форму (рис. 7, 22—29). Из них следует выделить бипирамидальную восьмигранную бусину с резным орнаментом (рис. 7, 25).

2) Бихромные непрозрачные, с инкрустацией. Они имели округло-шаровидную или бочонковидную форму с ленточным орнаментом серого, зеленого и коричневого цвета по белому и желтому фону (рис. 6, 15, 17—19, 21).

Рис. 8. Могильник у с. Дуранги. Инвентарь:
1—5 — склеп № 2; 6 — склеп № 1

3) Монохромные цилиндрической или шаровидной формы с инкрустацией из глазков. Обычно тон общей поверхности и глазков совпадал и только обводные кольца вокруг глазков были белыми. Эти бусы чаще всего синие (рис. 6, 1—6).

4) Разновидностью таких бус являлись полихромные бусы тех же форм: сиреневые бусы с бирюзовыми глазками и желтыми обводными кольцами, светло-зеленые бусы с сиреневыми глазками и белыми обводными кольцами (рис. 6, 7, 9, 10). Обычно у бус цилиндрической формы 3-й и 4-й разновидностей глазки были выпуклыми (рис. 6, 6—10).

5) К пятой разновидности относятся несколько бус четырнадцатигранной формы желтого цвета с фиолетовыми глазками, белыми обводными кольцами. Пространство между глазками и обводными кольцами заполнено радиально расходящимися полосками черного цвета (рис. 6, 23). Инкрустированных бус насчитывается 33 экз.

Стеклянные: 1) Шаровидной формы и с прослойкой из фольги. К ним относится и бисер. Они имеют серебристый или золотистый оттенок поверхности. Таких бус 11 экз. (рис. 7, 3—6).

2) Полупрозрачные бусы синего цвета коротко-цилиндрической и 14-гранной формы (рис. 7, 40). К ним относится также бисер аналогичной коротко-цилиндрической формы и разделитель призматической формы (рис. 7, 41). Их было 25 экз.

3) Привески треугольно-уплощенной формы с инкрустацией из поперечных полос. Обычно фон был зеленого цвета, а полосы — белого и черного (рис. 6, 12, 14).

Имеется также керамическая бусина крестовидной формы оранжевого цвета (разделитель) (рис. 6, 20).

Предметы туалета представлены бронзовым зеркалом дисковидной формы, на обратной стороне которого, вокруг петли, располагался рельефный узор из зигзагов (рис. 4, 4).

Предметы одежды состояли из железной поясной пряжки кругло-рамчатой формы (язычок не сохранился) и шести крупных железных пуговиц в виде круглых скобочек с невысокими бортиками и рельефным орнаментом из концентрических кругов на внешней стороне (рис. 3, 4).

Среди погребального инвентаря могильника близ сел. Дуранги имеется халцедоновая печать с двумя срезанными боковыми поверхностями, на которых прочерчены неясные изображения (рис. 6, 22).

К культовым предметам следует отнести три экземпляра привесок в виде кисти человеческой руки, отлитых из бронзы, и ложку с граненой фигурной ручкой, в которой наверху имелось отверстие для подвешивания (рис. 4, 1, 6, 7).

Среди погребального инвентаря встречались орудия труда: каменные пряслица дисковидной формы и коромысла от миниатюрных весов, железные ножи (рис. 3, 1, 7).

Могильник у с. Дуранги дает очень яркую культуру. Многие изделия, составляющие погребальный инвентарь склепов этого могильника, имеют немало аналогий с материалами археологических памятников как Северного, так и Северо-Восточного Кавказа. Это указывает на поддерживаемые связи между населением данных областей и культурное родство некоторых из них.

В каменных склепах Саниба (3, табл. XIII, 7) и катакомбах Балты (4, табл. XV, 29), обычно при женских погребениях, находили такие предметы, как коромысло от миниатюрных весов. Это имело место и в Дагестане (Агач-кала) (5, рис. 66, 29). И для Северного Кавказа было весьма типично распространение ритуальных ложечек, например, в Чегеме и Кобани (3, табл. XXVI, 103; 4, табл. XLVIII, 11).

Интересно отметить, что подобные бронзовые ритуальные ложечки с характерными утолщениями в виде кубов со срезанными углами удивительно соответствуют височным привескам с теми же утолщениями на одном из концов. По-видимому, они имели распространение вообще в Центральной Аварии. Точно такие же ложечки находили в Зибир-Хали в Ботлихском районе (6, с. 13), а оттуда они попали и в с. Бухты б. Казикумухского округа (7, с. 41).

На территории Северного Кавказа в каменных склепах и катакомбах обычным предметом туалета являются небольшие по размерам зеркальца с ручкой в виде петли, в том числе точно такие же, как в склепе с. Дуранги — как по форме, так и характеру рельефного звездчатого орнамента (4, табл. XLVI, 4; XLIX, 14).

Интересно отметить, что амулеты в виде человеческой руки на территории Северного Кавказа известны еще в эпоху существования кобанской культуры (4, табл. XXIII, 10; XXIХ, 7), иногда в сочетании со скульптурным изображением собаки (4, табл. XXV, 6; XXIХ, 8). Такие привески в виде человеческой руки продолжают употребляться и в эпоху раннего средневековья (Кобань, Чегем) (4, табл. XCL, 19; 3, табл. XXI, 7), но ни одна из них не может сравниться по тонкости работы с привесками из могильника у с. Дуранги.

Особенно много аналогий можно найти к бусам из дурангинских склепов: пастовым с плоскими глазками (Кобань, Рутха, Ладза) (4, табл. XLV, 7; табл. XC, 1; 3, табл. XII, 1), бородавчатым (Кобань, Рутха) (4, табл. XLV, 1; табл. XC, 1), треугольным плоским разделителям из полосатого стекла (Лизгор) (4, табл. XC, 4). Среди этих памятников следует выделить катакомбы Балты (4, с. 136—137), где имелось больше всего аналогий ко всем почти разновидностям бус из склепов могильника близ Дуранги.

Исследование материалов погребального инвентаря склепов могильника близ с. Дуранги показывает, что каждый из них от-

делен от другого сравнительно небольшим отрезком времени, в рамках не более нескольких десятков лет.

В нижнем склепе с коллективным захоронением имеются две разновидности браслетов с расширениями на концах и в середине. Одна из них дает браслеты с поперечным сечением в виде овала или неправильного круга (рис. 5, 1), а другая — узкого сегмента (так называемые «уплощенные» (рис. 5, 3). Браслеты первой разновидности составляют характерную особенность всех погребений горного и предгорного Дагестана в V—VII вв. н. э., встречаясь в нижних погребениях Галлинского могильника (8, с. 187, табл. III, 1), Верхнечирюртовском могильнике (9, табл. XIX, 9), Большом Буйнакском кургане и склепах Верхнего Караная (6, с. 19, 22).

Известно, что вторая разновидность браслетов с расширениями получила распространение в VIII—IX вв. н. э. (Агач-кала, Бежта) (10, табл. XXXVIII, 1; 9, 5, рис. 71, 148; рис. 70, 37). Однако и в погребениях VII в. они имеются, хотя еще в единичных экземплярах, например, в В. Чирюрте и Гапшине (11, табл. XVI, 1, 7). В том же нижнем склепе имелись две разновидности височных привесок с бусиной в виде куба со срезанными углами. Одна из них, с более стертymi гранями (рис. 5, 5), аналогична привескам Большого Буйнакского кургана и Гапшиминского могильника (8, табл. II, 2, 3), датировка которых не выходит за рамки конца VI — начала VII в. н. э. Вместе с ними в склепе были более массивные привески с лучшей ограниченностью бусин и такой деталью, как ложная гайка в месте стыка бусины со стержнем (рис. 4, 5). Они являются, по-видимому, прототипом более поздних привесок VIII—IX вв. н. э., найденных в восточном отделении склепа Агачкалинского могильника. Но если учесть, что они уже появляются в склепах В. Караная, то опять это в пределах VII века н. э. (8, табл. IV, 7).

Процентное соотношение бус из второго склепа таково: около 25% каменных, 20% глазчатых (в том числе и бородавчатых), 33% из стеклянной пасты, 7% позолоченных, 6% пастовых.

Это соотношение бус скорее характерно для последующего периода VIII—IX, чем VI—VII вв. н. э. (12, с. 75—77). Сердоликовых бус было много, однако шаровидные имелись в единичных экземплярах. Довольно распространены глазчатые с синими глазками на синем же фоне, большое количество поздних цилиндрических бородавчатых с выпуклыми глазками и треугольных привесок из полосчатого стекла. Весь этот комплекс бус имеет большое сходство с бусами восточного отделения склепа Агачкалинского могильника. Но позолоченных бус еще достаточное количество, очень немного крупных бородавчатых из стеклянной пасты и считанные единицы инкрустированных полосчатых. Исходя из этих соображений и сообразуясь с сосуществованием разновидностей как браслетов, так и привесок, вряд ли следует

время функционирования склепа выводить за рамки второй половины VII в. н. э.

Склеп № 1 с индивидуальным погребением мог быть сооружен в самом конце VII века н. э. Височная привеска из него имеет лучшую ограниченность куба со срезанными углами на одном конце стержня, а, как известно, это более поздняя по времени форма привесок (9, с. 42; 8, с. 191). Любопытно, что сохранившаяся верхняя часть красноглиняного ангобированного сосуда из этого погребения ближе по форме сосуду из позднего по времени погребения Галлинского могильника (8, табл. II, 8).

Что касается браслета с коническими расширениями на концах и биконическим в середине, то он повторяет форму общеизвестных браслетов V—VII вв. н. э. Дагестана и первой разновидности браслетов из склепа № 2 с коллективным погребением могильника близ сел. Дуранги. Следовательно, данный склеп можно скорее датировать концом VII в. н. э.

Как показывают аналогии к предметам материальной культуры средневековых памятников Дагестана, местная культура с. Дуранги этого же периода имеет черты, свойственные не только предгорью (Агачкала, В. Каранай, Буйнакск), но и горному Дагестану. Следует отметить, что в Агачкалинском могильнике встречаются аналогичные изделиям из могильника у с. Дуранги проволочные браслеты со змеиными головками на концах (5, рис. 70, 201), обе разновидности браслетов (5, рис. 70, 97); 71, 148) с расширениями на концах и в середине, печатки без изображений, подвески в виде человеческой руки (12, рис. 2, 22). Там же имеются и сходные по форме кувшины с приземистым округлым туловом и цилиндрическим горлом (5, табл. 76, 246), с шаровидным корпусом и усеченно-коническим горлом (5, рис. 105, 89; рис. 105, 294), украшенные парой пуговицевидных выпуклин по обе стороны сжатого с боков носика и елочным орнаментом по тулову.

В Агач-кале имеются те же каменные дисковидные плоские пряслица (5, рис. 69, 240) и тот же комплекс пастовых глазчатых и бороздчатых бус, сердоликовых привесок дисковидной и грушевидной формы, пастовых удлинённых с гранями, бипирамидальных бус из сердолика, стеклянных позолоченных и треугольных привесок из полосчатого стекла (5, рис. 72, 73, 74, 77).

Имеются также аналогии к предметам погребального инвентаря могильника близ В. Чирюрта. Здесь найдены те же зеркала из сплава дисковидной формы со звездчатым орнаментом (9, табл. X, 9), треугольные бляхи с тремя парами роговидных выступов (9, табл. XXI, 11), (только дурангинские не имели разделителей между роговидными выступами), восьмигранные бипирамидальные каменные бусы, печатки, биконические граненые бусы из пасты с нарезками, рифленые скобовидные пуговицы, позолоченные бусы с прослойкой из фольги, бусины со слоистыми глазками и т. п. (9, табл. XIV, XV, XVII, XVIII, XIX, XXI).

Следует подчеркнуть, что особенно много аналогичных бус содержало погребение № 40 Верхне-чирюртовского могильника, датированное VII веком, где преобладали глазчатые и граненые, хотя позолоченных на Сулаке было меньше.

Обращает на себя внимание сходство керамических форм из могильников близ с. Дуранги, Большого Буйнакского кургана (13, с. 183—216) и Гапшиминского могильника (11, с. 22). Для них типичны одноручные кувшины с вытянутым горлом и приземистой округлой нижней частью тулова, украшенные пуговичными выступами с нарезками и елочным резным орнаментом, покрытые тонким слоём ангоба, благодаря чему со временем ангоб сохраняется не везде. В склепах В. Караная, сооруженных иногда подобно дурангинским, были те же ведущие формы украшений в виде браслетов с расширениями и височных привесок с бусиной на конце, наблюдалась такая особенность, как сооружение склепов прямо на каменном основании скалы с последующей обмазкой глиной дна могилы.

Все говорит о том, что культура местности с. Дуранги в VII в. н. э. входила в круг уже установившейся общей культуры населения Дагестана, занимающей горную и предгорную часть.

Местное происхождение большинства предметов из склепов несомненно. Так, прототипами височных привесок с бусиной на конце были привески албано-сарматского времени, известные по Карабудахкентскому могильнику (14, с. 167—219). В первых веках н. э. появились и прототипы браслетов с расширениями. Они встречались как в горах (Хабдинский могильник) (15, рис. 10, 16), так и на плоскости (Таркинский могильник) (16, рис. 18, 11).

Закавказского происхождения могли быть многие из каменных бус и шейное украшение с биноклевидными разделителями. Такие, но из пасты, находили в кувшинных погребениях Мингечаура (17, табл. 1, 6e). Что касается пастовых бус, то многие из них местного происхождения.

1. Пикуль М. И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Личный фонд 32. Оп. 1. Д. 18.

2. Пикуль М. И. Альбом к Отчету М. И. Пикуль «Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г.» // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Личный фонд 32. Оп. 1. Д. 186.

3. Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. № 1.

4. Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. № VIII.

5. Смирнов К. Ф. Альбом к отчету о работах ДАЭ в 1950 г. // ДКМ.

6. Артамонов М. И. Отчет о работах Северокавказской археологической экспедиции в 1937—1938 гг. // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Ф. 5. Оп. 1. Д. № 33.

7. ОАК 1893.

8. Атаев Д. М. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира) // Учен. зап. ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Махачкала, 1950. Т. VI.

9. Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 69.

10. Атаев Д. М., Котович В. Г. Альбом к отчету 2-го горного отряда ДАЭ за 1957 г. // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Личный фонд 26. Оп. 1. Д. № 2а.

11. Путинцева Н. Д. Гапшиминский могильник — памятник раннесредневекового нагорного Дагестана // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 34.

12. Деопик В. Б. (Ковалевская В. Б.). Производство и импорт средневековых бус Дагестана // МАД. Махачкала, 1972. Т. III.

13. Zakharov A. A. Contributions to Caucasian Archaeology: A large barrow in Daghستان // ESL—S, 1930.

14. Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени близ с. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1960. Т. II.

15. Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

16. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе с. Тарки // МИА. М., 1951. Вып. 23.

17. Казиев С. М. О двух кувшинах и двух катакомбных погребениях Мингечаура // МКА. Баку, 1953. Т. III.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОРУДИЯ ТРУДА ПАЛАСА-СЫРТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ*

(по материалам раскопок 1985—1987 гг.)

На Паласа-сыртском поселении IV—VI вв. н. э. вскрыты культурные слои толщиной 2,7—3 м на площади 136 кв. м (2, с. 11—12; 3, с. 134). На поселении выявлены остатки жилых и хозяйственных построек: жилища жердевой конструкции, глинобитные жилища с каменными фундаментами, хозяйственные ямы, зольники, зернохранилища). В ямах с обмазанными глиной стенками и дном, а иногда и укрепленных каменными стенами хранили зерно (найлены обугленные зерна злаковых; шелуха зерновых). Пришедшие в неподность хранилища использовали в качестве накопителей остатков хозяйственной деятельности. Для обогрева жилищ имелись своеобразные камины, представлявшие собой неглубокие ямы, заполнявшиеся раскаленными речными глыбами небольших размеров (4, с. 88—89).

Культурные слои поселения насыщены разнообразными остатками хозяйственной деятельности: костями животных, кусками прокаленной глиняной обмазки с отпечатками ткани и выгоревших прутьев; найдены также зерна злаковых, персиковые косточки, стебли камыша (5, с. 76). На поселении выявлено 11 тыс. обломков керамических сосудов — кухонных горшков, котлов, сковород, столовых кувшинов, мисок, кружек, тарных сосудов.

Особым разнообразием форм и декора поверхности отличалась столовая посуда. Здесь имелись серолощенные кувшины с четырехлепестковыми знохоевидными венчиками, красноангобированные кувшины с высоким горлом цилиндрической формы, кувшины терракотового цвета с заглаженной поверхностью, украшенные зооморфными деталями (сливной носик трубчатой формы оформлен в виде пятючка свиньи, по обе стороны от носика имелись круглые налпы — «глазки», а также елочный орнамент). Среди мисок имеются округлобокие образцы, украшенные красным ангобом, а также миски серого и коричневого цвета с желобчатыми бортиками; внешняя и внутренняя поверхность

некоторых серолощенных мисок была украшена бессистемно нанесенными лощеными полосками.

Среди находок имеются различные типы украшений (бронзовый браслет с несходящимися концами и утолщением в центре; бусины из гешира, сердолика, стекла; бронзовая головная булавка с круглым навершием, железная головная булавка с грибовидным навершием), оружие (железные ножи, костяные наконечники стрел с внутренней втулкой, костяные обкладки лука), а также амулеты, игральные кости с метками.

Имеются также остатки производственной деятельности — куски керамического и железного шлака, шлака цветных металлов, керамический брак, а также обломки гипсовых форм для выделки тарных сосудов.

Особую группу находок составляют орудия труда, отличающиеся большим разнообразием и свидетельствующие об обширной трудовой деятельности населения.

Орудия труда сгруппированы нами в отделы, образованные в соответствии со спецификой отраслей хозяйства, где находили применение входящие в отдел разновидности орудий и предметов труда.

I отдел. Орудия труда, использовавшиеся для переработки зерна

Зернотерки (7 целых экземпляров, 36 фрагментов). Они имели в основном ладьевидную форму с вогнутой или ровной рабочей поверхностью. Рабочая поверхность подвергалась специальной обработке, в результате чего приобретала шероховатость, обеспечивавшую процесс перетирания зерна в муку. Размеры: длина 19—34 см, ширина 9—18 см, толщина 4—6—8 см, (рис. 1, 1—4).

Жернова (8 обломков). Они выполнялись из ракушечника, рабочая поверхность специально обработана, на ней имеются следы срабатанности. В центре диска отверстие диаметром 3 см. Размеры: диаметр 33—42 см, толщина 3—5 см (рис. 2, 1—5).

Терочники (4 экземпляра) выполнены из речных глышей продолговатой формы с небольшим расширением на рабочем конце. Терочники применялись для производства крупяных изделий. Размеры: 8—11,5 см, ширина рабочего конца 2,5—5,5 см (рис. 1, 5—6).

Чаша-ступы (2 обломка). Выполнены из камня плотной породы. Дно чаш широкое устойчивое, стенки вертикальные с легкой округлостью, внутренняя поверхность шероховатая. Размеры: диаметр закраины 24 см, высота стенок 11 см, толщина дна 4—7,5 см (рис. 3, 1—5).

Для изготовления орудий труда первого отдела требовались определенные навыки при обработке камня различных пород. Использовались выбранные заданной формы речные глыши и

* Настоящая статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986—1987 гг., состоявшейся 27—28 апреля 1988 г. в г. Махачкале (1, с. 8—9).

Доработанные мастером-камнерезом (нанесение мельчайших выемок на рабочую поверхность зернотерок), а также природные материалы, из которых с помощью оббивки, обточки, сверления изготовлялись орудия труда нужной формы.

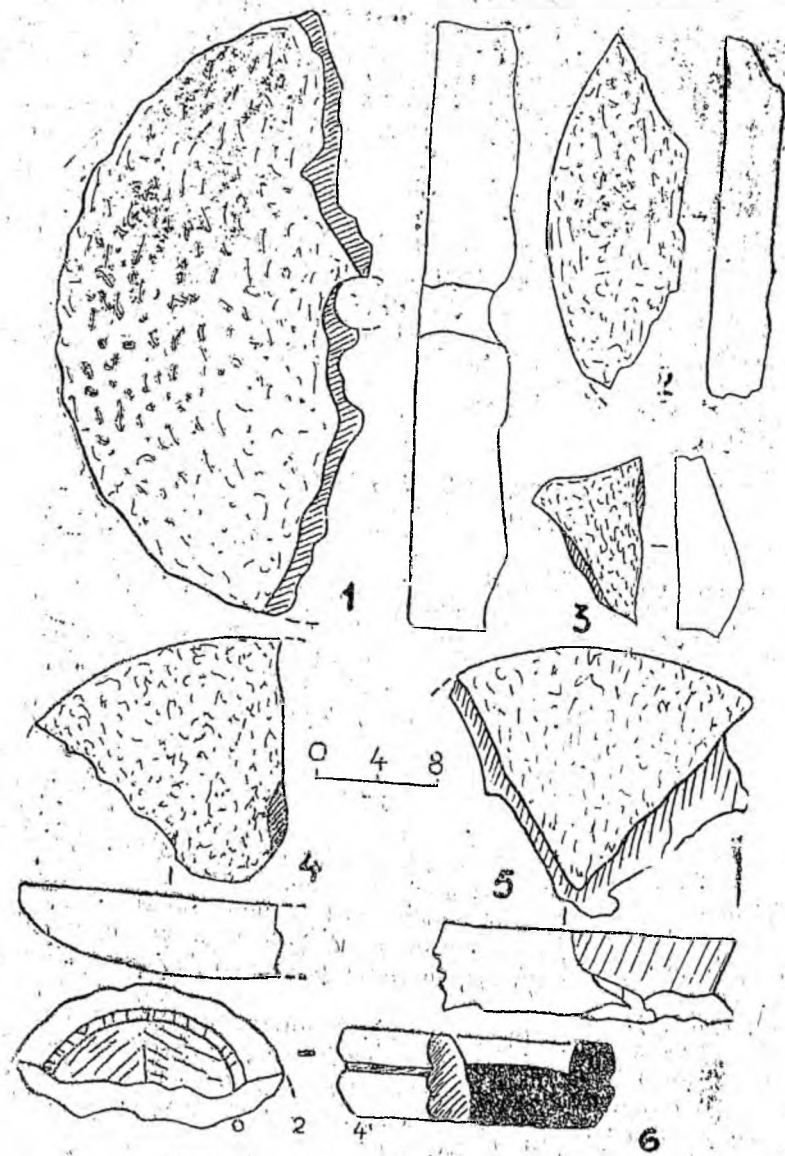

Рис. 2. Паласа-сыртское поселение:
1—5 — обломки жерновов; 6 — обломок литейной формы (?)

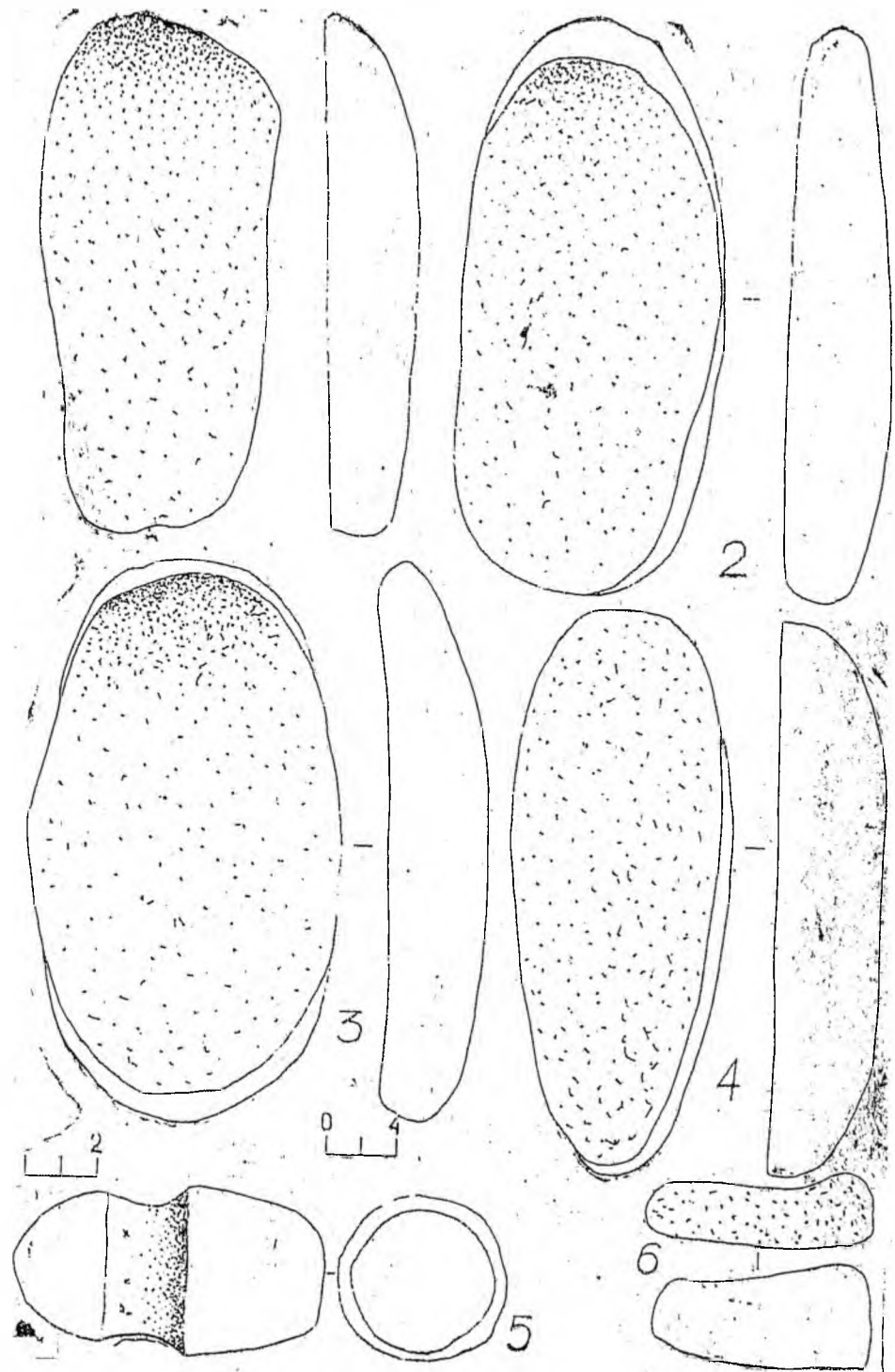

Рис. 1. Паласа-сыртское поселение:
1—4 — зернотерки; 5—6 — терочки

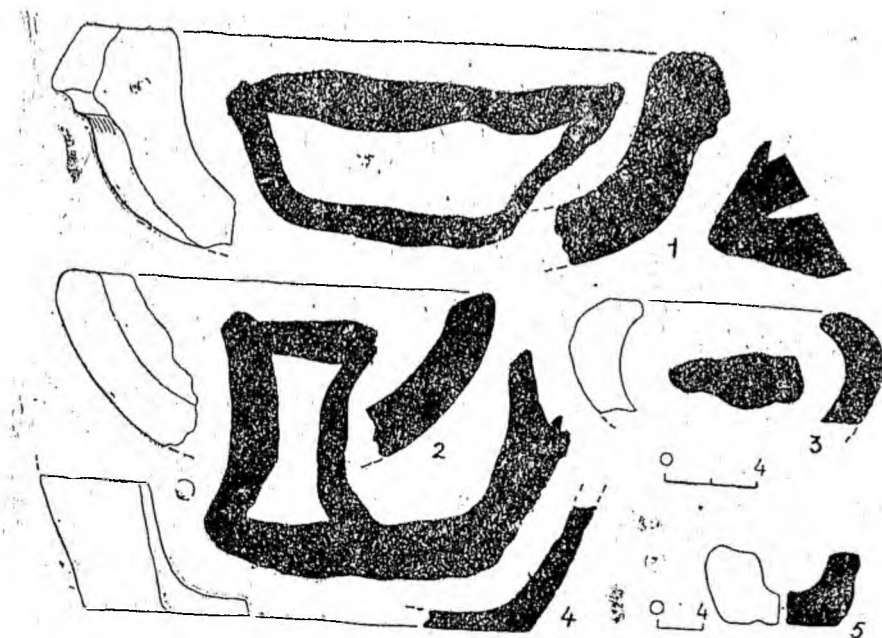

Рис. 3. Паласа-сыртское поселение. Чаши-ступы.

II отдел. Орудия труда, применявшиеся
в прядении и ткачестве

Пряслица (16 целых экземпляров, 7 обломков, 22 заготовки). Пряслица имели плоскоцилиндрическую форму, они изготовлены в основном из обломков керамических сосудов (28 экз.), а также речных голышей дисковидной формы (9 экз.), сланца (3 экз.), слюды (1 экз.), кости (1 экз.). Имеются также экземпляры, вылепленные из глины (рис. 4, 1—23). По бракованным изделиям восстанавливается последовательность операций при изготовлении пряслиц из стенок разбитых керамических сосудов: 1) выбор относительно плоского фрагмента керамики; 2) оббивка его и придание заготовке формы, близкой к концентрической; 3) обточка края заготовки; 4) сверление центрального отверстия. Размеры: диаметр изделия 3—4,5 см (36 экз.); диаметр отверстия 0,6—0,8 см.

Уплотнители нитей (4 целых экземпляра, 8 заготовок). Они выполнялись из концевой части рогов оленя, в процессе использования заостренная часть приобретала характерный заполированный блеск. Размеры: длина 7—13 см; один экземпляр имел длину 21 см (6, с. 42, рис. 3).

Грузила (2 обломка). Выполнялись из глины, слабо обожжены. Глиняные грузила имели конусовидную форму, в средней части изделий имелось сквозное отверстие (рис. 4, 24). Размеры:

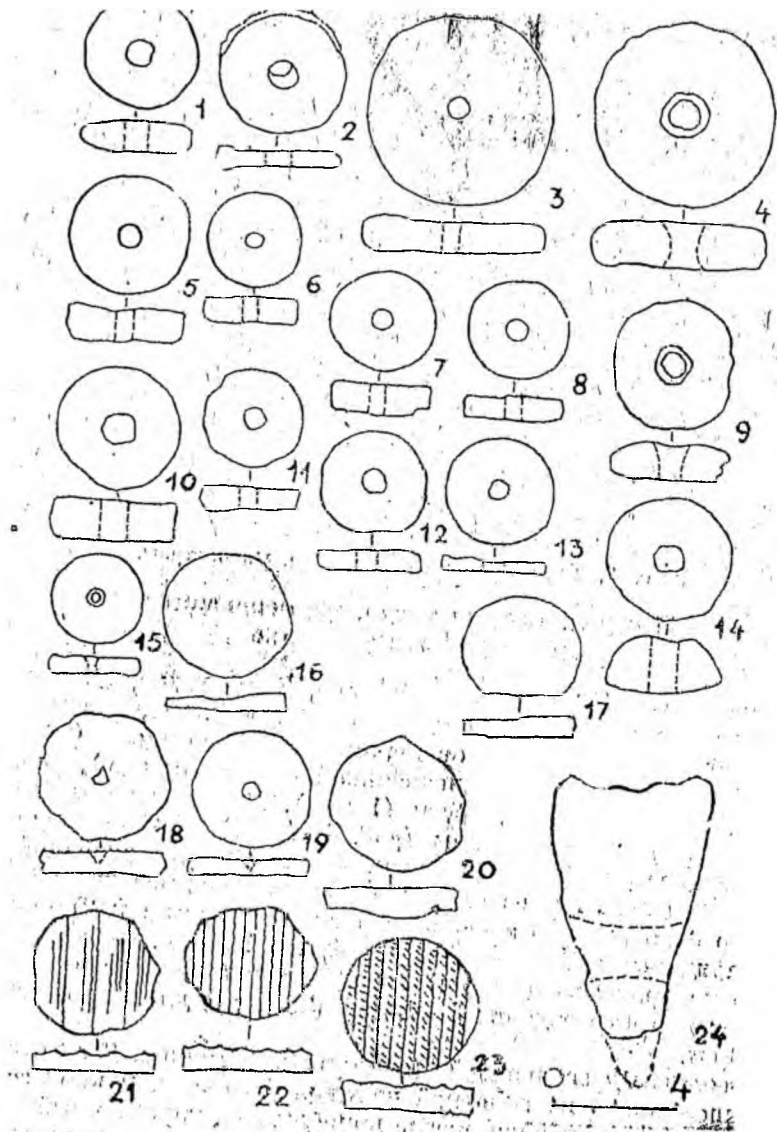

Рис. 4. Паласа-сыртское поселение:
 1—15 — пряслица; 16—23 — заготовки пряслиц; 24 — грузило;
 1, 2, 5—7, 10—23 — керамика; 3, 4, 8, 9 — камень

длина 7; 9 см, диаметр средней части 4,5; 5,5 см, диаметр верхней части 2,5 см. В культурном слое поселения выявлено 8 экз. речных голышей с природными сквозными отверстиями, которые, возможно, использовались в качестве грузил.

Как отмечалось выше, пряслица, уплотнители нитей, грузила имели применение в прядении и при производстве тканей. Интересно отметить, что в погребальных комплексах Паласа-сыртского могильника, одновременного поселению и находящегося в непосредственной близости от него, имеются остатки тканей, а также отпечатки тканей на железных изделиях типа полотна и рожи (7, с. 153—154). Сохранились два матерчатых чехла бронзового зеркала, сшитые тонкими нитками, а также куски толстой крученой нитки, на которой были нанизаны бусы и подвешены ритуальные предметы (7, с. 153—155; 8, с. 70).

III отдел. Орудия труда, применявшиеся при обработке кожи, меха и выделки изделий из них

Костяные иглы (43 экземпляра). Выполнены из рога оленя, имели стандартную уплощенно клинообразную форму с заостренным концом. В верхней части игл вырезана выемка для крепления пошивочного материала (толстой нити, сухожилия, тонких кожаных лент). На поверхности игл видны следы режущего орудия, хотя поверхность большинства игл отполирована. Размеры: длина 5,5—8 см (6, с. 37—39, рис. 1).

Костяные проколки (53 экземпляра). Изготавливались из грифельвидных костей домашних лошадей, реже ослов. Рабочий конец их хорошо заточен. Размеры: длина 6,5—14 см (6, с. 39—41, рис. 2 (3—6)).

Костяные лошिला (44 экземпляра). Использовались обломки ребер оленя, на которых имелись следы сработанности.

При изготовлении костяных орудий необходимо было провести следующие операции: 1) распаривание кости; 2) придание путем срезания заданной формы; 3) шлифовка изделия; 4) заточка изделия. Описанные выше орудия из кости употреблялись, вероятно, при пошиве меховой одежды и выделке кожаной обуви.

IV отдел. Орудия труда, применявшиеся при выделке и декорировании керамических сосудов

Костяные лошिला (5 экз.). Предназначались для нанесения орнамента из желобчатых линий на поверхность сосудов. Орнамент выполнялся в технике глубокого лощения или рифления. В зависимости от типа орнамента использовались лошिला с заостренным или полусферическим концом, шириной равной ширине желобков, украшавших один из типов столовых сосудов (6, с. 40—41, рис. 2, 1).

В культурном слое поселения выявлены орудия труда из кремня и речного гальки (13 экземпляров), представленные целыми экземплярами и обломками. Найдены также куски кремня и гальки со следами сколов, а также 142 экз. галечных и кремневых ошцепов. Сфера использования орудий из гальки и кремня в хозяйстве жителей Паласа-сыртского поселения пока не выявлена. Обладая хорошими режущими свойствами, пластины из кремня и гальки могли применяться в качестве режущего инструмента, в частности, в косторезном ремесле.

В культурном слое поселения были выявлены остатки производственного комплекса, связанного с выплавкой цветных металлов (развалы плавильной печи, скопление шлаков). В хозяйственной яме № 1 была найдена каменная литейная форма, используемая в изготовлении дисковидных зеркал с центральной петлей, украшенных геометрическим орнаментом (9, рис. 1). К ряду литейных форм можно отнести обломок небольшой каменной мисочки диаметром 9 см. Внутренняя поверхность дна мисочки (толщина 2 см) покрыта бессистемно нанесенными насечками. На внутреннюю поверхность вертикальных бортиков также нанесены насечки в виде коротких линий — вертикальных, наклонных и пересекающихся. Незавершенность обработки изделия, отсутствие следов прокаленности расплавленным металлом свидетельствуют, на наш взгляд, что каменная мисочка являлась заготовкой литейной формы, забракованной мастером (рис. 2, б).

Выявленные на поселении орудия использовались в разнообразной производственной деятельности населения. Здесь получили развитие камнеобработка, ткачество, выделка керамических изделий, косторезное дело, производство металлических изделий, выделка меха и кожи, пошив изделий из них, а также переработка сельскохозяйственной продукции, в частности **верных**.

Большинство занятий жителей носит характер домашнего ремесла, обеспечивавшего каждую семью необходимыми орудиями и изделиями ремесла. Стандартизация форм некоторых типов орудий труда в частности костяных игл и проколов, широкий их ареал (10, с. 116; 11, с. 127; 12, с. 177; 13, с. 173; 14, с. 50; 15, с. 110; 16, с. 56) дают возможность фиксировать не только широкие культурные связи населения Прикаспийского Дагестана в раннесредневековый период, но и говорить о производстве изделий, предназначенных на торговый обмен; качество этих изделий свидетельствует о высоком мастерстве ремесленников.

2. Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского поселения и могильника // Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984—1985 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1986.

3. Гмыря Л. Б. Исследования в южном Дагестане // АО 1986. М., 1988.

4. Гмыря Л. Б. Бытовые и хозяйственные постройки. Паласа-сыртского поселения // Древняя и средневековая архитектура Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1988.

5. Гмыря Л. Б. Некоторые черты материальной и духовной культуры Приморских степей Дагестана в раннесредневековый период // Всесоюз. конф. археологов. Суздаль, 1987.

6. Гмыря Л. Б. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV—VI вв. н. э.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1988.

7. Гмыря Л. Б. Паласа-сыртский могильник (По материалам раскопок 1981—1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа: Сб. ст. Махачкала, 1985.

8. Гмыря Л. Б. Металлические зеркала из катакомбных погребений Прикаспийского Дагестана. Типология и семантика орнаментальных мотивов // Памятники древнего искусства Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1990.

9. Гмыря Л. Б. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // СА, 1990. № 1.

10. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 16.

11. Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85.

12. Кругликова И. Т. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1948 гг. // МИА. 1957. № 56.

13. Археология СССР: Антич. государства Сев. Причерноморья, М., 1984.

14. Кругликова И. Г. Боспор в позднеантичное время: (Очерки экон. истории). М., 1966.

15. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

16. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

1. Гмыря Л. Б. Орудия труда Паласа-сыртского поселения // Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986—1987 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1988.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ГОРНОГО И ПЛОСКОСТНОГО ДАГЕСТАНА

В результате работ археологической службы в различных районах Дагестана выявлены и учтены археологические памятники, имеющие большое значение для истории края. Несомненный интерес представляют находки из селений Ахалчи и Шотода Хунзахского района и Башлыкент Каякентского района, анализ которых мы даем ниже.

Ахалчинский могильник

В средней школе сел. Ахалчи Хунзахского района хранятся разнообразные керамические сосуды, каменный крест и украшения, обнаруженные при строительных работах на территории селения, вблизи сельской школы. Эти материалы были осмотрены и зарисованы в 1986 г. сотрудниками Института ИЯЛ Р. Г. Магомедовым и Г. Д. Хангишиевым. Среди них имеются:

- 1) Миниатюрный красный сосуд с широким плоским дном, округлым туловом, резко отделенным от высокой горловины. Основание венчика и плечики сосуда соединены круглой в сечении ручкой. Сосуд изготовлен на круге. Размеры: диаметр венчика — 75 мм, дна — 95 мм, высота сосуда — 140 мм (рис. 1, 5).
- 2) Миниатюрный красный кувшинчик грубой лепки с асимметричными пропорциями. Часть горловины не сохранилась. Поверхность местами закопчена. Округло-вытянутое тулово сосуда плавно соединено с прямой горловиной. На тулове имеется овальная в сечении ручка. Размеры: диаметр венчика — 75 мм, дна — 80 мм, высота — 135 мм (рис. 1, 3).
- 3) Миниатюрный кувшин. Поверхность красная ангобированная, но ангоб местами сильно стерт. Тулово вытянуто, грушевидной формы. Закраина сосуда не сохранилась. Ручка зооморфная с выступом. На плечики сосуда нанесены три ряда горизонтальных параллельных насечек семечковидной формы. Орнамент сохранился местами. Черепок в изломе черный, тесто с примесью дресвы. Размеры: диаметр венчика 40 мм, дна — 50 мм, сохранившаяся высота сосуда — 125 мм (рис. 1, 4).
- 4) Каменный крест из известняка. На лицевой стороне креста в 1 см от его края проведена врезная линия, образующая по-

лоску по краю всего креста. На двух его концах имеются изображения пятиконечной звезды и полумесяца, нанесенные черной тушью. На поле третьего луча арабскими цифрами вырезана дата (1270 г. по хиджре). По центру арабская надпись в две строки. Указанные надписи и изображения явно позднего происхождения, сам крест очень интересной формы. Длина лучей 260×230 мм. Толщина камня — 50 мм.

5) Обломок круглого бронзового зеркала, диаметром около 95 мм. На ее обратной стороне имеются рельефные стилизованные изображения скорпионов, расположенных по кругу в две линии. Край зеркала по кругу окаймлен валиком (рис. 1, 2).

6) Бронзовая арбалетная фибула, спинка с ребром, язычок бронзовый. Длина фибулы — 65 мм, длина пружинки — 45 мм.

7) Бронзовая арбалетная фибула с железным язычком. Язычок сам не сохранился; на приемнике и пружинной части видны остатки железной окиси. Длина фибулы — 93 мм.

8) Бронзовый браслет из плоской ленты шириной 5 мм с разомкнутыми концами. Диаметр браслета — 65×55 мм (рис. 1, 1).

9) Бронзовый браслет с тремя утолщениями, желобчатый.

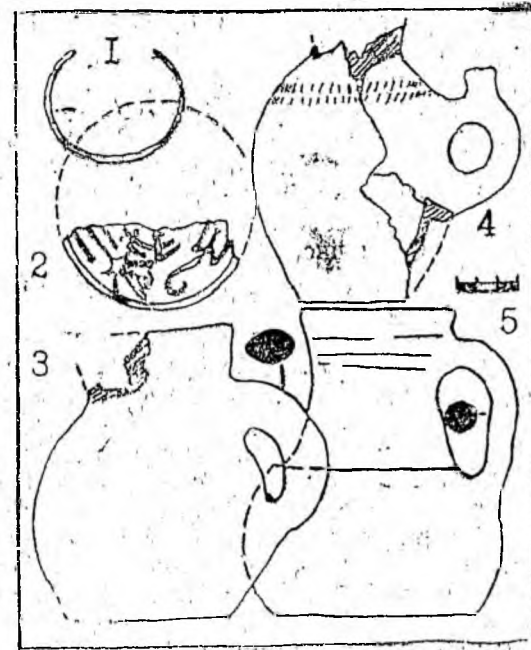

Рис. 1. Ахалчи (случайные находки):
1 — браслет, 2 — обломок зеркала, 3—5 — сосуды
(1, 2 — бронза, 3—5 — керамика)

10) Бронзовый браслет с тремя утолщениями из пруга полусферической в сечении формы.

11) Массивный бронзовый браслет, с тремя утолщениями (один конец обломан).

2) Бронзовые витые браслеты, концы которых оформлены в виде зменных головок — 2 экз.

13) Три желобчатые дужки от трех составных височных привесок с поллой бусиной-четырнадцатигранником. Размеры дужек: длина 75; 120 и 170 мм, высота от плоскости концов до верха дужки — 65; 95 и 135 мм соответственно.

14) Бусы — 13 экз. (сердолик, паста, фаянс).

Все перечисленные находки, за исключением каменного креста, по словам местного учителя истории Нурмагомедова М., были найдены в середине 70-х годов в нескольких «древних могилах». Сам облик находок также производит впечатление принадлежности их погребальному инвентарю.

Бронзовые зеркала с изображениями скорпионов, близкие ахалчинской находке, известны из целого ряда памятников горного (Галла, Хунзах, Куркли и др.) и предгорного (Агачкала) Дагестана (1, с. 237, рис. 17, 2; 2, с. 68, рис. 6, 14, 15; 3, с. 47—49, рис. 28, 3).

Комплексы, содержащие подобные зеркала, датируются, по мнению Д. М. Атаева, V—VII вв. (2, с. 25—68; 3, с. 47—49). Арбалетные фибулы, аналогичные ахалчинским, распространены на памятниках VIII—IX вв. Северного Кавказа (2, с. 46—47, табл. 6, 9; 5, с. 117; 7, рис. 3, 4; 6, 14; 7, с. 76—90, рис. 5, 7).

Кувшин со стилизованной зооморфной ручкой, вытянутым туловом находит аналогию среди керамических форм Северо-Восточного Кавказа V в., восходящих к сарматской культуре (8, с. 95, рис. 69, 4). В рамках V—IX вв. укладываются и другие находки из Ахалчи, в том числе и составные височные привески с четырнадцатигранником (Чох, Урада, Гоцатль и др.) (9, с. 231—235).

Таким образом, около селения Ахалчи расположен могильник, относящийся к V—IX вв. К сожалению, у нас отсутствуют сведения о характере погребальных сооружений и погребального обряда.

Как известно, каменные кресты, иногда с древнегрузинскими и грузино-аварскими надписями, часто встречаются в горном Дагестане, и особенно на территории Хунзахского плато. (10, с. 175—182). Такие кресты Д. М. Атаев датирует в пределах X—XIII вв. (2, с. 196—215). По-видимому, и ахалчинский каменный крест относится к этому же времени. Арабская надпись на кресте имеет несомненно позднее происхождение.

Шотодинский могильник. Весной 1986 г. в 0,5 км к северо-западу от сел. Шотода у подножья холма «Долдухъ», занятом средневековым поселением, при закладке фундамента под животноводческую ферму местные жители обнаружили «грунтовые

могилы», с богатым погребальным инвентарем. Костяки погребенных были сильно потревожены и сдвинуты бульдозером вместе с землей. Находки же, в особенности бронзовые и серебряные украшения, разошлись по рукам.

В мае месяце по поступившему сигналу на место выехали сотрудники отдела археологии Р. Г. Магомедов и Г. Д. Хангишев. Они осмотрели месторасположение могильника. Строительные работы были приостановлены. Могилы оказались потревоженными. Внешние признаки погребений отсутствуют. Среди отвала видны мелкие фрагменты костей и керамики. Установить форму и размеры погребальных сооружений, характер и особенности обряда и труположения не удалось. Судя по отсутствию камней на могильнике, видимо, это были грунтовые могилы.

У жителей Шотода собрано довольно большое количество находок и доставлено в институт. Коллекцию этих находок в настоящее время, хранящуюся в фондах отдела археологии, составляют:

1) Глиняный кувшинчик с розовато-серой поверхностью. Тулово с почти прямыми стенками резко отделено от покатых плечиков высокой горловины. Основание венчика и плечики сосуда соединены ручкой с круглым сечением. Венчик оформлен сливным носиком. Тулово сосуда опоясано валиком с семечковидными вдавлениями. Плечики сосуда и основание шейки опоясаны линиями из горизонтальных рядов ногтевых насечек. На тулове заметны следы горизонтальных полос от лощения. Излом черепка черный, в тесте примеси дресвы. Размеры сосуда: диаметр дна — 70 мм, диаметр тулова — 107 мм, диаметр шейки — 32 мм, размеры устья — 62×43 мм, высота сосуда — 142 мм, высота тулова — 60 мм, высота плечиков — 17 мм, высота шейки — 65 мм (рис. 2, 3).

2) Составные полые массивные височные привески с полыми четырнадцатигранниками и 8-гранной поллой дужкой (рис. 3, 22). Бусины и дужки соединены звездчатыми прокладками и плоскими шайбами. Их три экз. Один из них имеет размеры: 138×114 мм при размерах дужки 46×34 мм, куба — 40×40×40 мм; другой: 140×110 мм, размеры дужки — 32×42 мм, куба — 40×40×40 мм; третий: 136×115 мм, размеры дужки — 30×35 мм, куба — 40×40×40 мм.

3) Бронзовая височная привеска с серебряным четырнадцатигранником, надетым на один конец дужки, имеющей ромбовидное сечение (рис. 3, 21).

4) Миниатюрные височные подвески с четырнадцатигранниками — 2 экз. (они имели диаметр 20 мм при диаметре дужки 2 мм) (рис. 3, 11, 20).

5) Бронзовый литой браслет с утолщениями посередине и на сомкнутых концах. Сечение — желобчатое. Внешняя поверхность браслета ребристая. Размеры — 76×91 мм (рис. 3, 13).

6) Бронзовый браслет с утолщениями посередине и на разомкнутых концах. Он изготовлен из прута с сегментовидным сечением. Размеры — 66×60 мм при размерах дужки — $5 \times 10 - 4 \times 7 - 6,5 \times 13$ мм.

7) Обломки бронзовых браслетов с тремя утолщениями, изготовленных из прутьев сегментовидной в сечении формы (3 экз.). Обломки браслета с утолщением к разомкнутым концам. Он изготовлен из овальной в сечении проволоки. Диаметр изделия 68 мм, размеры проволоки — $4-3 \times 5$ мм (рис. 3, 14).

8) Бронзовая сьюльгамовидная пряжка с закрученными в кольца разомкнутыми концами и изогнутым язычком. Он изготовлен из круглой проволоки, а концы уплощены (рис. 3, 16). Размеры изделия — $30 \times 25 \times 10$ см.

9) Железная сьюльгамовидная пряжка с прямым заостренным язычком. Он изготовлен из витого стержня с уплощенными концами. Концы закручены в кольца. Размер изделия — 37×40 мм, диаметр проволоки — 5 мм (рис. 3, 17).

10) Обломок железного ножа (черенок) (рис. 2, 2).

11) Железный топорик вытянутых пропорций с обухом в виде круглого молоточка. Длина изделия — 129 мм, ширина лезвия — 45 мм (рис. 2, 1).

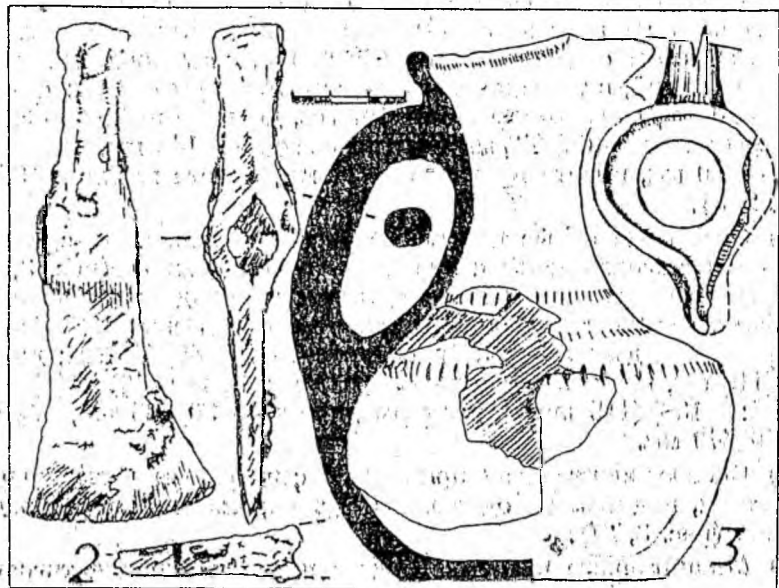

Рис. 2. Шотодинский могильник (случайные находки):

1 — топор, 2 — обломок ножа, 3 — сосуд
(1, 2 — железо, 3 — керамика)

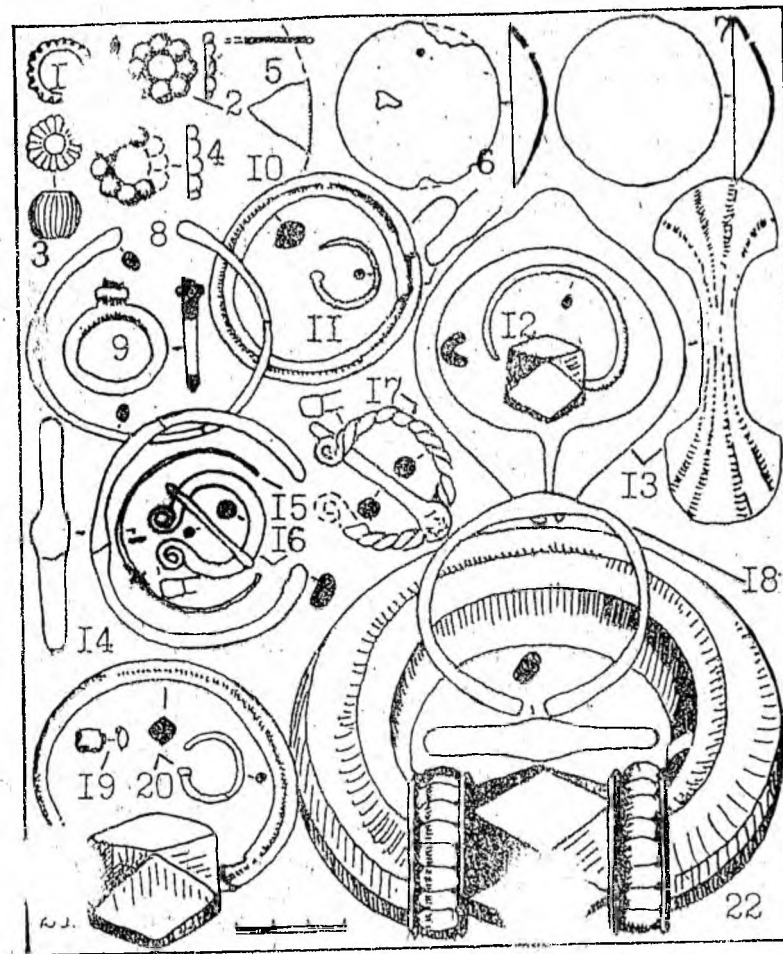

Рис. 3. Шотодинский могильник (случайные находки):

1, 2, 4 — шайбы от височных привесок; 3, 9 — бусины; 5 — обломок зеркала; 6, 7 — умбовидные бляшки-колпачки; 8, 10, 13—15, 18 — браслеты; 9 — перстень; 11, 20 — миниатюрные височные подвески с 14-гранником; 12, 21 — височные привески с 14-гранником; 16, 17 — сьюльгамы; 22 — массивная височная привеска с 14-гранником (1, 2, 4, 8—11, 13—16, 18—20, 22 — бронза; 3 — фаянс; 5 — биллон; 6, 7 — серебро; 12, 21 — бронза, серебро; 17 — железо)

12) Серебряные умбоновидные бляшки-колпачки диаметром 45 мм (рис. 3, 6, 7). У края бляшек имеются узкие отверстия (диаметром 2 мм).

13) Бронзовая тонкая лента, свернутая в виде браслета, на-ращенная двумя наложенными друг на друга и соединенная с помощью заклепки полосами (рис. 3, 15).

14) Бусы: фаянсовая шаровидная бусина, украшенная вертикальными валиками (рис. 3, 3). Обломки пастовых глазчатых бус.

15) Бронзовый перстень (?) с прямоугольным щитком (рис. 3, 9). На щитке следы окиси железа (видимо, остатки гнезда для камня). Диаметр кольца — 29×25 мм, диаметр проволоки — 3 мм.

16) Обломок биллонного зеркала (рис. 3, 5).

17) Бронзовый браслет с заходящими концами из ромбовидной в сечении проволоки. Первоначально предмет использовался в качестве дужки привески с четырнадцатигранником, а позже приспособили под браслет для детской руки (рис. 3, 10).

Перечисленные находки имеют многочисленные прямые аналогии среди материалов многих раннесредневековых памятников Дагестана, в особенности в горной части.

Среди височных подвесок с четырнадцатигранником из Шотодинского могильника имеются разновидности, характеризующиеся по размерам и способу крепления деталей. Одни из них имеют крупные размеры, полые дужки, концы которых соединены между собой полым кубом со срезанными углами (четырнадцатигранником), другие — цельные дужки и полые четырнадцатигранники, надетые на один заостренный конец дужки. Все они составные. Детали, видимо, соединялись разными техническими приемами, возможно, и пайкой. Третьи привески цельные и имеют завершение в виде куба со срезанными углами. В Дагестане все эти разновидности подвесок представлены в большом количестве.

Д. М. Атаев выделял подвески в три группы по признакам четырнадцатигранников (2, с. 50—57; 9, с. 231—235). Из них III группа подвесок в какой-то степени совпадает с нашей первой группой.

Однако в эту группу Д. М. Атаев включил подвески с полкой дужкой и полым четырнадцатигранником и подвески с цельнолитой дужкой и полым четырнадцатигранником. Две первые группы, выделенные им по выразительности граней и ребер, скорее всего относятся к одной группе, соответствующей нашей третьей группе цельных подвесок. Д. М. Атаев высказал предположение, что такие подвески были созданы в Дагестане, ссылаясь на их долгое здесь бытование и многочисленность (9, с. 231—235). Это положение получило признание и за рубежом, так как нигде не удалось до сих пор проследить постепенное сложение этого украшения. А. К. Амброс считает, что северокавказское проис-

хождение их ничем не доказано, что повсюду они появились одновременно, в комплексах гуннской эпохи. Наиболее раннюю находку из Паласа-сырта он относит ко времени не ранее V в. до н. э., остальные находки к более позднему времени. Он, видимо, прав. В наиболее ранних комплексах встречаются и цельные привески и привески с полым четырнадцатигранником. Массивные привески с полкой дужкой и полым четырнадцатигранником отнесены В. Б. Ковалевской к XI—XII в. (8, с. 227, рис. 94, 105).

Как видим из сказанного, хронология привесок с четырнадцатигранником нуждается в дальнейшей разработке.

Бронзовые браслеты с тремя утолщениями представлены среди наших материалов двумя формами. Одни из них изготовлены из сегментовидного в сечении прута, другие литые, имеют форму согнутого под углом листа. Первые соответствуют четвертой группе классификации Д. М. Атаева, вторые — третьей группе. Он относит их к V—VII вв. (2, с. 57—60).

Ко второй половине I тыс. н. э. могут быть отнесены сюльгамы, изготовленные из бронзовой проволоки (12, с. 131; 13, с. 21—22), концы которой расплющены и закручены в трубочку. Несколько раннюю датировку дает железная сюльгама из перекрученной проволоки. Как отмечает М. П. Абрамова, железные сюльгамы-пращки предшествуют сюльгамам из бронзы (12, с. 117—118, 131, 132). В Буйнакском кургане железные сюльгамы найдены в погребениях ранней группы (конец II в. н. э. — III в. н. э.), а бронзовые — в погребениях поздней группы (IV — нач. VI в. н. э.) (12, с. 117—118, 131, 132). М. П. Абрамова упоминает очень раннюю сюльгаму, изготовленную из витого железного прута из городища Соколова гора (12, с. 117—118, 131, 132), аналогичную по описанию с шотодинской находкой.

Единственный сосуд из Шотода очень близок некоторым сосудам из нижнего слоя Галлинского могильника, датированного Д. М. Атаевым V—VII вв. (2, с. 29—30, рис. 4, 15).

В целом Шотодинский комплекс укладывается в рамки V—XII вв. Дальнейшее изучение Шотодинского могильника, несомненно, позволит уточнить хронологию могильника и особенности его погребальных сооружений и погребального обряда.

Возможно, в окрестностях Шотода имеются три одновременных могильника, т. к. имеются сведения еще о двух разных раннесредневековых могильниках, выявленных здесь. Один из них расположен в 30 м к югу от селения в местности «Чебе меъ»; на правом берегу речки Тобот. Здесь небольшой раскоп в свое время заложил Д. М. Атаев (11, с. 59). Другой могильник находится в 0,5 км к востоку от сел. Шотода, где в каменных ящиках местные жители находили керамические сосуды, арбалетные фибулы и разные бусы, характерные для раннего средневековья (2, с. 50—57; 9, с. 231—235).

Шотодинское поселение. Рядом с могильником Р. Г. Магомедовым и Г. Д. Хангишиевым выявлено еще и поселение. Оно расположено на холме «Лолдухъ». Последний соединен отрогом с окружающей возвышенностью выше села Шотода. На плоской вершине и склонах холма видны многочисленные следы строительных остатков в виде больших и малых завалов, обнажившихся участков стен, а также характерных западинок. На поверхности памятника встречается большое количество обломков керамики и костей животных. Керамика по характеру теста, цвету поверхности относится к раннему средневековью.

Заведующей медпунктом сел. Шотода переданы археологам некоторые вещи, происходящие, по ее словам, с этого места:

1) часть каменного отшлифованного сосуда в виде чаши. На боку имеется углубленное изображение спирали. Высота сосуда — 90 мм, толщина дна — 20 мм, стенок — до 30 мм; 2) обломки ручек глиняных сосудов с круглым сечением. Цвет поверхности красный, в тесте примеси дресвы; 3) обломки стенок красноглиняных сосудов — 2 экз.

На этом поселении был собран керамический материал, характерный для вышеописанного могильника, что позволяет отнести поселение к тому же времени, что и могильник.

Башлыкентский могильник

В 1 км к юго-западу от сел. Башлыкент Каякентского района, на краю вновь построенного водоема, на противоположной стороне от плотины, по которой проходит автомобильная дорога, находится могильник из грунтовых могил, перекрытых горизонтально уложенными каменными плитами. После затопления территории могильника многие погребальные камеры осели и в настоящее время очертания многих наиболее крупных могил хорошо заметны. Сведения об этом могильнике поступили в Институт ИЯЛ от проф. Гаджиевой С. Ш. Из разрушенных погребений этого могильника жителем селения Башлыкент Рашидовым собраны материалы, переданные в Институт ИЯЛ. Среди них имеются:

1) Кувшин ойнохоевидной формы с высоко выступающим сливным носиком и яйцевидным туловом, переходящим в шейку-перехват. Сосуд имеет устойчивое дно, овальную ручку, соединяющую плечики с основанием венчика, а также серую поверхность, украшенную горизонтальными желобками. Тесто с примесью мелко толченого песка. Размеры: высота — 305 мм, нижней части тулова — 105 мм, высота плечиков — 120 мм, высота горла — 80 мм, диаметр дна — 118 мм, диаметр тулова — 219 мм, диаметр горла — 81 мм (рис. 4, 4).

2) Кувшин с расширяющимся в раструб венчиком, шаровидным туловом, переходящим в суживающееся кверху горло и устойчивым дном. На тулове имеется петлевидная ручка. Осно-

вание шейки сосуда опоясано парными линиями, состоящими из точек. Поверхность грязновато-розовая. Черепок в изломе серый. Тесто с примесью толченого песка, содержащего ракушки. Размеры: высота сосуда — 146 мм, нижней части тулова — 45 мм, плечиков — 41 мм, горла — 60 мм, диаметр дна — 90 мм, тулова — 125 мм, горла — 53—80 мм, устья — 68 мм (рис. 4, 3).

3) Кувшин с цилиндрическим расширяющимся кверху горлом, биконическим туловом и устойчивым дном. Ленточная зооморфная ручка соединяет плечики сосуда с основанием его венчика. Поверхность красная ангобированная. Тесто с примесью песка, содержащего ракушечник. Размеры: высота — 92 мм, нижней части тулова — 25 мм, плечиков — 27 мм, шейки — 35 мм, диаметр дна — 40 мм, тулова — 83 мм, горла — 53 мм, устья — 62 мм (рис. 4, 2).

4) Миска лепная с широким дном и вертикальными краями. Поверхность серая, сглаженная. Тесто с примесью песка, содер-

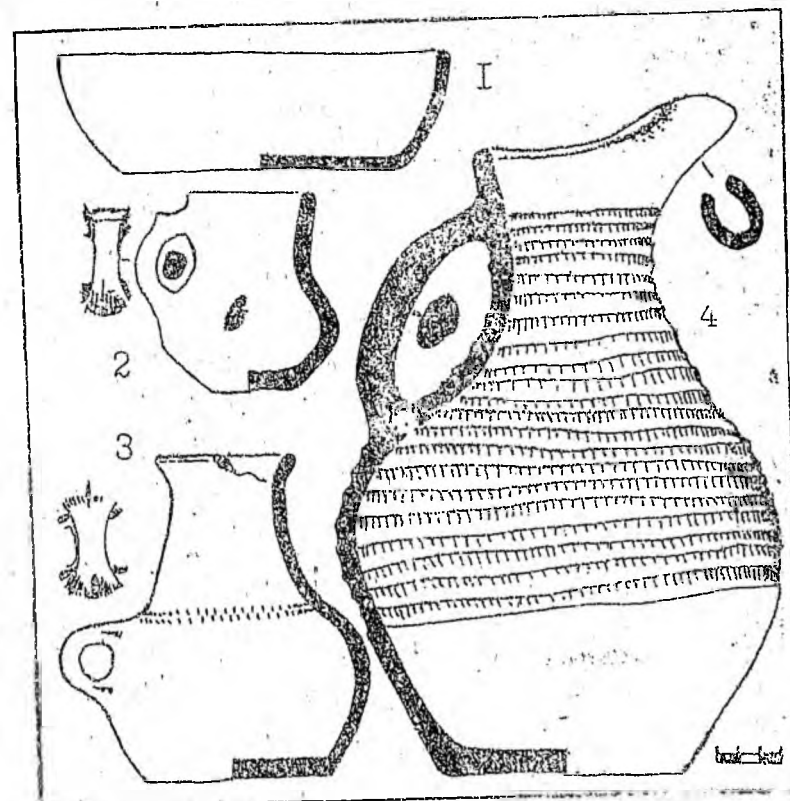

Рис. 4. Башлыкентский могильник (случайные находки):

1—4 — сосуды

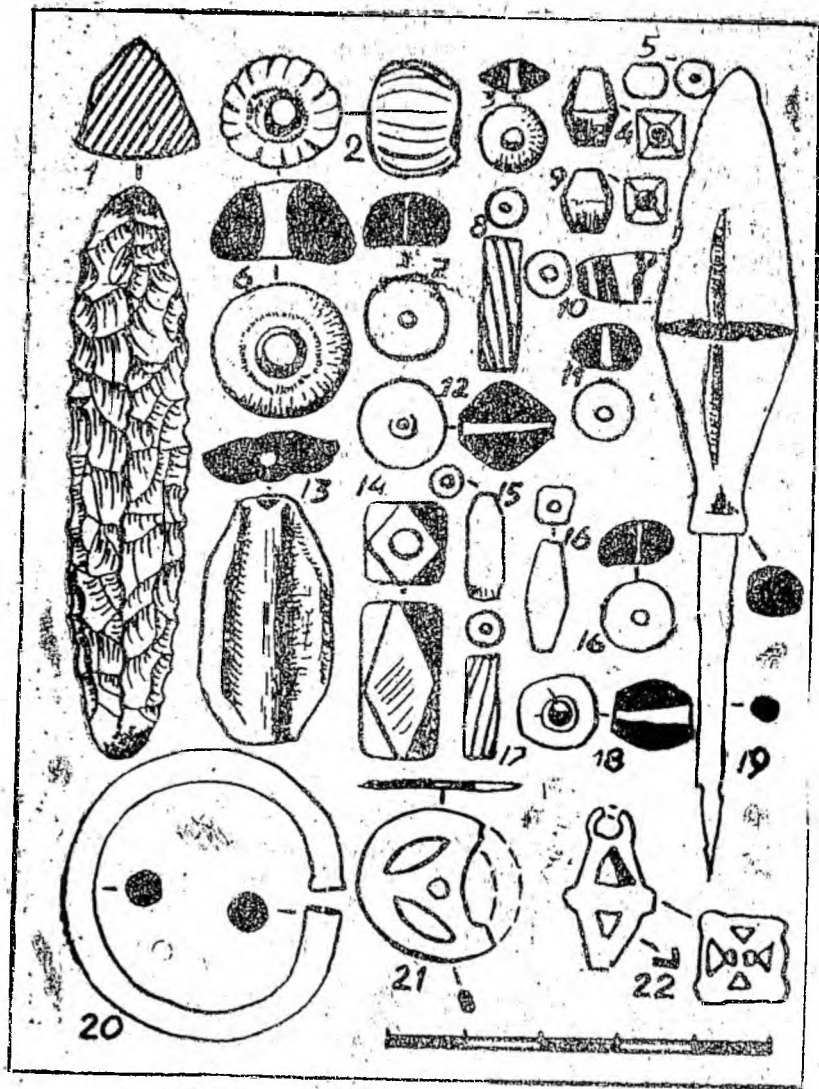

Рис. 5. Башлыкентский могильник (случайные находки):
 1 — ретушер; 2—18 — бусы; 19 — наконечник стрелы; 20 — пряжка
 (язычок утерян); 21 — бляшка; 22 — колокольчик; 2 — кремль, 2,
 5—7, 12, 15—17 — фаянс; 3, 4, 8, 10, 11, 16, 18 — стекло; 9 — гагат

жашего ракушечник. Размеры: высота сосуда — 57 мм, диаметр устья — 185 мм, дна — 137 мм (рис. 4, 1).

5. Железный черешковый наконечник стрелы с упором в конце пера, имеющего форму вытянутого ромба. С обеих сторон на всю длину пера нанесены продольные насечки (рис. 5, 19).

6. Бронзовая пряжка из круглой проволоки с разомкнутыми рудленными концами. Язычок утерян (рис. 5, 20).

7. Бронзовая бляшка, выполненная в виде круга, заключающего в себе треугольник с отверстием в центре. Диаметр пряжки — 20 мм, толщина — 1,5 мм (рис. 5, 21).

8. Бронзовый прорезной колокольчик бипирамидальной формы с петлей для подвешивания. Высота подвески с петлей — 22 мм, пирамидки — 19 мм, размеры основания пирамидки — 12 мм (рис. 5, 22).

9. Кремневый ретушер. Один конец имеет следы затертости. Длина изделия — 75 мм, толщина в центре — 14×15 мм (рис. 5, 1).

10. Бусы (62 экз. — рис. 5, 3, 4, 8, 10, 11, 16, 18) из стекла: две из темно-зеленого стекла имеют форму плоского бруска с продольным отверстием. Из темно-синего стекла имеет форму параллелепипеда со срезанными углами и продольное отверстие (1 экз.). Из такого же стекла бусы имеют округлую биконическую и бипирамидальную форму.

Одна округлая бусина изготовлена из гагата (рис. 5, 9).

Фаянсовые зеленоватые бусы имеют разные формы: округлые с рифлением (3 экз. — рис. 5, 2), округлые гладкие больших и малых размеров, в виде продолговатых трубочек (рис. 5, 15, 16). Имеются бусы мозаичные (рис. 5, 10).

Башлыкентский могильник содержит хорошо датированные предметы материальной культуры. Особый интерес представляет красный ангобированный кувшин с биконическим туловом и цилиндрическим горлом, имеющим ленточную зооморфную ручку. Аналогичные кувшины М. П. Абрамова относила к IV—V вв., допуская их появление в III в. (12, с. 123). К этому же времени относятся плоские пряжки и биконическая подвеска (12, с. 123), а также другие находки из Башлыкентских разрушенных могил.

1. Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. 1961. Т. II.

2. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

3. Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. 1961. Т. II.

4. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // Археология СССР: САИ. М.: Наука, 1966. Вып. Д 1—30.

5. Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. 38.
6. Каминский В. Н. Раннесредневековые аланские катакомбы на среднекубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
7. Багаев М. Х. Раннесредневековый могильник у селения Хорочай. // АФС ЧИНИИ ИЯЛ. Грозный, 1976. Т. IV.
8. Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
9. Атаев Д. М. Височные привески с четырнадцатигранником (Из Дагестана) // СА. 1963, № 3.
10. Атаев Д. М. Каменные кресты из окрестностей Хунзаха // МАД. 1959, Т. I.
11. Атаев Д. М. Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // МАД. 1973, Т. III.
12. Абрамова М. П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
13. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. Вып. 106.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

С. В. Гусев

**ТОПОГРАФИЯ НАХОДОК МОНЕТ,
ЧЕКАНЕННЫХ В ДЕРБЕНТЕ
ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIV — НАЧАЛЕ XV вв.**

В отличие от других республик Кавказа, где систематически издаются своды находок монет, исследуется денежное обращение, в Дагестане эта работа не ведется. К сожалению, тот мощный задел, который был сделан профессором Е. А. Пахомовым (1), не был подхвачен. Дагестанский краевед М. И. Исаков, издавший «Археологическую карту Дагестана», пытался продолжить эту работу (2). Он включил в свою работу известные ему находки монет на территории Дагестана, опираясь на публикации Е. А. Пахомова и мало чем их дополняя. Между тем, при ограниченности и односторонней направленности письменных памятников, монеты являются незаменимым источником в изучении экономической истории.

Завоевание в 1239 г. Дербента монголо-татарами нанесло сильный урон городу. Однако, несмотря на кровопролитные войны между джучидами и хулагуидами, пунктом соприкосновения которых являлся Дербент, город выступал важным торгово-экономическим центром на Кавказе (3, с. 134—145). По-прежнему через него проходил один из отрезков «шелкового пути» — «От Железных Ворот (Дербент. — С. Г.), которые означают город Баку (явная ошибка автора. — С. Г.), до пределов Хатайских земель, со стороны Сибири и Ибири, караван бывает в пути 5 месяцев» (ал-Омари) (4, с. 236).

Во второй пол. XIV — нач. XV вв. Восточное Закавказье и Северо-Восточный Кавказ были ареной борьбы государств хулагуидов, джелаиридов, музаффаридов, тимуридов и Золотой Орды (5, с. 204—222).

Распадавшееся хулагуидское государство еще владело в сер. XIV в. Дербентом и чеканило здесь свою монету. Известен дирхем Ануширвана, чеканенный в Дербенте в 755/1354—5 гг. — Селитренное городище, Астраханская обл., 1949 г., клад (6, с. 73, № 2120).

Музаффариды и джелаириды, в разное время владевшие Дербентом (7, с. 47—48), стремились зафиксировать этот факт в легендах монет. В последнее время в Азербайджане при археологических работах в Шабране найдены две джелаиридские монеты

(8, с. 145, № 1026)*. В Баку при археологических раскопках в Ичери-Шехер обнаружена единственная известная на настоящий день монета, чеканенная музафаридами в Дербенте (8, с. 1614)**. Вероятнее всего, эта монета чеканена Мубариз-ад-дином Мухаммедом в 759/1361 г., когда он установил свое влияние над Закавказьем (7, с. 48). Влияние его оказалось недолгим, т. к. правитель джелаиридов Увейс сумел вытеснить музафаридов и захватил свою власть в Ширване и Грузии, где чеканил монеты со своим именем (7, с. 48—49). Обе его монеты датированы 772/1370—71 гг. Джелаиридские преемники Увейса прочно удерживали власть над Ширваном и били там свою монету.

Упомянутая в сводке Э. Цамбаура монета Дербента 776/1374—75 г. опубликована в одном из аукционных каталогов (9, с. 21, 117. Табл. 15). Вероятнее всего, она является джелаиридской.

При Тохтамыше воспрянувшая Золотая Орда вновь стремится подчинить себе Восточный Кавказ. В 1385—86 г. войска Тохтамыша прошли через Дербент и разгромили Тебриз (7, с. 49), а с 1388—89 г. в Дербенте чеканились джучидские дирхемы с именем Тохтамыша (7, с. 49). Зафиксированы следующие находки монет Тохтамыша, чеканенных в Дербенте:

2 монеты 1388—89 г. — Екатеринославская губ., клад последней четверти XIV в., серебрс (10, 104; 1887);

в 1851 г. в с. Александровское Запорожского уезда Екатеринославской губ. был найден клад серебряных монет весом около 22 кг. Всего 14350 монет, из которых 7992 — Тохтамыша, битые в Дербенте, Шемахе, Шаберане, Махмудабаде, Гуштасли в 1386—89 гг. (11, 74:624);

несколько монет, чеканенных Тохтамышем в 788—89/1386—88 гг., входили в состав клада из 160 серебряных монет, найденного в 1861 г. в Тифлисском уезде (12, 56:163);

3 монеты 793/1389—90 г. — Баку, 1934 г., смешанный клад из 388 серебряных монет, в состав которого входят и тимуридские (11, 45:478);

в 1981 г. в ходе археологических раскопок в Шаброне были найдены 4 монеты Тохтамыша, битые в Дербенте (8, № 401, 436, 725, 814)*.

В 1395—1396 гг. Восточный Кавказ был покорен Тимуром, избравшим базой для подготовки своих следующих завоеваний Дербент, где чеканил монету (5, с. 214—217; 7, с. 49).

9 монет Тимура, чеканенных в Дербенте между 1395 и 1402 гг. с именем подставного хана Махмуда и со сбитыми датами,

входят в состав клада из 388 серебряных монет, найденного в 1934 г. в г. Баку (11, 45:478).

Несколько монет Тимура, чеканенных в Дербенте, со сбитыми датами найдено в ходе археологических раскопок в Шаброне (8, № 1100, 1147)**. Еще один дирхем обнаружен в Куткашенском районе Азербайджана***.

Монета Тимура, чеканенная с именем подставного хана Махмуда и внука Тимура Мухаммада со сбитой датой найдена в Орджоникидзеабадском р-не Таджикистана в составе клада серебряных монет в 1961 г. (13, табл. 15; 5. Клад № 59).

Известна единственная монета Тимура с датой из чеканенных им в Дербенте — серебряная теньга 1401—2 г. с именем подставного хана Махмуда (7, с. 49).

После смерти Тимура в 1405 г. Ширван и вошедший в его состав Дербент становятся фактически независимыми (5, с. 217). Чеканка монет с именем золотоордынского хана Шадибека в Дербенте в 809—812/1406—10 гг. — лишь отражение номинального подданства, используемого ширваншахом Ибрахимом I для прикрытия именем представителя крупного соседнего государства (7, с. 50—51).

Нумизматические находки свидетельствуют о стремлении различных правителей подчеркнуть свое обладание Дербентом, являющегося ключевым стратегическим и экономическим пунктом на всем Восточном Кавказе. Чеканка монет от имени различных правителей позволяет уточнить политическую историю Дербента, а картографирование находок указывает не только на торгово-экономические связи с Юго-Восточной Европой и Средней Азией в XIV — начале XV вв., но и дает веские основания говорить об обращении денежных знаков различных государств и правителей на равных основаниях в Азербайджане, Грузии, на Северном Кавказе, в Поволжье и Приднепровье.

Изучение топографии монет, чеканенных в Дербенте во второй пол. XIV — начале XV вв., указывает на ареалы их распространения в различные периоды. Наличие довольно значительного количества монетных дворов в исследуемый период наложил свой отпечаток на денежное обращение. В этот период нет, скажем, такого широкого распространения монет по дальности и хронологии, как в IX—XI вв., когда дирхемы с Востока проникали на север Европы.

Монеты Тохтамыша, чеканенные в Дербенте, имели хождение от Шаброна в Азербайджане до южнорусских степей включительно. Монеты Тимура дербентской чеканки очень редки, тем не менее, они обращались и в Азербайджане и даже проникали в Таджикистан.

* Выражаю искреннюю благодарность А. М. Сейфеддину, указавшему на эти монеты.

** Определение М. А. Сейфеддину.

*** Определение М. А. Сейфеддину.

** Определение М. А. Сейфеддину.

*** Хр. в Краеведческом музее Куткашенского района Азербайджана. Определение М. А. Сейфеддину.

Зона распространения монет, битых в Дербенте, видимо, представляет собой ту общность, внутри которой экономические связи осуществлялись путем товарно-денежных операций в виде прямых контактов, а не опосредованных. Внутри этой общности существовали очень близкие культурные и производственные традиции. Изучение кашинной керамики второй половины XIII—XV вв. из раскопок в Дербенте и ее сопоставление с керамикой подобного типа в Азербайджане, Маджарах, Поволжье указывает на распространение очень близких, а порой почти идентичных экземпляров сосудов на этой территории в большом количестве (14, с. 78—79). И здесь дело не только в развитости экономических связей, но и в общности производственных традиций.

Указанная экономическая зона включала в себя только плоскостные районы Северного Кавказа, на что указывает полное отсутствие находок монет второй пол. XIV — начала XV вв. в предгорных и горных районах.

1. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1926—1966. Вып. I—IX.
2. Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
3. Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дагестана (VI—XVIII вв.) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
4. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I.
5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
6. Пахомов Е. А. Монетные клады... Вып. IX.
7. Его же. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным // КСИА — 1956. № 66.
8. Фонды ИИ АН Азербайджана.
9. Lambaig E. Die Münprägungen des islam. Wiesbaden, 1968.
10. Пахомов Е. А. Монетные клады... Вып. IX.
11. Там же. Вып. 11.
12. Там же. Вып. 1.
13. Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
14. Гусев С. В. Опыт классификации кашинной керамики Дербента второй пол. XIII—XVI вв. // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ДАЭ	— Дагестанская Археологическая экспедиция.
ДКМ	— Дагестанский краеведческий музей.
АЭС	— Археолого-этнографический сборник.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
КНИИ	— Кабардинский научно-исследовательский институт.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МИА	— Материалы и исследования по археологии Дагестана.
МКА	— Материальная культура Азербайджана.
НВИК	— Нижневолжский институт краеведения.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра АН СССР.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
ОСКГ	— Сборник сведений о кавказских горах.
СЭ	— Советская этнография.
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ЧИНИИ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

- Абакаров Али Исмаилович** — старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР.
- Атаев Гамзат Дибирович** — младший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР.
- Гаджиев Магомед Гаджиевич** — заведующий отделом археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР, доктор исторических наук.
- Гаджиев Муртазали Сиражутдинович** — старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР, кандидат исторических наук.
- Гмыря Людмила Борисовна** — старший научный сотрудник ИИЯЛ, кандидат исторических наук.
- Гусев Сергей Валентинович** — аспирант сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР.
- Давудов Омар Малаевич** — ведущий научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР, доктор исторических наук.
- Кудрявцев Александр Абакарович** — ведущий научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР, доктор исторических наук.
- Магомедов Рабадан Гаджиевич** — научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР.
- Маммаев Мисрихан Маммаевич** — старший научный сотрудник отдела истории искусств Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР, кандидат исторических наук.
- Салихов Багаутдин Махмудович** — младший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР.
- Хангишиев Гаджи Джангишиевич** — младший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН СССР.

От составителя	3
Гаджиев М. Г. Горы и равнины Дагестана в эпоху раннего металла	6
Магомедов Р. Г. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана	13
Атаев Г. Д. Керамика со шнуровым орнаментом из присулакских памятников эпохи бронзы	39
Давудов О. М., Хангишиев Г. Дж. Гюхракский могильник	49
Давудов О. М. Некоторые культовые места горного Дагестана	62
Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV)	87
Гаджиев М. С. Погребальный комплекс II—III вв. на поселении Ганзир (Табасаран)	116
Салихов Б. М. Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентских курганов	130
Маммаев М. М. Дракон в средневековом искусстве Дагестана	151
Пикуль М. И. Могильник у сел. Дуранги	165
Гмыря Л. Б. Орудия труда Паласа-сыртского могильника (по материалам раскопок 1985—1987 гг.)	182
Абакаров А. И., Магомедов Р. Г. Новые археологические находки из горного и плоскостного Дагестана	190
Гусев С. В. Топография находок монет, чеканенных в Дербенте во 2-й половине XIV — начале XV вв.	203

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГОРЫ И РАВНИНЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Сборник трудов

Редактор Е. В. Спивак
Технический редактор Н. В. Эседуллаева

Н/К

Сдано в набор 16.07.92. Подписано в печать 7.09.92.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 2. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. п. л. 13,2. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 300 экз.
Цена 55 руб. Заказ 575.

Дагестанский научный центр РАН
г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского научного центра РАН
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10